МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ
ДЕВУШКА
В ЦЕПЯХ
18+

Annotation

«Девушка в цепях» – картина, подарившая мне надежду на новую жизнь и встречу с опасным мужчиной, чье лицо скрыто под маской. Одна ошибка, и я в плену магического долга. Долга, о котором в приличном обществе не принято говорить. Долга тому, чья магия сокрушительна и жестока. Пауль Орман привык получать все и вся, и теперь рядом с ним девушка в цепях – это я.

- Девушка в цепях
  - Пролог
  - Часть 1
  - Часть 2

Девушка в цепях
Марина Эльденберт

Пролог

Колесо угодило в выбоину, взметнув фонтанчик яростных брызг. Я даже понять ничего не успела, когда содержимое единственной в округе лужи хлынуло на меня, окатив с головы до ног. Мобиль пролетел с такой скоростью, что следом за ним чуть не улетела шляпка, державшаяся на честном слове, то есть на собственноручно сооруженной впопыхах прическе. Проходившая мимо женщина с корзиной сочувственно на меня покосилась, а я отошла в сторону, чтобы оценить масштаб катастрофы.

Масштаб оказался… масштабным.

Пальто было испорчено безнадежно: грязные брызги намертво впитались в кремовый фетр. Несмотря на стремительный прогресс, улицы Лигенбурга даже в центре с очень большой натяжкой можно назвать чистыми. И дело даже не в том, что дым с промышленных окраин оседает везде, куда доберется. После изобретения мобилей пыли стало в десятки раз больше, а наши дороги… ну, не сказать, чтобы для них приспособлены.

Я стянула перчатку и потерла крохотное пятнышко на запястье, которое тут же стало еще больше. Случись такое в любой другой день, мне было бы все равно, но сегодня… Хотя в любой другой день со мной такое вряд ли могло бы случиться. Это пальто я купила на последние сбережения для встречи с директором музея искусств, мистером Ваттингом. Встречи, от которой зависела вся моя дальнейшая жизнь.

Ладно, пусть даже пальто погибло, но встреча еще нет.

В моих, и только в моих силах сделать все, чтобы ему понравилась моя картина.

Я решительно поправила на плече тубу с холстом и сквозь людской поток зашагала к площади Витэйра, сразу за которой располагался музей искусств. Огромное трехэтажное здание, с окнами в мой рост, занимавшее целый квартал. Раньше здесь была городская резиденция графа Аддингтона, участника заговора против короны, но после его гибели особняк отошел государству, как и все его земли. Ее величество Брианна распорядилась перевести в особняк лигенбурский музей искусств, поэтому теперь здесь проходили все самые известные выставки. Несколько раз мы посещали их с леди Ребеккой, женщиной, которая заменила мне мать. Тогда я и подумать не могла, что однажды смогу здесь выставляться.

Чем ближе я подходила, тем сильнее колотилось сердце, но у дверей

музея меня ожидал сюрприз.

«Выходной», – гласила надпись на табличке, возвышающейся на бронзовой ножке.

Центральный вход оказался закрыт, так же, как и ворота, ведущие во внутренний двор. Каменные стены протянулись коридорами под открытым небом, заворачивающими так резко, что дальше ничего не рассмотреть. Как раз в тот момент, когда я об этом подумала, часы пробили десять. А это значит, что до встречи осталось… пятнадцать минут.

Я в жизни так не бегала.

Пролететь вдоль дома, за ним еще полквартала, нырнуть в переулок, а потом бежать назад с другой стороны. Запахи дыма, дерева и выпечки смешивались с бодрящей свежестью. Осеннее утро выдалось холодным: несмотря на яркое солнце, ветерок покусывал щеки. Близость Бельты делала его еще более сырым и колючим, поэтому я была искренне рада, когда добралась до служебного входа. К счастью, калитка в высоких кованых воротах с королевским гербом оказалась не заперта. Я притормозила, глубоко вздохнула и степенно, как положено благовоспитанной мисс, направилась к двери.

Под навесом стоял мобиль, в котором, укутавшись старым пледом, дремал шофер. Раньше здесь наверняка была конюшня, но с появлением изобретения, позволяющего преодолевать расстояния значительно быстрее, от экипажей многие отказывались в их пользу. Те, кто мог себе это позволить, даже нанимали водителя, который возил по делам и по развлечениям.

Массивная дверь поддалась с тяжелым скрипом, эхо разнеслось по коридорам.

– Доброе утро! Мне назначено, – облегченно выдохнула суровому мужчине за конторкой. – Мисс Шарлотта Руа к мистеру Ваттингу.

На приветствие он не ответил. Его вздернутый острый подбородок создавал ощущение, что голова вот-вот откинется назад, но вопреки этому она тяжело устремилась вниз, словно собиралась проткнуть журнал с записями. Заскорузлый палец заскользил по строчкам и замер. После этого он поднял голову и спросил:

– Посыльная?

– Художница.

Выражение лица мужчины стало еще более суровым, особенно когда он заметил тубу за моей спиной. Негоже женщинам заниматься искусством. И всем остальным тоже негоже, все это явно читалось в опущенных уголках губ и тяжелом взгляде. Так же тяжело он указал направо.

– Пройдете три пролета, повернете и увидите дверь из туанэйского дерева, с золоченой ручкой. Это кабинет мистера Ваттинга. Только непременно постучите перед тем, как войти, а дальше вам секретарь все укажет.

«Непременно» он выделил так, словно я была не в состоянии понять, что это значит.

Слова благодарности застыли на губах, поэтому просто шагнула в сторону указанного коридора.

Случайно зацепилась взглядом за висящее на стене зеркало и ахнула. Я напоминала не то леопарда-альбиноса, не то что-то пятнистое, науке неизвестное. Из приличного во мне осталась только прическа. Слабый огонек светильника превращал подхваченные лентой локоны в огненные нити, глаза сверкали, на щеках два красных пятна, грудь тяжело вздымается. Брызги пятнышками темнели не только на одежде, но и на лице. Сдавленно охнув, я судорожно раскрыла ридикюль и принялась в нем копаться в поисках платка. Вместо него нашлись ключи, блокнотик с записями сюжетов для картин, смятая пачка леденцов, в которой сиротливо брякал последний, и…

– Возьмите.

Хриплый голос заставил подпрыгнуть. Стоявший позади мужчина шагнул ближе. В полумраке холла я отчетливо рассмотрела маску, прикрывающую большую часть лица, и руку, протягивающую платок.

– Спаси…

Не говоря ни слова, он направился дальше по коридору. Слегка прихрамывая и сутулясь.

– …бо, – закончила я, глядя в удаляющуюся спину.

Пятнышки оттерлись быстро, и, наскоро затолкав платок в сумочку, я поспешила в кабинет. Секретарь, оценив мой вид, предложил разместить пальто на вешалке, чему я была несказанно рада. Забрызганную шляпку водрузила туда же, оставшись в скромном серо-голубом платье с камеей на воротнике.

В кабинете мистера Ваттинга было светло. Солнце плескалось в гранях стеллажей с книгами и полировало лысину владельца. Наверное, при желании в нее можно было смотреться, как в зеркало. Едва успела подумать, что в голову от волнения лезет всякая ерунда, как сам он, невысокий полный джентльмен в костюме-тройке, поднял на меня взгляд. От волнения под перчатками вспотели ладони, но я все-таки сделала книксен (насколько позволяла болтающаяся за спиной туба) и поздоровалась.

– Мисс Руа. Проходите, присаживайтесь.

Я подхватила тубу поперек и поставила ее у стола, устроившись в предложенном мне кресле.

– Значит, вы протеже Грэгори.

От меня не укрылось, что графа он назвал по имени, а вот «протеже» неприятно резануло слух.

– Не протеже, гувернантка его сына, – поправила я. – Граф Вудворд узнал о том, что я пишу картины, и был очень любезен, когда…

– Конечно-конечно, – перебил меня директор музея. – Ну, покажите, что у вас там.

Я быстро стянула перчатки и осторожно достала картину.

Над ней я работала более полугода, она занимала все мои мысли и все свободное время… да что там. Я не могла спать, не могла есть, а едва вернувшись с занятий с Илайджей, сразу бежала к мольберту. Иногда вспоминала о том, что надо поесть глубокой ночью, а иногда не вспоминала вообще. Валилась с ног от усталости, но все-таки вставала пораньше, чтобы успеть добавить несколько штрихов. И вот теперь осторожно развернула холст, расстелив его на столе перед мистером Ваттингом. От волнения руки дрожали, но я даже не уронила крышку тубы себе на ногу (как сегодня утром, когда собиралась).

– Гм… – Он едва скользнул взглядом по картине, а потом перевел его на меня. – Это вы написали, мисс Руа?

От того, как это было сказано, краска залила щеки.

– Разумеется, я.

Пару секунд мистер Ваттинг буравил меня взглядом.

– Вынужден вам отказать, – сказал он и подвинул холст двумя пальцами в сторону.

Кабинет сузился до полотна, а потом снова растянулся в полный размер. Руки похолодели.

– Но вы даже не взглянули толком.

Снисходительность сменилась раздражением.

– Я слишком ценю свое время, мисс Руа, чтобы отчитываться перед вами о причинах своих решений. Поэтому прошу…

– Позвольте.

Как и в прошлый раз хриплый голос раздался из-за спины, только на сей раз подпрыгнули мы вместе с директором. Серебристый набалдашник коснулся стола, и пальцы мистера Ваттинга отпрыгнули от холста, словно его могли ужалить. Я же, напротив, замерла, глядя на трость, едва касающуюся уголка картины. И моего локтя. Затянутая в платье, я почему-

то чувствовала ее, как раскаленную сталь на обнаженной коже. А еще присутствие у себя за спиной: мужчина стоял гораздо ближе, чем допускали приличия, но прежде чем я успела об этом заявить, меня уже обошли. Трость скользнула в его руку словно на невидимой нити, легла как влитая. Маска открывала только губы и подбородок, и я вдруг поняла, что смотрю на эти самые губы. Сжатые в тонкую линию.

Вспыхнув, отвела взгляд.

– Ох… Месье Орман, не знал, что вы заглянете сегодня. Безумно рад вас видеть! – Директор музея как-то подозрительно засуетился. – Право-слово, не тратьте время, хороший знакомый попросил посмотреть работу своей протеже, и я не смог ему отказать…

Не знаю почему, но именно сейчас за «протеже» мне захотелось огреть его тубой.

– Пауль, – прекратил излияния Ваттинга мужчина.

– Что?

– Я просил называть меня только по имени.

– Да, конечно. – Лысина засверкала еще сильнее, директор полез за платком. – Давайте проводим мисс и обсудим…

– Кто вам позировал? – не обращая ни малейшего внимания на бормотание директора, спросил мужчина.

Взгляд сквозь прорези маски вонзился в меня, мешая дышать.

– Никто, – через силу ответила я, почему-то глядя на трость.

И на руку в перчатке, сжимающую набалдашник. Он сжимал его почти нежно, постукивая пальцами по взрезанному узором серебру, но меня не оставляло чувство, что сдави месье Орман чуть сильнее – и металл раскрошится в пыль.

– Я не могу позволить себе натурщицу, – сбросив оцепенение, вернулась к картине. – И потом, это скорее собирательный образ. Образ всех женщин Энгерии, освобождающихся от цепей жестких рамок. Это символизм. Свобода.

На картине была изображена девушка. Разлетающиеся прахом цепи, босые ноги, платье с неброским кружевом, и темные, льющиеся за спиной волосы. За стягивающими хрупкие запястья оковами, врастающими в стену, не было ничего, кроме размытой пепельно-серой дымки каменных стен и холода стали. Впереди раскинулось многоцветье красок и высокое небо: там, куда она делала шаг, ее платье обретало цвет – так же, как обнаженные плечи и очертания города.

Невольно засмотревшись на нее, подняла голову, чтобы снова наткнуться на пристальный взгляд.

– Как вы ее назвали?

В этом хриплом голосе было что-то неуловимо-притягательное и в то же время пугающее. Он говорил о ней так, словно она была живой. Она и была живой, но он говорил не о картине. О девушке.

– Девушка в цепях.

– Девушка в цепях, – Пауль Орман повернулся к директору, – должна быть представлена на выставке. В центре экспозиции.

А…

– О… – только и вымолвил мистер Ваттинг.

– Я зайду завтра. – Опираясь на трость, он шагнул мимо меня к двери, и я уловила легкий запах сандала. – Как вы совершенно точно заметили, в мои планы не входило беседовать с вами сегодня.

– Но позвольте… как же тогда вы здесь очутились? – произнес окончательно сбитый с толку директор.

Честно говоря, я бы и рада была присоединиться к его удивлению, но где-то на словах «в центре экспозиции» у меня случилось что-то вроде ступора. Впрочем, в следующую минуту ступор перешел в глубокий… как это принято называть в высшем обществе, одно из новомодных словечек, из медицины, кажется… глубокий шок. Потому что Пауль Орман обернулся и ответил, глядя мне в глаза.

– Все очень просто, мистер Ваттинг. Я шел за ней.

Часть 1
Художница

1

– Ох, Лотти, ну ты и выдумщица, – пробормотала Лина.

В своем небесно-голубом платье с жемчужным кружевом подруга была чудо как хороша. Щеки раскраснелись, так же, как и губы – первые она пощипывала, а вторые покусывала всякий раз, когда готовилась выйти из комнаты. Впрочем, ей все это было не нужно: природа щедро наградила ее внешностью, которой завидовали все дебютантки прошлого сезона Лигенбурга. Волосы удивительного пепельно-золотистого оттенка, глаза цвета сочной молодой травы. Брови – не светлые, как часто бывает у блондинок, а словно мел смешали с крошкой уголька, и цвет-в-цвет такие же длинные, пушистые ресницы. Аккуратный рот, пухлые губы и ямочки на щеках, которые неизменно притягивали взгляды, когда она улыбалась.

Я не раз предлагала написать ее портрет, но Лина отмахивалась и говорила, что успеется.

«Я не хочу тратить время и сидеть на стуле, когда вокруг столько всего интересного», – говорила она.

– Папеньке это ничего не стоило, – закончила мысль Лина, еще раз крутанувшись перед зеркалом. – Думаю, он уже и забыл… но я обязательно передам, как ты ему благодарна. А теперь пойдем!

Она выпорхнула из комнаты раньше, чем я успела ответить. Мне оставалось только последовать за ней.

– И все же, Лина, я бы очень хотела поблагодарить его лично.

Подруга наморщила нос.

– А меня? Ведь это именно я за тебя просила!

– Тебя я никогда не устану благодарить!

Шагнула, чтобы ее обнять, но Лина выставила руки в сторону и проворно отскочила:

– Осторожней! Платье помнешь!

Подруга относилась к тому типу леди, которые увидев лишнюю складочку на одежде, теряют настроение на весь оставшийся день. Поэтому настаивать не стала.

С Линой, точнее, с леди Эвелиной Фейт, дочерью графа Вудворда от

первого брака, я познакомилась около года назад, когда пришла наниматься гувернанткой для ее младшего брата. Тогда она едва на меня взглянула, но однажды, пока Илайджа пыхтел над чистописанием, а я штриховала небо на промокашке, она заглянула в классную комнату и позвала меня в коридор.

– Мне право, неловко вас просить, – прошептала Лина и щеки ее заалели, – но прислуге я не доверяю, они тут же все разболтают. Не могли бы вы передать это письмо в назначенный час? Просите все, что хотите.

Разумеется, я ничего не попросила, а записку передала камердинеру молодого виконта Риста, который в конце сезона сделал Лине предложение руки и сердца. Думается мне, после этого все незамужние девушки вздохнули с облегчением, я же до сих пор с улыбкой вспоминала случай, который сделал нас подругами. Случай и тонкий голубой конверт, запечатанный магическим узором виконта, который я принесла через пару дней. И следующий от Лины: белоснежный, хранящий легкий аромат ее духов.

Я никогда не писала любовных писем, и мне их не писали тоже.

Леди Ребекка придерживалась мнения, что забивать голову всякими глупостями ее воспитаннице не положено. Впрочем, я не возражала: мне нужно было усердно учиться, чтобы по достижении шестнадцати лет я могла сама зарабатывать себе на хлеб. Правда, на хлеб не всегда получалось – часть жалованья уходила на оплату жилья, небольшую квартирку на северном берегу Бельты, неподалеку от окраины, где расстраивался новый квартал. Часть – на холсты, краски и кисти, а законченные сюжеты отправлялись к мистеру Рингселу. Он держал небольшую лавку на рынке и продавал их за приличный процент. Невесть какие деньги, не в пример тем, что можно получить в художественной мастерской или магазине (хозяева которых меня даже слушать отказывались, потому что я женщина), но лучше так, чем складывать их у себя и никому не показывать.

Не писать я не могла, а мысль, что мои картины согреют чей-то дом, грела и мое сердце. Правда, не так, как пальто, на которое Лина покосилась с недоумением.

– Лотти! Что это?

– Я, мобиль и лужа, – вздохнула, а подруга сморщила носик.

– Папенька говорит, что эта дрянь здорово отравляет воздух. И вообще, ни одна леди не сядет в этот тарахтящий котел на колесах.

Да, встретить леди в мобиле все равно, что леди в неглиже. Между тем как я была решительно не согласна, что надо отказываться от удобств в

пользу условностей и традиций. Если можно добраться из города в город на несколько часов быстрее, чем даже на поезде, почему этим не воспользоваться? В конце концов, летают же леди на дирижаблях… Но некоторые аристократы, подобно графу Вудворду, продолжали отрицать дары прогресса просто за то, что они есть. Считая, что именно они виноваты в отступлении магии и заключении ее в артефакты.

– Я бы села, – сказала задумчиво.

– И стала бы похожа на хрюшку.

– Я и так похожа на хрюшку, – философски заметила я, разглядывая пальто.

– Все потому, что ты наткнулась на этот дурацкий мобиль!

Дворецкий графа тактично промолчал.

– Эвелина, ты еще не ушла? – раздался со стороны лестницы негромкий голос. – Я бы хотела тебя попросить…

– Пошли, пошли, пошли! – зашипела подруга и быстро вытолкала меня за дверь прежде, чем я успела опомниться.

– Лина! Я даже не успела поздороваться с леди Вудворд.

– Не страшно. – Подруга скривилась и приподняла юбки, устраиваясь в экипаже.

Отношения с мачехой у Лины категорически не складывались. Лично мне графиня казалась довольно милой женщиной, но подруга считала, что та заняла место ее матери. Когда она умерла, Эвелине едва исполнилось четыре, а спустя несколько лет отец женился повторно.

– Но она о чем-то хотела тебя попросить.

– Вот еще! Я не прислуга, чтобы по ее поручениям бегать.

– Но…

– Лотти, еще одно слово о ней – и я перестану с тобой разговаривать!

Эвелина сдвинула брови, зеленые глаза потемнели, как листья перед грозой, в них засверкали слезы.

– Она только и делает, что пытается изображать маму, но она мне не мать, и никогда не будет!

– Прости, – примирительно коснулась ее руки. – Мне не следовало тебя упрекать.

– Вот именно, – сухо отозвалась подруга и достала кружевной платочек, промокнуть уголки глаз. – Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

Здесь она была права. Не имею. Своих родителей я никогда не знала, и могла только догадываться, что значит потерять маму и каждый день видеть другую женщину, которую отец привел в дом.

Отодвинула шторку и стала смотреть в окно, где за стеклом проплывали фасады дорогих домов. Здесь все дома были дорогими, непохожими один на другой, а расстояния между ними – приличными. Не в пример оживленным улицам в центре, где дома прижимались друг к другу так тесно, словно пытались согреться.

– Лотти! – Лина капризно надула губы. – Опять где-то витаешь?

– Извини, я задумалась, – улыбнулась и посмотрела на нее.

– Ты первая, представляешь, первая увидишь мое платье, которое я надену на помолвку. И знаешь, если бы не ты, мне пришлось бы ехать с мачехой, так что… – Лина хитро улыбнулась. – Я этому очень рада.

Если честно, я не совсем поняла, чему она рада, но о помолвочном платье мы говорили уже около месяца – с того самого дня, как его начали шить. Пока что я представляла себе облака кружев, органзы и шелка, сочетающихся в наряд, достойный королевы.

– И вот что я подумала. – Подруга задумчиво покусала губы. – Если я попрошу папенькиного разрешения пригласить тебя… у тебя ведь найдется, что надеть? Ладно, неважно. Главное, скажи, ты хочешь пойти?

– Лина! – ахнула я. – Конечно, я хочу! Очень. Но ведь…

– Никаких «но»! Ты – моя подруга! – Лина выразительно подняла палец, затянутый в перчатку, пресекая дальнейшие возражения. – Если бы не ты, возможно, мы с Ричардом даже не смогли бы общаться до моего первого выхода, не говоря уже о встречах, когда ты меня прикрывала. Поэтому я хочу, чтобы ты пошла, а я всегда получаю все, что хочу!

Я невольно улыбнулась. Она действительно получала все, что хотела, а над отцом имела какую-то странную, гипнотическую власть. Именно эта власть помогла мне встретиться с мистером Ваттингом, и… не только.

Если честно, я до сих пор не понимала, что испытываю при воспоминаниях о месье Ормане. Если честно, я только о нем и думала, хотя должна была прыгать от счастья, что «Девушка в цепях» будет выставлена в главном зале, в центре экспозиции. Эта выставка собирала работы молодых художников со всей Энгерии, она могла открыть мне дорогу в мир большого искусства. В мир, где мои работы увидит множество людей со всех уголков страны. Этим я обязана Лине, ее отцу, и…

– Скажи, тебе знакомо имя месье Ормана? – спросила неожиданно для себя самой.

– Месье Орман? – Лина приподняла брови. – Нет, не припомню. А кто это?

– Именно он уговорил месье Ваттинга выставить мою картину.

Впрочем, «уговорил», наверное, не то слово.

– Да? – Лина нахмурилась. – Ну все равно, я его не знаю. А как он выглядит?

Я попыталась представить, и вдруг поняла, что образ рассыпается перед глазами. Это было странно, потому что на память и внимание к деталям мне жаловаться не приходилось, я с жадностью художницы впитывала лица, одежду, все необычное. Сейчас же в воспоминаниях стояли плотно сжатые губы, навес изящной маски и трость. Дурацкая трость, прикосновение которой до сих пор ощущалось на коже, как ожог.

– Он был в маске.

Еще слегка сутулился. И хромал.

– Хм, ну тогда я точно тебе ничего не скажу, – фыркнула подруга. – И потом, что это ты так о нем расспрашиваешь? Неужели… ох, Лотти, он что, тебе понравился?!

– Нет, – поспешно отозвалась я.

Пожалуй, слишком поспешно, чувствуя, как щеки заливает румянец. Он не мог мне понравиться хотя бы потому, что я ничего о нем не знала. Кроме того, что он раздает незнакомкам шелковые платки без инициалов и… ходит за ними. Конечно, я не могла быть уверена, что он не сказал это в насмешку, да хоть ради того, чтобы позлить мистера Ваттинга, но…

– Так-так, Шарлотта Руа! – Лина даже вперед подалась, но ни чинно сложенные на коленях руки, ни весь ее благопристойный вид не могли скрыть явного интереса, отраженного в уголках приподнятых губ и сверкающих глаз. – Мне кажется, или ты что-то от меня скрываешь?

– Он сказал, что пришел за мной.

– Что?!

Рот у подруги округлился, а глаза загорелись.

– Сказал, что шел за мной, – поправилась я, и вкратце описала наше знакомство и встречу в кабинете директора Ваттинга.

– И что, он сию же минуту не объяснился?

Что-то мне подсказывало, что Пауль Орман вообще не из тех, кто объясняется, но Лине я этого говорить не стала.

– Нет, – пожала плечами. – Просто вышел из кабинета.

– Нет?! – Лина вскинула тонкие брови, а потом презрительно скривилась. – Наверняка один из этих дельцов, которые считают себя хозяевами мира, а на самом деле ничего из себя не представляют. Папенька говорит, что связываться с ними – себе дороже, а общаться так и вовсе не стоит.

Я открыла рот, чтобы возразить, но тут же его закрыла. Быстрый прогресс и стремительно угасающая магия привели к расколу высшего

общества. Титулованные аристократы, потомственные маги, в большинстве своем не признавали людей, которые сколотили свое состояние в делах. Многие отказывались принимать их у себя, а на официальных приемах старались свести общение к той условной вежливости, ниже которой ни один уважающий себя аристократ опуститься не позволит. Мне это казалось неправильным, но отец Лины относился к старому поколению, и я посчитала нетактичным ставить свое мнение против его. Особенно после того, как он был столь добр ко мне.

Экипаж остановился, и подруга недовольно глянула в окно. Подождала с полминуты и тут же нетерпеливо позвонила в колокольчик.

Седовласый кучер с бакенбардами тотчас оказался у подножки.

– Ты почему остановился?

– Авария. Придется подождать, леди Эвелина.

– Но я опоздаю на примерку!

– Дальше не проехать и развернуться уже не получится. – Мужчина развел руками. – Мобили столкнулись, прямо на перекрестке, перегородили все. А полицейских не дозовешься.

– Опять эти мобили!

Лина нахмурилась и топнула ножкой. Пожевала губы, как делала всегда, когда злилась, а потом ее лицо просветлело.

– Пожалуй, придется идти пешком.

– Но леди Эвелина, не положено же…

– Тебя не спрашивают! – отрезала она. – Распахни дверцу и руку подай. Живо! Мисс Шарлотте тоже. И только попробуй сказать папеньке или мачехе – вмиг вылетишь с места без рекомендаций.

– Здесь недалеко, всего три квартала, – сказала я кучеру, лицо которого пошло красными пятнами. Почему-то мне было ужасно неловко.

Не успели мы свернуть на улицу, где пекарни наседали на мясные лавки, а пирожковые перемежались с витринами, заставленными посудой и безделушками, как Эвелина поморщилась и зажала нос двумя пальцами. Другой рукой она приподнимала подол, брезгливо морщась, когда под ногами что-то скользило или хрустело.

– Фи! Воняет, как в отхожем месте.

Запахи в Лигенбурге и впрямь были самые разные, из промышленных кварталов ветер приносил одно, из цветочных другое. Иногда к этому примешивались ароматы близости рынка, проходящих по улочкам лошадей и проезжающих мобилей.

– Убийство! Убийство в р-р-рабочем квар-р-ртале! – Разносчик газет, паренек с лихо надвинутой на нос плотной кепкой сунул газету мне в лицо

так яростно, что я едва успела увернуться и почувствовала запах свежей типографской краски.

– Нет, спасибо, – покачала головой, успев заметить на первой странице фотографию.

Совсем девочка, не старше нас с Линой, наверное. Лет семнадцати, а может быть и того меньше.

Сердце сжалось при мысли о том, что она уже никогда не вернется домой. Не обнимет родных и не улыбнется.

– Всевидящий, Лотти! Что у тебя с лицом? – Лина раздраженно на меня покосилась. – Мы же не траурный наряд идем примерять. Определенно, сегодня все только и делают, что портят мне настроение.

– Прости. – Я попыталась улыбнуться, но не вышло. – Просто я подумала о ней.

– Ты теперь о каждой бродяжке думать будешь? – подруга приподняла брови.

– Почему сразу о бродяжке? Мы ничего о ней не знаем.

– Потому что с леди такого, – она сделала ударение на последнее слово, – никогда не случится. И с приличной мисс тоже. Все, я не желаю больше говорить об этом! Мне и так тошно дальше некуда. Чтобы я еще раз согласилась ехать на примерку… Она, конечно, шьет роскошные наряды, но если хочет обшивать меня, придется ей ездить ко мне самой.

Она отпустила мою руку и решительно зашагала вперед. Я ускорила шаг, и вскоре (к явному облегчению), мы свернули к дому известной в Лигенбурге модистки.

2

Без «Девушки» стало как-то пусто. Место на рабочем столе, которое она занимала, теперь было завалено красками, кистями и карандашами, ранее ютившимися на полу и по углам мансарды. Раму для картины я так и не успела купить, чтобы поставить ее на потертую тахту, прикрытую оранжевым пледом. Владелец квартиры, мистер Холл запрещал мне дырявить стены, хотя с этим вполне успешно справлялись мыши. До того, как у меня появилась мисс Дженни.

Впрочем, о мисс Дженни мистер Холл не знал, и мы обе считали, что так будет лучше. Полосатая кошка с усами, которым мог позавидовать тигр, появилась у меня на окне в начале прошлой, очень холодной весны. Сверкая огненно-желтыми глазами, поставила лапу на раму, как бы спрашивая: «Найдется для меня что-нибудь перекусить?»

Перекусить нашлось, и с тех пор мисс Дженни приходила, когда хотела, и уходила, когда хотела. Она помогала мне с мышами, а я ей – переждать голодные времена. Мы ничего друг от друга не требовали и ничего не обещали. Пожалуй, это были идеальные отношения, в которых каждый не ждал новой встречи, но согреваться от уютного мурчания всегда было тепло. Теплее разве что запускать пальцы в короткую шерстку и гладить мисс Дженни. В какой-то степени мы с ней были похожи: я была свободной художницей, а она свободной кошкой свободной художницы.

Поэтому сейчас я просто распахнула окно и впустила ее в мансарду вместе с холодным осенним воздухом. Огни над рекой и грохот со стороны стройки (несмотря на то, что уже стемнело), ворвались вместе с запахами чадящих котлов и угольного дыма, клубящегося над снующими по Бельте лодками.

– Быстрее, мисс Дженни! – поторопила строго. – У меня потом комната еще два часа не прогреется.

Кошка посмотрела на меня со свойственной ей меланхолией, а потом с королевской грацией (и той же расторопностью), вплыла в комнату. Ей было совершенно безразлично, что отопительный котел у нас даже зимой не включают настолько, чтобы им можно было согреться. Отчасти потому, что миссис Клайз, соседка с третьего этажа, постоянно жаловалась. Она говорила, что однажды этот котел взлетит на воздух, и все мы посыпемся в ночное небо, как конфетти из праздничного рогалика. Этот сюжет меня так вдохновил, что я нарисовала летящих над домом людей с разноцветными зонтиками, вставила картину в простенькую деревянную раму под лаком, и подарила ей.

– Это единственное, что я возьму с собой ко Всевидящему, – заявила она, когда увидела подарок.

Чувство юмора у нее тоже было странное. Впрочем, миссис Клайз боялась не только паровых котлов, но и газовых светильников, электричества и магических артефактов. В общем-то, она была безвредной милой старушкой, постоянно завернутой в такое количество поеденных молью шалей, что ей совершенно точно без разницы, на каком делении стоит паровой котел. А мне, чтобы писать, требовалась подвижность, поэтому позволить себе кокон из шалей я не могла.

Единственная труба в углу комнаты, тоненькая, как два моих пальца, тепла почти не давала, поэтому грелась я слабо заваренным чаем и пробежками из одного угла мансарды в другой. Примерно как сейчас. Пытаясь сосредоточиться на новом сюжете, а вовсе не на месье Ормане, который ворвался в мои мысли с той же бесцеремонностью, что и в кабинет

директора музея.

Если бы еще это было так просто.

– Как думаешь, мисс Дженни, прилично мне о нем думать? – поинтересовалась я у кошки, которая умывалась после сытного ужина.

Мисс Дженни выразительно посмотрела на меня и вернулась к своему занятию.

– Ладно, а если мне его нарисовать?

Идея пришла настолько внезапно, что избавиться от нее я уже не смогла. Устроившись поудобнее, я подтянула к себе альбом с зарисовками – сюда помещались все сюжеты, за которые я пока не готова была взяться всерьез. Парочка на мосту через Бельту, стелящийся над рекой туман и тяжелое, хмурое небо. Пес и мужчина с дымящей трубкой, поводок намотан на кулак так плотно, что на ладони вздулись вены. Много их было, сохраненных на бумаге случайных встреч. Эскизы – как пойманные моменты, цвет – это другое.

Цвет – это жизнь, именно поэтому в «Девушке» я использовала такой переход. От черно-белого к ярким краскам. Возможно, поэтому она получилась такой живой. Такой настоящей.

Первый штрих лег неровно, и я перевернула страницу.

Закусила губу, вспоминая. Вскоре карандаш порхал по бумаге, восстанавливая образ: зачесанные назад волосы, правильной формы череп, маска, плавный контур подбородка… я чувствовала себя так, словно у меня отняли нечто очень важное. Надбровные дуги, например. Или крылья носа, скулы, которых мне так не хватало. Художники – странные люди, и я в том числе. Я вспоминаю лица по слепку, который составляю в первый миг знакомства, но здесь не хватало слишком многих деталей. Даже взгляд, пристальный и пронзительный, от меня постоянно ускользал.

Видимыми остались только сутулые плечи и длинные пальцы на набалдашнике трости. Эти пальцы я запомнила так же ярко, как губы: сжатые в тонкую жесткую линию. Поймала себя на том, что краснею. То ли от того, что вопрос Лины до сих пор крутился в голове, то ли от того, какое странное чувство вызывал во мне один штрих на альбомном листе. Желание прикоснуться кончиками пальцев, повторить этот контур, стирая резкость. И немного приподнять уголки…

Улыбка? Поймала себя на мысли, что не представляю его улыбающимся.

– Знаешь, мисс Дженни, по-моему это была дурацкая идея, – я отложила альбом.

Щеки продолжали гореть, словно меня застали за чем-то

непристойным. Впрочем, думать о совершенно незнакомом мужчине в таком ключе – действительно непристойно. Наверное, мне должно было стать стыдно, но стыдно не было. И это было еще более непристойно.

– Лина пригласила меня на помолвку, – сказала я, чтобы отвлечься. – Вот только платья у меня нет. Впрочем, на бал я все равно не смогла бы остаться.

Несмотря на то, что очень хотелось. После дебюта подруги разговоров было столько, что мысленно я сама кружилась среди порхающих разноцветных юбок и вееров. Разумеется, меня к этому не готовили, да и зачем. Леди Ребекка, была столь щедра, что оплачивала услуги мастера Викса (учителя живописи, которому я обязана всем, что умею), но по поводу танцев она сказала сразу:

– Не думаю, что тебе это пригодится, Шарлотта.

Отчасти она была права. Когда нет ложной надежды, обо всяких глупостях реже думается. Но я все равно думала. О том, как вхожу в зал под аркой, увитой цветами, и как меня встречают хозяева дома, как знакомят с остальными гостями. Как музыка льется над залом, и ослепительно сияют люстры. Кантрель и вальс, и следом еще один, и юбки летят по кругу, и мелькают строгие черные фраки, а ко мне подходит…

Кхм. Нет, раньше его в этих фантазиях не было.

Закусила палец, разглядывая лежащий рядом альбом, а потом решительно вырвала лист. Этому трюку меня тоже научил мастер Викс.

– Мы, художники, можем чуть больше, чем все остальные люди, – говорил он, – если хочешь сохранить что-то, нарисуй это. А если хочешь забыть – нарисуй и порви. На много-много мелких клочков, и развей по ветру. Тогда оно оставит тебя навсегда.

Вот только я почему-то медлила.

Желудок напомнил о себе урчанием: я забыла поужинать. Увы, пообедать тоже —после визита в музей сразу отправилась к Лине, а после модистки прибежала домой и взялась за набросок. Отложив его, снова открыла окно, где на вделанном в кирпичную кладку крюке в сумке из плащовки болталась бутылка с остатками утреннего молока и купленный вчера пирог с сыром. В общем-то, неплохой ужин, если так посудить.

Когда молоко нагрелось, мы разделили его с мисс Дженни и вместе зажевали пирогом.

Подогнув под себя ноги, я сидела на широком подоконнике в домашнем платье, искренне радуясь тому, что сразу по возвращении переоделась. Гостей у меня не бывало, а шнурующийся спереди корсет, который я носила под единственное приличное платье, так сдавливал

ребра, что становилось нечем дышать. В домашнем можно было не волноваться, что переломишься в талии, если неосторожно нагнешься.

Вот как сейчас!

– Лови! – Я скомкала обертку из-под пирога и подбросила в воздух.

Кошка молнией слетела с подоконника и устремилась за «игрушкой». Я же подумывала над тем, чтобы заварить чаю, но для этого нужно было спускаться на общую кухню. Идти туда не хотелось, да и вообще, старую заварку давно пора слить, а после новой потом часа два не заснешь.

Поэтому я решила обойтись: взбила подушку, отогнула верхнее покрывало, расчесалась и, выпутавшись из платья, осталась в одной сорочке. Она доходила мне до щиколоток, по всем правилам приличий. В моей комнате особо не развернешься, но я все равно в два прыжка добежала до кровати, кутаясь в слои промерзшей за день ткани. Если накрыться с головой и часто-часто дышать, станет теплее. Мисс Дженни запрыгнула и устроилась на подушке, вволю потоптавшись по наспех заплетенной косе.

– А еще на следующей неделе начнется выставка, – я высунула из-под одеяла нос, – и там будет «Девушка». Представляешь?

– Мурр, – ответили мне.

Засыпая, я думала о том, что там наверняка будут мастера со всей страны. Я смогу пообщаться с людьми, которые горят творчеством! А если картину высоко оценят столичные искусствоведы, возможно, в следующий раз в салоне на меня посмотрят уже иначе. И возможно, когда-нибудь я смогу оставить работу гувернантки, купить себе дом в пригороде и писать картины.

Только писать.

С этой мыслью я и заснула, а проснулась от странного чувства: что-то легко скользнуло по щеке. Невесомо, словно прикосновение кисточки. Спросонья отмахнулась от хвоста мисс Дженни и наткнулась на пустоту.

Повернулась, открыла глаза, но кошки поблизости не было. Зато у стола, где я оставила набросок, тенью во взрезанном рамой лунном свете застыл мужчина. Спиной ко мне, едва касаясь пальцами уголка листа. Хотя окно было плотно заперто, по комнате змеился туман, в темноте мерцали ядовито-зеленые нити. Они пронизывали комнату тонкими жилами и тянулись к силуэту незнакомца.

От ужаса перехватило дыхание, я хотела закричать, но поняла, что даже не могу пошевелиться.

– Поразительно, – произнес он. – Ты должна спать, Шарлотта. Но ты не спишь.

Щупальце тумана скользнуло по моей щеке: едва уловимой лаской, которую я приняла за беспардонность мисс Дженни.

– Почему ты не спишь, Шарлотта-а?

Чувствуя, что у меня сейчас разорвется сердце, я рванулась из зыбких оков сна. Оков, которые призрачными клочьями тумана разлетелись в воздухе. Понимая, что снова могу дышать и двигаться, набрала в грудь побольше воздуха. Я бы закричала, но в этот момент он повернулся.

И я потеряла сознание.

3

Дурацкий сон не шел из головы. Разумеется, это был сон, но сон настолько реальный, что я до сих пор отчетливо помнила каждую деталь. Особенно туман, скользящий по коже и голос: звенящий, как натянутая струна. Почему-то именно такая ассоциация сложилась, и избавиться от нее я уже не могла. Равно как и от воспоминаний легкого прикосновения к щеке, словно чьи-то призрачные пальцы ласкали скулу. Это было настолько странно, что утром я первым делом подбежала к столу. Набросок лежал там, где я его оставила, дверь в квартиру была заперта на щеколду, мисс Дженни сидела на подоконнике и умывалась.

– Мисс Руа! Вы неправильно подчеркнули артикль.

– Не может такого быть, Илайджа.

– Да нет же! Я точно говорю. – Мальчик поспешно подтянул к себе учебник вэлейского и, пролистав, ткнул в правило. – Вот. Здесь ставится такой.

Я перевела взгляд на страницу, затем в тетрадь, и поняла, что краснею. По ощущениям – до корней волос, потому что правило было простейшим, но я действительно неправильно подчеркнула артикль, когда проверяла работу. Раньше мне никогда не приходилось краснеть перед учеником, потому что ко всем заданиям я подходила педантично и скрупулезно. Сегодня же со мной, определенно, творилось что-то не то. И это что-то заключилось в зыбком певучем голосе, зовущем меня по имени.

«Шарлотта-а».

– М-м-м… действительно, вы правы. Простите, пожалуйста, – я улыбнулась, – снимаем недочет. Остается всего две ошибки.

– Это вы ошиблись! – Мальчик откинулся на спинку стула, насупился и сложил руки на груди.

В отличие от сестры, Илайджа унаследовал рыжие вихры графини и массивную челюсть отца, которая пока еще не обозначилась слишком

резко. В свои восемь лет он уже был достаточно крупным мальчиком, но я сомневалась, что он будет высоким. Ни граф, ни графиня выдающимся ростом не отличались, так что, как говорила Эби, кухарка в доме леди Ребекки, с наибольшей вероятностью, все уйдет в кость.

– Да, я ошиблась, но я признала свою ошибку. Продолжаем.

– Нет, – заявил юный лорд, пристально глядя на меня.

– Нет?

– Но я могу об этом забыть, если вы не заставите меня учить два стишка за один.

У меня брови полезли на лоб. Понимая, что невыученный стишок может превратиться в два, три, а то и все десять, попытку шантажа пресекла сразу.

– Возвращаемся к занятиям, лорд Фейт, – строго сказала я.

– А я расскажу маменьке, что вы ошиблись! А маменька скажет папеньке, и он вас выгонит! Она говорит, что вы и так слишком молоды, чтобы меня учить.

Прежде чем я успела ответить, дверь приоткрылась.

– Лотти! – шикнула Лина.

Ну вот и какой тут воспитательный процесс? Юный лорд тут же полез в нос сразу двумя пальцами, и я шмякнула линейкой по столу. Следовало бы по рукам, но я придерживалась мнения, что бить ребенка (даже линейкой, даже слегка, чтобы отвлечь) – оскорбительно и чудовищно. Моя гувернантка столь добра не была, и я частенько ходила со ссадинами на ладонях, потому что она не брезговала розгами. Зато теперь я не грызу ногти.

– Лорд Фейт! Сядьте ровно и продолжайте. Я вернусь через пять минут.

Судя по звукам за спиной, Илайджа корчил мне рожи. Судя по тому, что Лина показала ему кулак, я не ошиблась. Стоило мне выйти и притворить дверь, как я сделала большие глаза.

– Лина! Сколько раз я тебя просила не приходить во время занятий?

– Вот ты как заговорила! – подруга сложила руки на груди. – А знаешь, что? Я хотела рассказать тебе отличную новость, но теперь уж точно ничего не скажу!

Она вздернула подбородок и развернулась, чтобы уйти.

– Лина! – умоляюще воскликнула я. – Твой брат и так ни во что меня не ставит. Это ведь мое первое место, понимаешь? И он прекрасно об этом знает. Точно так же, как и о том, что мы с тобой подруги, а значит, можно творить, что хочешь.

– Пожалуйся папеньке, – Лина надула губы, – он его выпорет так, что сидеть не сможет.

– Лина!

– Что?

– А если кто-нибудь увидит, как мы болтаем?

– Да кто? Слуги уже закончили наверху, папенька по делам уехал, мачеха убежала к своей родне. Она всегда убегает, как только папенька из дому, и ноет, и жалуется – я уверена! У нее все время глаза на мокром месте.

– Может быть, ей просто одиноко?

– Ну да, – фыркнула Лина. – И то, что папенька ее драгоценностями и шелками заваливает, ничего не меняет.

Вообще-то нет, хотела сказать я. Но вместо этого спросила:

– Так что ты хотела рассказать? Только быстро.

С минуту желание меня проучить боролось с желанием поделиться любопытными новостями. В конце концов, пересилило второе, подруга схватила меня за рукав и потянула подальше от двери, к слабо мерцающему магическому артефакту-светильнику. Такие теперь были во многих домах, наравне с электрическими (первые ставили аристократы старой закалки, считая, что из двух зол прогресса надо выбирать меньшее, второе – просто богатые люди). От газовых светильников отказались почти все, хотя кое-где они еще встречались.

– Этот крысеныш наверняка подслушивает, – понизив голос до шепота, она чуть ли не ткнулась мне в ухо губами. – Во-первых, я кое-что узнала. Про твоего Пауля.

– Он не мой, – ответила я, хотя в груди сразу стало жарко.

Впрочем, Лина тут же остудила в свойственной ей манере:

– Он действительно из дельцов. Сколотил свое состояние на производстве этих драндулетов, у него завод в Вэлее. «Ваорхан», кажется. Много путешествует, покровительствует людям искусства. Собственно, эта выставка – его рук дело. Он все оплачивает, сделал огромное пожертвование в фонд музея и даже подарил музею одну из своих скульптур.

Да, теперь понятно, почему вокруг него так плясал мистер Ваттинг.

– Он вообще помешан на искусстве. Вкладывается в восстановление всяких античных скульптур, времен армалов, если не раньше. Такими деньгами бросается, которыми несколько детских домов год кормить можно. Разумеется, с ним многие хотят знаться, из-за его богатства. Не в достойном обществе, конечно, среди подобного ему сброда, тем более что

он никогда не открывает своего лица и редко появляется на публике. Словом, чокнутый, – подвела итог Лина. – Так что держись от него подальше.

Интересно, слова «держись от него подальше» только на меня действуют наоборот?

Или дело не в словах?

– А теперь главное! – Глаза Лины возбужденно засверкали. – Папенька сказал, что ты можешь прийти на помолвку, и… – она выдержала паузу. – Не только. Ты можешь остаться на бал! Заодно и папеньку поблагодаришь лично.

Остаться? На бал?!

Коридор перед глазами слегка пошатнулся, вместе с витым магическим светильником в форме цветка. Сердце заколотилось с удвоенной силой, а дыхание перехватило. Одно дело думать про бал, представлять, как это будет, и совсем другое – знать, что ты можешь пойти! Только тут поняла, что есть одно маленькое «но». Маленькое «но» моего размера.

– У меня нет платья, – выдохнула разочарованно.

До помолвки осталось две недели, а даже если бы было больше, это ничего не решает. Все деньги ушли на пальто, которое теперь в крапинку, и не отчистишь.

– Это ты так думаешь, – гордо изрекла Лина. – Я отдам тебе свое. То бледно-сиреневое, с газовым шарфом, в котором я дебютировала. Все равно я его уже не надену, а на тебе его вряд ли кто-нибудь вспомнит.

Я вцепилась в запястье Лины с такой силой, что она поморщилась и отняла руку.

– Лотти! Ты меня поцарапала.

– Прости, – прошептала взволнованно. – Прости, прости, прости! Я просто очень-очень рада. Слов нет, чтобы рассказать, как… как я тебе благодарна за все, Лина!

Шагнула вперед и порывисто обняла подругу.

– Ладно, – проворчала она, выворачиваясь, но было видно, что Лина очень довольна, – если с этим решили, возвращайся.

В эту минуту хлопнула входная дверь, и мы разлетелись в разные стороны, как напуганные воробьи. Я едва успела скользнуть в классную комнату, когда снизу раздался высоковатый голос графа и вторящий ему – дворецкого. Их поглотил щелчок притворенной двери.

Илайджа, вместо того чтобы постигать грамматику вэлейского, считал ворон. Надо отдать ему должное, заметив меня, тут же уткнулся в тетрадку.

Я сделала вид, что ничего не было: в конце концов, мне не положено выходить посреди занятия. Доиграемся мы с Линой когда-нибудь, ой доиграемся. И ведь влетит обеим!

Ай!

Подскочила на стуле и перехватила усмешку на лице юного лорда. Впрочем, усмешка тут же уступила место сосредоточенности, сквозь которую еще минут пять пробивалось не то хрюканье, не то квохтанье, тщетно сдерживаемое, но от этого еще более заметное. Я повертела в руках канцелярскую кнопку, на которую села, и заглянула в свои записи по арифметике.

Задам этому паршивцу примеры посложнее, пусть пыхтит!

Отобрала несколько и решила добавить еще пару задач. А потом невольно потянула к себе вэлейско-энгерийский словарь, чтобы убедиться, что память меня не обманывает.

Не обманула.

«Ваорхан» в переводе с вэлейского – ястреб.

4

Возможность поблагодарить графа Вудворда представилась мне чуть раньше, чем я рассчитывала, а если быть точной – ближе к вечеру следующего дня. Я как раз закончила занятия с Илайджей и собиралась домой, когда в классную комнату заглянула горничная и сообщила, что граф хочет меня видеть.

Осенние сумерки наступают рано, поэтому когда я спустилась в кабинет, там уже горели магические светильники. По сути, отличить их от газовых или электрических можно было по легкому мерцанию искр вокруг плафонов: это значило, что внутри заключен осветительный артефакт. Мягкий теплый свет скользил по ковру и створкам книжного шкафа, ласкал позолоту тяжелого рабочего стола. Сам граф стоял у окна, сложив руки за спиной, одну широкую ладонь в другую.

– Добрый вечер, милорд, – я сделала реверанс.

– Мисс Руа. – Он подошел ко мне, выдержав паузу, во время которой я не могла подняться по этикету. – Проходите. Присаживайтесь.

Он даже отодвинул стул, что показалось мне невероятно галантным. Невысокий, сероглазый мужчина с грубоватыми чертами и светлыми волосами. Плотного телосложения, но назвать его грузным язык бы не повернулся. Для своего возраста (немногим за пятьдесят) граф Вудворд выглядел превосходно. Ухоженное лицо, густая борода и холеные руки с

крупными круглыми ногтями. Эти руки и пододвинули на край стола конверт, подписанный «Для мисс Шарлотты Руа». Почерк был резкий и неразборчивый, таким обычно пишут аптекари.

– Это передали вам, от мистера Ваттинга. – Граф обошел стол и опустился в кресло, сцепив пальцы в замок. – Насколько я понимаю, у вас все сладилось?

– Да! – воскликнула я, но тут же добавила тише, как и положено: – Да, милорд! Слов нет, чтобы передать, как я вам благодарна! Вот только решительно не понимаю, почему конверт для меня принесли вам. Я ведь оставила мистеру Ваттингу свой адрес.

– Вы что-то имеете против? – Он нахмурился, и я покачала головой.

– Нет, просто… для вас это лишнее беспокойство.

– Ах, это, – отмахнулся граф. – Пустяки. А благодарность, мисс Руа, не всегда измеряется словами. Но это тоже пустое. Приятно, что смог вас порадовать.

Я улыбнулась и потянулась к конверту, но граф неожиданно перегнулся через стол и придержал его пальцами.

– Говорят, ваша картина называется «Девушка в цепях».

– Да, милорд.

– И о чем же она?

– О свободе, – ответила я, – точнее, о девушке, которая обретает свободу.

– Свободу? От чего?

– От условностей мира. От всего, что мешает ей быть счастливой.

– Вот как, – граф кивнул. – Необычный сюжет. Ну а вы сами, мисс Руа, какой видите свою дальнейшую жизнь?

– Я?

Прямота вопроса поставила меня в тупик. И дело было вовсе не в том, что я не знала, чего хочу, знала, и даже больше, просто привыкла жить, не загадывая. Но не загадывая и не мечтая – разные вещи. Мечтать мне никто не мог запретить, а вот загадывать наперед – себе дороже.

– Я хочу писать картины, – ответила серьезно. Возможно, это был не совсем правильный ответ человеку, который платит тебе жалованье гувернантки, но по крайней мере, он был честным. – Хочу открыть художественный салон, выставлять там свои работы и работы всех, кто не может изыскать возможность выставляться. Хочу домик у моря… Простите, милорд.

Последнее точно не относилось к теме, но граф сцепил руки в замок и откинулся на спинку кресла.

– Продолжайте.

– Продолжать, в общем-то, пока нечего, – призналась я. – Это все.

– А что же семья, дети? О них вы думали, мисс Руа?

Наверное, думала. Но не так, чтобы очень. Конечно, пару раз я представляла рядом с собой маленькую девочку в симпатичном платьице и мальчугана, пускающего кораблики, но дальше этого дело не заходило. Тем более что думать о семье, пока нет возможности ее создать как-то глупо. И тем более глупо думать об абстрактном мужчине, который сделает тебя счастливой, и которого сделаешь счастливой ты. Точнее, думать-то можно, но это все опять же мечты, а мне как никому другому пристало отличать мечты и фантазии от реальности.

Да… неправильная я какая-то мисс.

– Не особо, милорд.

– Хм, – граф потер подбородок. – Как вам нравится место у нас?

– Очень, – искренне ответила я. – Вы очень ко мне добры, леди Вудворд и леди Лина тоже.

– Да-да, – рассеянно ответил он. – И что же, мой сын делает успехи?

– Определенно, – ни разу не покривила душой.

Конечно, Илайджа был далек от образцового ученика, но образцовость мне всегда казалась излишней. Достаточно, что он проявляет рвение к тому, что ему нравится – тот же вэлейский, например, он с удовольствием заучивает новые слова и бегло читает. Его привлекает современная литература (если не надо учить стихи). Впрочем, стихи учат обычно из классики, а я смутно представляю себе ребенка, которому классика понравится.

– И все-таки место гувернантки – далеко не предел ваших мечтаний. Я правильно понимаю, что вы хотите, м-м-м… свободы?

Он как-то мягко раскатал это слово на языке, и получилось не совсем то, чего я хочу. На мой взгляд свобода – более резкая. Дерзкая.

Но графу об этом я, разумеется, не сказала.

– Да, – ответила честно. – Но милорд, вы можете не сомневаться, что пока я занимаю это место, я отношусь к этому со всей серьезностью.

– Чудно, – пробормотал граф. В какой-то миг у меня возникли сомнения, что он вообще меня слушал, потому что смотрел он куда-то вниз, ниже моего подбородка. – Чудно. Что же, не стану вас больше задерживать, мисс Руа.

Он поднялся, и я поднялась следом.

– Не забудьте, – граф кивнул на конверт. – Вам наверняка не терпится узнать, что внутри.

– Да. Спасибо, милорд!

Я присела в реверансе перед тем, как выйти, а очутившись в коридоре, не утерпела: распечатала письмо еще по дороге в холл. В конверт оказался вложен договор на представление картины в музее искусств, с обязательным письменным подтверждением, что «Девушка» и ее сюжет принадлежит мне, а еще пять контрамарок на открытие выставки. Каждое приглашение на одно лицо, не именное.

Бережно погладив тиснение-полукруг, под которым было изображено здание музея, сунула билеты обратно в конверт и развернула договор. Пробежала глазами первую строчку:

«Мисс Шарлотта Руа предоставляет сюжет «Девушка в цепях» для выставочного показа в Королевском Музее Искусств».

«Подписать и отправить с посыльным до завтра», – гласила прикрепленная к договору записка.

Мой первый договор!

Мой первый договор на выставку!

Сердце колотилось так, что я не слышала собственных шагов. Поднялась в классную комнату, чтобы прочитать целиком, поставить подпись и как можно скорее передать его мистеру Ватингу (а может быть, и отвезти лично). Быстро пробежала бумаги глазами, подхватила перо, и… споткнулась о последнюю строчку.

«Мисс Шарлотта Руа не возражает, что сюжет «Девушка в цепях» будет представлен в выставочном зале под псевдонимом Чарльз Руа».

Сначала мне показалось, что я ошиблась, поэтому перечитала еще раз. Нет, в договоре было действительно оговорено, что выставляться мне предстоит под мужским псевдонимом. Своей подписью я соглашусь с тем, что рядом с моей картиной будет табличка с именем Чарльза Руа (ничего умнее, как взять мужской вариант моего имени, мистеру Ваттингу, видимо, в голову не пришло), а это значит… Значит, что представлять меня коллегам, искусствоведам и критикам никто не собирался. Равно как и разглашать мое авторство.

Поднявшись, решительно сложила бумаги в ридикюль и поспешно собралась. В этой части города омнибусы не ходили, пришлось ловить кэб: пусть это дороже, зато быстрее доберусь до места. Конечно, не было никаких гарантий, что я застану мистера Ваттинга, но подписывать договор в таком виде я не собиралась. Не окажется на месте сегодня – оставлю письмо с просьбой о встрече и приеду завтра!

Мне повезло: в связи с предстоящей выставкой, директор оказался в музее. На этот раз разговаривать и препираться с сидящим за конторкой

мужчиной я не стала, просто сунула ему под нос договор, и он, пробурчав что-то невразумительное, отправил меня по известному адресу. То есть в кабинет с дверью из туанэйского дерева (между прочим, безумно редкого и дорогого) и золоченой ручкой.

Когда я вошла, секретарь колдовал у подноса, источавшего аромат крепкого чая и сахарного печенья. Обернувшись на щелчок открывшейся двери, подчеркнуто вежливо, но холодно произнес:

– Добрый день, мисс. Мистер Ваттинг сегодня не принимает.

– Мне очень нужно его увидеть.

– Нет, мисс. Только не сегодня.

– Мне прислали договор…

– Да, конечно. Вы можете оставить его мне.

– Нет, вы не понимаете. Там…

Прежде чем я успела договорить, дверь распахнулась, и на пороге появился директор музея.

– Джордж, сколько можно! Я просил подать чай полчаса назад…

– Сию минуту, мистер Ваттинг, все уже почти готово, но мисс…

Взгляды мужчин скрестились на мне.

– Что вы здесь делаете? – сухо поинтересовался директор.

– Мне принесли договор, в котором указан псевдоним Чарльза Руа. Вы собираетесь выставлять мою работу под другим именем. – Раньше я бы стушевалась, но только не сегодня. Не сейчас, не в такой ситуации. – Почему?

– Неслыханная наглость! – Мистер Ваттинг шагнул ко мне. – Вы хотели выставляться, мисс Руа, и я предоставил вам такую возможность. В вашей мазне и без того достаточно провокаций, не хотите же вы, чтобы для полноты картины я еще и подписал ее женским именем?

На слове «мазня» обидно стало до слез.

В любой другой день я бы развернулась и ушла. Наверное, опустила бы глаза, как учила леди Ребекка, и просто покинула бы приемную без малейших возражений. Но сейчас только решительно шагнула к нему.

– Вы не имеете права так со мной разговаривать. И подписывать картину чужим именем – тоже.

Секретарь как-то подозрительно побледнел, а вот надутое, словно шар (возможно, это впечатление создавалось из-за плотно обхватившего толстую шею воротничка), лицо директора музея приобрело оттенок багряного заката.

– Немедленно покиньте мой кабинет!

Он попытался схватить меня за локоть, но я отскочила в сторону.

– И не подумаю! – воскликнула, задыхаясь от переполнявших меня чувств. – Я забираю картину с выставки, а вы… вы просто недалекий шовинист!

– Что-о-о?!

– Вообще-то, девушка права, – из кабинета раздался знакомый надтреснутый голос.

Надтреснутый, но не сломленный. Низкий, тягучий и сильный, как шум ураганного ветра, ломающего ветки и выворачивающего деревья с корнем.

Секретарь побледнел еще сильнее, мистер Ваттинг пошел красными пятнами. Я же, напротив, вросла в пол. Точнее, в паркет, элитный паркет, оставшийся здесь еще со времен графа Аддингтона. Помнится, леди Ребекка говорила, что магия никогда не бьет в одно и то же место дважды. В моем случае это правило не работало. Ну или работало неправильно, потому что шаги, утяжеленные хромотой, говорили об обратном. Месье Орман возник на пороге кабинета, тяжело опираясь о трость. Лучше бы меня и правда ударило магией: несмотря на осеннюю свежесть, тянувшуюся из распахнутых окон, жаром окатило от макушки до пяток.

– Вы не имеете права подписать картину псевдонимом, если она того не желает.

– Не желает?! Помилуйте, месье Орман! Это же будет форменный скандал.

– Скандалы привлекают внимание, а для общественного места это всегда плюс. Если они не спровоцированы ритуальным убийством с предварительной оргией.

Секретарь прерывисто вздохнул и начал медленно уменьшаться в размерах. Я даже не сразу поняла, что он опустился на стул.

– У вас… у вас странное чувство юмора. – Оттянув воротничок, словно тот его душил, директор музея посторонился, позволяя гостю пройти.

– У меня его нет, – это прозвучало по-прежнему хрипло, но с тем же успехом лезвие ножа могло вспарывать дерево, выбивая щепку за щепкой. – Замените договор.

Смысл последних слов дошел до меня, лишь когда он остановился, чтобы вонзить в меня пристальный взгляд. В глубине маски глаза отливали сталью, но я словно залпом глотнула кипятка. Мгновение, что он на меня смотрел, показалось долгим, как ожидание чего-то безумно желанного. Потом он просто вышел за дверь, и я, подчинившись порыву, поспешно шагнула за ним.

– Месье Орман! – воскликнула я. – Спасибо за все, что вы для меня сделали.

Он остановился так резко, что я едва не убежала вперед. Сейчас мы стояли лицом к лицу, точнее, лицо к маске. Мне никогда не доводилось оставаться один на один с мужчиной, тем более так близко, поэтому сейчас я отвела руки за спину, чтобы сцепить пальцы и не начать теребить волосы от волнения. Дурацкая привычка, пожалуй, единственная, от которой гувернантке не удалось меня избавить.

– Я сделал это не ради вас.

Холодная стружка голоса оседала на плечах, но вот странность – от него становилось все жарче.

– А ради кого же?

– Почему. Потому что могу.

– Но вы могли этого и не делать. И не только этого, все, что вы делаете, я имею в виду выставку и прочее – это очень благородно.

– Вы интересовались мной, мисс Руа?

Взгляд задержался на моих губах, я почувствовала его столь же отчетливо, как если бы он их коснулся.

– Не боитесь расстроить своего покровителя? Или он не из ревнивых?

– Я не… что?

К щекам прилила кровь. Не только к щекам, к ладоням, шее, груди… и вообще, я сейчас сама себе напоминала свечку, готовую вот-вот вспыхнуть от корней волос. Как-то так само собой получилось, что рука метнулась к его лицу. Он перехватил мое запястье в дюймах от прикрытой маской щеки. Швы перчатки впечатались в кожу – там, где его пальцы сомкнулись, как кандалы.

– Пустите! – выдохнула яростно. – Пустите, или я позову на помощь.

– Зовите, мисс Руа. Только в этом случае вместе с расположением графа вы лишитесь и места.

Сейчас его голос прозвучал как нахлест цепей, и я поняла, в каком положении оказалась. Сама пошла за ним, сама остановилась поговорить с мужчиной наедине. Случись кому-то выйти и увидеть нас, ситуация точно будет истолкована не в мою пользу. Кровь мигом отхлынула от лица. Как я вообще могла подумать, что в этом мужчине есть что-то благородное?

– Отпустите, – потребовала уже тише.

– Уже лучше. Но недостаточно.

– Недостаточно чего? – прошептала еле слышно.

– Покорности. Женщину украшает покорность, вы разве не знали об этом?

От такого заявления лишилась дара речи, а он медленно опустил мою руку вниз. Так медленно и близко к себе, что моя перчатка скользнула по его пальто. Пальцы при этом так и не разжал, дернув меня следом за собой. Мы шли рядом, но именно мне приходилось подстраиваться под его ходьбу. Несмотря на то, что он прихрамывал. И на то, что мужчина должен замедлить шаг, если женщине приходится рядом с ним торопиться.

– Куда вы меня ведете?

Усилием воли заставила себя отвести взгляд от стертого маской профиля: это уже становилось неприлично. Вовремя, надо сказать, потому что его взгляд скользнул по моему лицу.

– К выходу, разумеется.

Я зажмурилась. Сейчас мы вместе появимся в служебном холле, и об этом наверняка доложат мистеру Ваттингу. А мистер Ваттинг с радостью напишет графу, и… Всевидящий, какой позор! Он больше не захочет видеть меня не то что рядом с Линой, но даже в своем доме. Что подумает Лина? Что скажет леди Ребекка? Пальцы на запястье обжигали, и кожа под ними горела, как в раскаленных тисках.

– Пожалуйста. Отпустите.

– Отпустите, пожалуйста.

Я глубоко вдохнула и сказала со всем почтением (особенно, впрочем, ни на что не надеясь):

– Отпустите, пожалуйста.

– Видите, это совсем не сложно.

Хватка разжалась, и я резко остановилась. Щеки снова пылали, но хуже всего было то, что кожа все еще полыхала, как от клейма. Невольно потерла ее и проследила его взгляд, обжигающий не слабее недавнего прикосновения.

– Если собираетесь бить, снимайте перчатку.

– Что?

– Перчатка, – произнес он, – смягчает удар. Без нее все чувствуется ярче. Особенно кончиками пальцев.

Он развернулся и зашагал дальше по коридору, не утруждая себя прощаниями. Я же смотрела ему вслед, пытаясь унять бешено бьющееся сердце. Смотрела, пока удаляющуюся фигуру не украл поворот, и только тогда вспомнила, что так и не вернула ему платок.

Дурацкий платок, который я постирала, отгладила и положила во внутренний кармашек сумки, чтобы отдать при удобном случае. Платок, больше не пахнущий сандалом, аромат которого я уловила еще в первый раз в кабинете мистера Ваттинга. Сандалом, и еще чем-то, резковато-

сумеречным, как жаркая ночь.

Наверное, что-то у меня в голове помутилось, потому что я пролетела по коридору столь стремительно, что мне могла позавидовать «Стрела Загорья»: поезд, по скорости уступающий разве что дирижаблям. Чудом вписалась в поворот, скользнув локтем по стене, и вовремя. Орман был уже в конце коридора.

– Месье Орман!

Удивительно, но он даже остановился. Дожидаясь, пока я подойду, оперся о трость.

– Вы что-то еще хотели мне сказать?

– Спросить. – Я вытащила из сумочки платок и сунула ему в руку. – Легко оскорблять, скрываясь под маской, правда?

Взгляд его сверкнул. Сверкнул так, словно вобрал в себя всю силу светильников-артефактов – расплавленным золотом.

Щелчок открывшейся двери, поспешные шаги.

– Мисс Руа! – Громкий голос секретаря эхом пронесся по коридорам. – Мисс Руа, куда вы подевались? Нам нужно успеть заменить и подписать договор.

Прежде чем я успела вдохнуть, Орман шагнул ко мне. Шагнул так стремительно, что я даже понять ничего не успела: пальцы коснулись светильника над моим плечом, и я провалилась назад. Точнее, провалилась бы, не подхвати он меня за талию и не шагни следом в потайную нишу. Тайник захлопнулся, отрезая нас от коридора и от всего, что осталось снаружи.

Здесь была кромешная тьма. Такая, что я не могла разглядеть ничего, но сейчас была искренне этому рада. Проклятие рыжих – огненная кровь, проступающая сквозь светлую кожу, на этот раз превратила меня в живой факел: Орман прижимал меня к стене. Собой. Прижимал так, что я пошевелиться не могла, одна рука лежала на моей талии, другая не давала возможности даже самую малость сдвинуться влево, чтобы уйти от этой невыносимой близости. Продолжением руки шла клятая трость, от касания которой по бедру змеилось невидимое пламя.

– Мисс Руа! Мисс Руа! – Судя по голосу, Джордж был уже рядом с нами.

Если объяснить разговор в коридоре еще можно было попытаться, то сейчас, вывалившись под ручку с Орманом из потайной ниши, я буду чудо как хороша: раскрасневшаяся, взволнованная, с глазами на пол-лица. И дня не пройдет, как мне откажут от места, и уж точно никуда больше не возьмут: после такого граф ни за что не даст рекомендации. Мне придется

вернуться под крышу леди Ребекки, вернуться с позором, а что самое ужасное, этим я подставлю не только себя, но и ее! Ведь она меня приютила, вырастила, занималась моим воспитанием, а я…

– Что же вы притихли, мисс Руа? – Холодная жесткая насмешка заставила вздрогнуть: он говорил в полный голос.

– Пожалуйста, тише, – процедила еле слышно.

– Простым «пожалуйста» вы на этот раз не отделаетесь. – Орман повысил голос и постучал тростью. – Чудеса старых домов: снаружи ничего не слышно, зато скрываясь внутри, можно узнать много всего интересного. И не только узнать…

Набалдашник скользнул по моей щеке, заставив вздрогнуть. Неживое прикосновение прокатилось от скулы по всему телу дикой, жаркой волной.

– Давайте решать, останемся здесь, или выйдем к бедолаге Джорджу. Он вас уже обыскался.

Шаги раздались совсем близко, и я вздрогнула. Попыталась отвернуться, но трость не позволила – на этот раз более жестко вплавляясь в кожу.

– Чего вы хотите?

– Я хочу нарисовать вас. Обнаженной.

От того, как это было сказано: низко и бессовестно-откровенно, у меня закружилась голова. К счастью, падать здесь было некуда.

– Вы… вы понимаете, о чем просите?

– Вне всяких сомнений. А вот вы, судя по всему, ничего не поняли, если решили поучить меня жизни. Теперь моя очередь.

Трость двинулась ниже, скользнула по подбородку и коснулась губ. От бездонной темноты прикосновение вышло еще более острым, но к счастью, сейчас она нас разделяла. Пожалуй, только она нас и разделяла.

Удаляющиеся было шаги снова стали более громкими: Джордж возвращался назад.

– У вас мало времени, мисс Руа. Считаю до трех, и выходим.

– Зачем я вам?!

– Один.

Еще ближе.

– Вы же можете позволить себе любую натурщицу.

– Два.

– Месье Орман…

– Три.

– Нет! – перехватила его руку, скользнувшую вдоль панели на стене. В конце концов, ничто не мешает мне сейчас согласиться, а потом

отказаться. – Хорошо. Я буду вам позировать.

– Скажите: я принимаю вашу помощь и клянусь вернуть долг.

– Я принимаю вашу помощь и клянусь вернуть долг.

Что-то больно ужалило палец через перчатку, и я дернулась. Странная вспышка охватила запястье, боль впилась под кожу занозой, а потом все прошло. Я моргала на тающие вокруг перчатки изумрудные искры, не в силах поверить в то, что произошло.

Магия?!

Затихающие шаги Джорджа слушала сквозь странный шум в ушах. Сползти мне не давала ладонь Ормана, по-прежнему лежащая на талии. Когда спустя несколько мгновений раздался едва уловимый щелчок и шорох отошедшей в сторону панели, я даже не пошевелилась. Он силой вытолкнул меня наружу, именно это и заставило глотнуть воздух. Воздух, показавшийся просто ледяным после духоты ниши.

– Что… что вы со мной сделали? – собственный голос показался чужим. – Зачем?

– Это мои гарантии.

Гарантии?

– Я сообщу, когда захочу вас видеть, – произнес Орман. – И очень рекомендую подчиниться сразу, потому что эта долговая расписка…

Трость коснулась моего запястья.

– Может сделать вам больно, а мне бы очень этого не хотелось.

– Вы чудовище! – выдохнула через силу.

– Женщины любят чудовищ, мисс Руа.

– Только не я.

– Неужели?

Он больше ничего не сказал, но мне стало страшно. Развернувшись, я быстро зашагала в сторону кабинета мистера Ваттинга. Только у дверей остановилась и стянула перчатку: на тыльной стороне запястья, словно залитый под кожу, покоился странный тонкий узор ядовито-зеленого цвета.

5

Вот вам за покровителя, месье Орман, вот вам за покорность, вот вам за «отпустите пожалуйста» и за вашу «помощь» особенно! Я прыгала на наброске и остановилась, только чтобы в очередной раз перевести дух. Мисс Дженни взирала на все это безумие с подоконника с выражением морды, которое должно было меня образумить.

«Полегчало?» – как бы спрашивали эти глаза.

– Нет!

Кто, кто же мог знать, что он окажется магом?! Лина, конечно, говорила, что помимо производства мобилей Орман увлечен искусством времен армалов, древних магов, наделенных такой мощью, которая современникам и не снилась. Но представить, что он сам знаком с магией…

О которой я знаю еще меньше, чем… чем о клятом месье Ормане!

Я прыгнула еще раз, еще и еще – от души, после этого снизу постучали.

Судя по характерному звуку, ручкой швабры.

– Хозяину нажалуюсь! – донесся приглушенный этажом прокуренный женский голос.

– Да пожалуйста! – ответила я.

В квартире подо мной постоянно что-то падало, разбивалось, а выражения, далекие от тех, что пристало слышать юным мисс, перемежались с угрозами открутить любовницам мужа голову. А вот со мной такого раньше не случалось. В смысле, я не прыгала на своих набросках, не замахивалась на мужчин, и… и… никогда так сильно не хотела влепить пощечину. До горящей ладони. До покалывания в кончиках пальцев.

О да-а-а, без перчатки!

«Женщину украшает покорность, вы разве не знали?»

Я сжала кулаки и носком туфельки задвинула Ормана под тахту.

– Скажите это оттуда! – выдохнула. – Как вам такая покорность, месье Орман? Что, не нравится? Хотите выйти? Нет, простым «пожалуйста» вы у меня не отделаетесь!

Покосилась на торчащий уголок наброска, подхватила со стола чайник, шкатулку с заваркой и направилась вниз, оставив мисс Дженни доедать куриные потрошки.

На общей кухне, как всегда, царил смрад и мешанина запахов. От раскаленной плиты, на которой в кастрюле попыхивало варево, шел едва уловимый пар. Я поставила кипятиться воду и устроилась на старой скрипучей табуретке, расшатанной настолько, что у нее периодически отваливались ножки. Мистер Джеггинс прикручивал их обратно: табуретка была нужна, чтобы ставить на нее горячие кастрюли. Больше их ставить было некуда, разве что на пол, потому что с полгода назад стол развалился окончательно.

Прикоснулась к запястью, на котором красовалась «долговая расписка»: непонятная магическая закорючка с аккуратными строгими линиями. Тонкие контуры, которые поначалу словно светились изнутри,

сейчас погасли. А вот легкое жжение, не болезненное, просто как напоминание о долге, не прошло. И как, спрашивается, мне завтра идти на занятия с Илайджей? Не могу же я все время сидеть в перчатках, а если сниму… вдруг он заметит? Если заметит Лина, если заметит граф?

Вопросов не оберешься.

«Вы интересовались мной, мисс Руа?»

Да, потому что у меня было временное помешательство. Не иначе!

Что на меня нашло?

Сама не знаю, почему это вышло так остро. Сама не знаю, как это вообще получилось, ведь я умела держать себя в руках! Даже когда гувернантка видела неправильно решенный пример и смотрела на меня сверху вниз сквозь толстенные стекла своих очков так, что я чувствовала себя маленькой и ничтожной. Она так и говорила: «Вы маленькое ничтожество, мисс Руа, если не можете решить такую задачу». Даже когда леди Ребекка собирала слуг, чтобы в их присутствии отчитать меня за какую-нибудь провинность и поставить в угол на несколько часов. Даже когда хозяева художественных салонов смотрели на меня с выражением недоумения, граничащего с насмешкой.

Смирение, рассудительность, скромность – вот три составляющих, на которых держится поведение любой благовоспитанной мисс, но с ним это все не работало.

Последний раз я так разозлилась, еще когда мы жили с леди Ребеккой в Ф*а*ртоне, точнее, в пригороде, в доме ее отца. Я была тогда совсем маленькой, но хорошо помню, как выбежала на улицу и услышала крики. Пятилетняя дылда, сын конюха, навалился на двухлетнего малыша, сына горничной, и возил его перепачканной и зареванной мордашкой по камням. Я разбежалась и боднула мальчишку в живот с такой силой, что он шмякнулся прямо в лужу. Орал так, что на вопли даже выскочил конюх, но оценив ситуацию, только выругался, сплюнул и ушел. Зато к малышу горничной его сын больше не приставал.

А еще я хорошо помнила море.

Часами могла сидеть, глядя как волны накатывают одна за другой. Даже зимой, когда колючий ветер забирался под накидку и под плотно завязанный чепец. Леди Ребекка говорила, что зимнее море пугает, но мне оно нравилось любым. Даже несущим сокрушительные волны на скалы, свинцовым, тяжелым и беспощадным. В Фартоне леди Ребекка чаще улыбалась. Она подхватывала меня на руки и кружила так, что юбки летели раскрывшимся цветком. Вот только когда ее отец, невысокий, мрачный и вечно чем-то недовольный граф смотрел на меня, я теряла дар речи: таким

жутким становился его взгляд. Леди Ребекка замирала и немедленно отправляла меня к себе.

Потом он уходил, и жизнь снова расцветала красками. Тогда мне казалось, что так будет вечно – леди Ребекка, море и я, но неожиданно приехал виконт Фейбер, и она перестала улыбаться. Виконт сделал ей предложение, свадьба была богатой, и мы переехали в Лигенбург. Где моря уж точно не было, только вечный дым, промозглые туманы и бесконечная столичная суета.

Виконт Фейбер!

Почему я сразу об этом не подумала! В доме леди Ребекки и ее мужа неплохая библиотека. Ей почти не пользуются, но книги (особенно книги по магии) – то немногое, что виконт не успел раздать за долги и пустить по ветру. М-м-м… я должна туда попасть! Должна понять, что это такое, и как от него избавиться. Просить графа я не могу, ему сразу придется во всем признаться, а вот леди Ребекке сочиню что-нибудь. Пусть потом мне будет очень-очень стыдно за ложь, но лучше так, чем… чем позволить ему эту непристойность! При одной мысли, что придется перед ним обнажиться, и не просто обнажиться, но и сидеть так неподвижно несколько часов под его взглядами, к щекам снова прилила кровь.

И не только к щекам, в груди словно что-то вспыхнуло и жаром разлилось сквозь кончики пальцев по всему телу.

Нет-нет-нет, этого не будет! Никогда!

Запястье болезненно дернуло, и я бросила яростный взгляд на закорючку: она почему-то засветилась.

«… очень рекомендую подчиниться сразу, потому что эта долговая расписка может сделать вам больно».

Не дождетесь!

Завтра я найду способ избавиться и от вас, и от этой штуки. Обязательно!

Так-то, месье Орман!

Загогулина на руке снова ужалила, но я только натянула на нее рукав: умолкни!

Воодушевленная обнадеживающими мыслями, подпрыгнула от оглушительного верещания чайника и быстренько сняла его с огня. Поднимаясь наверх с крохотным осветительным артефактом на шее (ходить по лестнице в такое время без него чистейшей воды самоубийство), настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила маячившую у моей двери тень. А когда заметила, было уже слишком поздно: мужчина резко обернулся и шагнул ко мне.

Я вскрикнула, дернулась назад и поняла, что падаю.

6

– Шарлотта!

Чайник все-таки вырвался из рук и с бряцаньем поскакал вниз, щедро поливая все вокруг кипятком. Я же зависла на верхней ступеньке, на пяточках, а наверху, удерживая меня за талию и не позволяя катастрофе случиться, стоял Ирвин.

Ирвин?!

– Ирвин!

Он резко втянул меня в коридор, подхватил на руки и закружил: с той знакомой силой, с которой подхватывал, когда входил в комнату. Широкие плечи служили неплохой опорой, но голова все-таки закружилась. В точности так же, как в детстве – весело и до звездочек перед глазами.

– Мисс Шарлотта Руа, вы все такая же хрупкая, какой я вас помню.

– Ирвин Лэйн, перестаньте! – рассмеялась от души. – Иначе будет как тогда на карусели.

Совместный поход на аттракционы, которые приехали под Лигенбург вместе с ярмаркой, закончился для меня не очень хорошо. Просто кто-то не знал меры, а Ирвин никогда не мог мне отказать.

– Ох, нет. Второй раз я себе этого не прощу!

Меня наконец-то поставили на пол.

– Иииирвин! Как же я рада тебя видеть!

– Я тоже безумно рад, Шарлотта.

Запрокинула голову, счастливо глядя ему в глаза.

– Когда ты приехал?

– Только что. И сразу к тебе.

– Вот прямо сразу?

– Ну, сначала домой заскочил. Нужно же мне было узнать твой адрес.

– А я завтра к вам собиралась!

– Завтра мы бы все равно не увиделись, – сильные руки придерживали меня за талию, – Роберт, мой полковой друг, женится.

Света от крохотного артефакта было чуть, но достаточно, чтобы рассмотреть красивое лицо с правильными чертами. Черные как уголь волосы, зачесанные назад, а глаза! Ух, какие глаза! Сейчас они потемнели от освещения, но я до безумия хорошо помнила их цвет. Яростно-голубой, как высокое летнее небо, в которое хочется смотреть до бесконечности.

Ирвин Лэйн, сын виконта Фейбера от первого брака.

В него были влюблены все дебютантки Лигенбурга (подозреваю, что не только дебютантки). Прибавить к его более чем запоминающейся внешности галантность старых традиций, неизменную вежливость – и получим его, моего старшего брата, как он себя называл. По сути, так оно и было. Ирвин всегда относился ко мне без снисходительности своего положения, неизменно защищая от строгости леди Ребекки или осаживая чересчур заносчивых слуг.

Всевидящий, как же это было давно, а сейчас… сейчас передо мной стоял молодой мужчина, хоть и знакомый, но повзрослевший. Решительно повзрослевший за последние шесть лет.

Только сейчас поняла, что мы так и стоим перед дверью. Что я в домашнем платье, простоволосая, и что он на меня смотрит… совсем не так, как смотрел раньше. Внимательно, немножечко удивленно, словно заново узнавая.

– Ой, – сказала я и полезла в кармашек за ключами.

– Позволь помогу. – Ирвин отнял у меня ключ, отпер дверь и слегка поклонился. – Леди вперед.

За то, что забыла выключить свет, когда уходила, мистер Холл открутил бы мне голову. Но к счастью, хозяина здесь не было, поэтому я закусила губу и обернулась, чтобы получше рассмотреть Ирвина. Темно-красная форма с серебряными нашивками, форма энгерийского офицера, делала его строже и жестче, черты стали более резкими, кожа – темнее и грубее, а вокруг глаз обозначились едва уловимые морщинки. Оно и неудивительно: в энгерийской колонии, Рихаттии, солнце очень-очень жаркое. В свое время я перечитала об этой стране все, что могла найти. Наверное, могла бы сдать экзамен по истории, географии и традициям без подготовки даже сейчас. Как раз потому, что Ирвин туда уехал.

– Какой же ты стал… – прошептала я.

– Какой? – переспросил он, внимательно глядя на меня.

– Совсем… – Кажется, я впервые не могла подобрать слов. – Солидный.

– Солидный, мисс Руа? – Он нахмурился. – Это все, что вы можете обо мне сказать спустя столько лет?

– Серьезный. Строгий. Умопомрачительный. Так лучше?

– Гораздо. – Вокруг глаз заискрились лучики «солнечных» морщинок.

– Ты надолго вернулся?

– Навсегда. Если так можно выразиться, когда ты военный.

– Ооох! – Я взвизгнула и не удержалась, чтобы снова его обнять.

– А ты рисуешь. – Он кивнул на занавешенный тканью мольберт за

моей спиной. – Все-таки рисуешь, Шарлотта. Я всегда знал, что ты своего добьешься.

Хотела рассказать ему про выставку, но не успела.

– А это кто у нас там? – Ирвин смотрел куда-то на пол, и я проследила его взгляд. Оказывается, пока меня не было, мисс Дженни вытащила месье Ормана из-под тахты и устроилась прямо на нем.

– Это… набросок. Ничего интересного, у меня их целый альбом.

– Вообще-то я спрашивал про пушистую прелестницу. Но для меня все, что ты рисуешь интересно, – снова на удивление серьезно сказал он. – Я до сих пор храню портрет матери, который ты мне подарила перед отъездом.

Я слегка покраснела. Портрет его мамы написала с большой картины, висящей в семейной галерее Фейберов. Правда, даже представить не могла, что он не только не забыл, но и сохранил этот листочек, в который я вложила столько сил и любви.

– Ирвин… – Кажется, от счастья я совсем растеряла манеры. – Хочешь чаю? Ой…

Чайник остался на лестнице, но прежде чем успела сделать шаг, Ирвин рассмеялся.

– Куда?

Он вышел за дверь, а я метнулась к столу. Смела в сторону карандаши, палитру и кисти, столкнула мисс Дженни в сторону, а набросок сунула к остальным в альбом. Посильнее натянула рукав, прикрывающую магическую закорюку, вытащила чашки, печенье и оперлась о спинку стула, как ни в чем не бывало.

Кто бы мог подумать!

Ирвин-Ирвин! Когда он уезжал, не очень хорошо расставшись с отцом (виконт изначально был против его службы), я думала, что могла бы ему писать. Но сколько мне тогда было? Одиннадцать. Леди Ребекка отняла у меня первое же письмо, а следом и адрес, и мне даже нечего было ей возразить. Глупая девчонка, в один день лишившаяся старшего брата и лучшего друга, ночами рыдала в подушку. Понемногу привыкала к Лигенбургу без Ирвина, но к жизни без Ирвина так и не смогла.

Я рисовала его, только его и рисовала, складывая наброски в учебные альбомы – туда, где никто не мог их найти. А потом образ начал стираться из памяти, и остались только штрихи моих воспоминаний. Которые я тоже сохранила до сегодняшнего дня.

Ирвин вернулся минут через десять, от чайника бодро поднимался пар. Поставил его на стол, но в ответ на мое приглашение только покачал

головой.

– Шарлотта, остаться не получится. У Роберта мальчишник, я и так уже бессовестно опаздываю.

– Я уже готова этого Роберта покусать!

– Прости его, он безумно влюблен, а это самое серьезное оправдание. – Ирвин широко улыбнулся. – Тем более что я зашел пригласить тебя в Милуотский парк. Ты же свободна в воскресенье, верно?

Воскресенье – единственный день, когда у меня не бывает занятий с Илайджей. Граф Вудворд был столь любезен, что даже не стал вычитать его за приближающуюся пятницу – день открытия выставки, на которую я выпросила себе выходной.

– Разумеется!

– В таком случае в воскресенье, в полдень, я буду у этой самой двери, мисс Шарлотта Руа. Что скажете?

– С радостью принимаю ваше приглашение, милорд Лэйн.

Я присела в реверансе, а Ирвин отвесил мне шутливый поклон. Мы еще раз обнялись, а когда за ним закрылась дверь, подхватила мисс Дженни на руки. Скинула туфельки и от души попрыгала на тахте, которая протестующе скрипела. Счастье переполняло меня до краев. В меня даже чай с булочками не полез – столь велико было радостное возбуждение, поэтому я убрала со стола и легла спать. Писать в таком состоянии тоже бессмысленное занятие: когда все внутри переворачивается от радости, сложно сосредоточиться на сюжете.

Ирвин.

Ирвин вернулся!

В воскресенье мы идем на прогулку! Всевидящий, мне же столько всего надо ему рассказать! И еще столько же спросить.

Я улыбалась и гладила примостившуюся рядом кошку. Из-под тонкого рукава ночного платья просвечивал зеленый узор, снова слегка потемневший, и я показала ему язык. Уютное мурчание мисс Дженни убаюкивало, а коготки, которые она пускала в покрывало, напоминали пожелание доброй ночи.

Впрочем, сейчас я была уверена, что эта ночь будет самой доброй на свете.

7

Бальная зала была роскошна. Украшенная живыми цветами и праздничными лентами цвета сирени, символизирующими помолвку Лины

и Ричарда. Из распахнутых настежь дверей лилась нежная мелодия, слышались голоса и смех. Платье, которое мне одолжила подруга, тоже было прекрасно. Воздушное, из бледно-сиреневой органзы, с шарфом-накидкой, позволяющим прикрыть обнаженные плечи, что я и сделала перед тем, как войти. Посередине широкая лестница раздваивалась, чтобы увести вниз, а под ней, в выбитой арке бил фонтан. Раньше мне не доводилось бывать в бальной зале Вудвордов, но она что-то неуловимо мне напоминала. Особенно портьеры, тяжелыми складками ласкающие паркет.

– Мисс Шарлотта Руа! – объявил церемониймейстер, и все повернулись ко мне.

Я видела Ричарда и Лину, графа и графиню, остальные сливались в пестрый мельтешащий фон. Все они смотрели на меня, во взглядах недоверие мешалось с недоумением: что здесь делает простая гувернантка? Неожиданно я почувствовала себя очень неловко, но прежде чем успела сделать вдох…

– Вы позволите вас сопровождать, мисс Руа?

Ирвин предлагал мне руку и улыбался. Парадная форма, начищенная до блеска обувь и ослепительная улыбка. Улыбка, на которую я не могла насмотреться.

– Лорд Ирвин Лэйн! – воскликнул церемониймейстер.

И взгляд, удивительно долгий, глаза в глаза.

– Да, – прошептала я. – Да, да, конечно же да!

Положила затянутую в перчатку руку на сгиб его локтя, и мы вместе направились вниз. Под плеск воды, разговоры и перешептывания спустились по одной из лестниц.

– Первый вальс! – Громкий голос поглотил вихрь музыки.

Пары закружились по залу, и Ирвин посмотрел на меня.

– Окажете мне честь, Шарлотта?

Разве я могла ему отказать? Нет, не так… я счастлива была согласиться!

Мы влились в круговерть танцующих, он вел легко и уверенно, подхватывая ритм льющейся по залу мелодии. Вокруг порхали платья (как листья, кружащие над землей): желтые и лимонные, багряные и охряные, потемневшие, словно опавшие уже давно, изумрудные и салатовые, сорванные ветром раньше времени. Синие, пронзительно синие, как небеса осенью, темнеющие как ночное небо или приглушенные, как облака перед рассветом.

Ирвин вел легко и уверенно – сильная ладонь на спине и мягкий захват пальцев. Мне вдруг отчаянно захотелось стянуть перчатку, чтобы

почувствовать его ладонь. Почувствовать кончиками пальцев, как… Выражение лица Ирвина неожиданно изменилось: стало жестким и раздосадованным. Глаза потемнели, как небо перед грозой. Мелодия закрутилась ярмарочной каруселью, громкой и скрипучей, словно в поломанной музыкальной шкатулке. Пары останавливались одна за другой, останавливались и смотрели куда-то в сторону.

Не понимая, что происходит, я сбилась. Споткнулась о его ногу, и он не стал удерживать, просто замер, глядя мне за спину.

– Кошмар!

– Какой ужас.

– Немыслимо.

– Невозможно.

Восклицания неслись отовсюду, женские голоса и мужские смешивались в странный гул, и я обернулась. Обернулась, чтобы увидеть свою картину: на нее смотрели с выражением неподдельного ужаса, возмущенно, с омерзением.

– Провокационно…

– Пошло…

– Ужасно.

– Неужели это нарисовала она?

Я зажала уши, чтобы не слышать, зажала и повернулась к Ирвину в поисках поддержки, но…

– Шарлотта! Как ты могла нас так опозорить?

– Ирвин, я…

Договорить не успела, он развернулся и направился к выходу из залы. Так быстро, что я даже не успела коснуться его руки.

– Ирвин, постой! Пожалуйста!

Хотела бежать за ним, но мне постоянно попадался кто-то на пути. То граф, глядящий на меня с выражением брезгливого недоумения, то Лина с широко распахнутыми глазами, то гости. Я не запоминала лиц, просто пробивалась сквозь удушливое полотно платьев и фраков, не выпуская Ирвина из виду. Я должна его догнать! Должна объяснить, что все это ужасная ошибка. «Девушки» здесь не должно быть, ведь она в музее искусств, и я вовсе не хотела никого позорить.

Тем более его!

Ирвин взлетел по лестнице и скрылся за захлопнувшимися дверями, а мне, наконец, удалось добраться до ступенек. Я вязла в них, как в непроходимой топи, ноги становились тяжелыми, пока не добралась до середины лестницы. Кто-то схватил меня за шарф, чтобы удержать, я

рванулась – и прохлада впилась в обнаженные плечи. Зато двигаться стало проще: пролетев мимо разгневанного церемониймейстера, я выбежала из зала.

– Ирвин!

Долгое эхо разнесло мой крик по коридорам. Шаги донеслись из левого крыла и я, не раздумывая, нырнула туда. Холл Вудвордов сменился длинным темным коридором, в который я бросилась вслед за ускользающими шагами.

– Ирвин!

Поворот – и я на полном ходу врезалась в… Ормана. С силой влетела в него, но он даже не пошатнулся, только жестко обхватил мою талию, не позволяя отстраниться.

– Значит, Ирвин. – Хрипло произнес он.

А потом одним движением толкнул к стене, и мы снова оказались в нише. Темнота обрушилась пологом, запечатывая непроницаемым барьером потайных стен.

– Отпустите! – выдохнула я. – Отпустите, или я…

– Будете кричать? Да. Звать на помощь? Бессмысленно.

– Ирвин…

– Он не придет. Никто не придет.

Он без труда удерживал мои запястья за спиной. Прижимая их к талии, вжимая меня в себя так плотно, что я едва могла дышать. Едва могла дышать и двигаться, словно меня сковало по рукам и ногам невидимыми цепями.

– Здесь никого нет. Кроме нас.

Осознание обрушилось горячей, удушающе-жаркой волной. В жизни не представляла, что может быть так горячо от самых обыкновенных слов. От голоса: низкого, глубокого, затягивающего во тьму яростно и неумолимо.

«Здесь никого нет. Кроме нас».

– Здесь полный дом гостей…

– В музее искусств?

Музей искусств? Как… как я могла очутиться в музее искусств, если только что вышла из бальной залы Вудвордов?

– Никак. – Затянутая в перчатку ладонь скользнула по щеке. – Разве что во сне. Знаешь, чем хороши сны, Шарлотта?

Из-за сомкнувшейся над нами темноты все чувства обострились стократно. Я слышала наше дыхание. Мое – участившееся, и его: сильное, глубокое, ровное. Обжигающее шею, скользящее по коже, играющее

выбившейся из прически прядью.

– Во снах можно себе позволить многое. Гораздо больше, чем наяву. Гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

Сон?

Сумасшествие какое-то! Мне не может такое сниться!

– В безумии есть своя прелесть.

От прикосновения трости к губам по телу прошла дрожь. Холодный, скользящий, металлический узор, повторяющий контур моего рта. Дикое, сумасшедшее желание почувствовать его губы на своих обожгло лицо краской, щедро плеснувшей на щеки.

Я не должна такого думать, и хотеть этого тоже не должна.

Я шла сюда, чтобы найти Ирвина, чтобы все ему объяснить…

– Знаете, моя маленькая Шарлотта, даже для столь очаровательной девушки вы слишком любвеобильны.

Звенящие сталью интонации обожгли сильнее смысла сказанных слов.

– Вы… – вспыхнула я. – Не смейте называть меня так! Не смейте меня…

– Смею. Могу. Буду. – Насмешливый голос на миг изменился, становясь низким и тягучим, как патока. Мелодичным, словно треск из него выплеснулся за один вздох. – Буду называть тебя, как захочу. Буду говорить все, что пожелаю. Буду делать с тобой все, что пожелаю…

Пальцы на моих запястьях шевельнулись, и правое кольнуло тонкой, тянущей болью.

– И когда пожелаю.

Дернулась, но тщетно: невидимые цепи не стали легче. Набалдашник скользнул вдоль линии декольте, под тонкое кружево, по ставшей безумно чувствительной коже.

– А-ах-хх… – С губ помимо воли сорвался стон.

– Какая же ты чувствительная, Шарлотта… – Этот голос действительно был безумным. – Шарлотта…

А еще голодным. Жадным.

Он пробовал мое имя на вкус, и меня тоже: жесткие губы коснулись бешено бьющейся жилки на шее. Платье сползло к ногам, словно шнуровка на спине распустилась сама собой. Трость скользнула по груди, заставляя задыхаться от странного, неведомого доселе чувства. Чувства столь же постыдного, сколь и желанного: податься вперед, вжимаясь в холодный резной узор. Обнаженными плечами, всем телом чувствуя грубую ткань пальто или плотный шелк жилета. Позволяя ему делать все, что он пожелает.

Прямо сейчас.

Прикосновение пальцев к губам: горячих, по-мужски сильных, заставило приоткрыть рот. Раскрытая ладонь скользнула по шее, потянула за волосы, и шпильки посыпались вниз. Так легко, словно их вытянули заранее. Пряди рассыпались по обнаженной спине небрежной лаской. С губ вместе с дыханием снова сорвался стон.

Как хорошо, как сладко, как…

Грохот и лязг ворвались в сознание, заставив подскочить на кровати. Покрывала сбились, оказавшись чуть ли не в ногах, волосы разметались по плечам. Щеки пылали, я вся пылала как Иньфайский маяк, почти не чувствуя отрезвляющего холода. Грудь тяжело вздымалась, под тонкой сорочкой отчетливо выделялись напряженные соски. Сердце колотилось как сумасшедшее, облегающая ткань ощущалась каждым дюймом горящей кожи. Так же отчетливо, как помнила его прикосновения, слышала шорох падающих одежд, чувствовала скольжение набалдашника, когда выбитый узор оставлял ледяные ожоги.

Моргнула, пытаясь прийти в себя, и перевела взгляд на мисс Дженни. Она сидела под мольбертом и вылизывала лапу. С таким видом, словно чайник со стола свалился сам собой, вместе с палитрой и стаканом-подставкой для кисточек. Шкатулка с заваркой видимо тоже спрыгнула сама.

– Мисс Дженни!

Невинный взгляд невинных глаз.

– Мяу?

Пришлось подниматься и приводить в порядок комнату, которая напоминала поле боя. Разлитую воду быстренько вытерла тряпкой, разлетевшиеся по полу кисти собрала и сложила в ящик, осколки смела в совок и ссыпала в мусорное ведро. Привести в порядок собственные мысли оказалось куда сложнее: слишком яркими были воспоминания, в которых я цеплялась пальцами за жесткий коверкот на плечах Ормана. В которых запах сандала окутывал легким шлейфом, а я бесстыдно прижималась к мужчине.

«… Буду делать с тобой все, что пожелаю».

Перевела взгляд на магический узор: тонкие линии светились зеленью.

«Какая же ты чувствительная, Шарлотта…»

Браслет пальцев на запястьях, холодный металл, обжигающий кожу.

Всевидящий, Шарлотта! Это всего лишь сон.

Только сон, и ничего больше.

С этой мыслью устроилась на кровати, натянула покрывала до

подбородка, завернулась в них и закрыла глаза.

8

– Тетушка Эби!

– Мисс Шарлотта! Радость-то какая!

Кухарка Эбигейл, что трудилась в доме виконта Фейбера вот уже двадцать лет, шагнула ко мне и порывисто обняла. Так порывисто, что с раскатанного на столе теста взметнулась мука, оседая на наших волосах. В общем-то, я против не была: в последнее время мы непростительно редко виделись. В гости меня приглашали разве что когда виконта не было дома (он меня недолюбливал), а поскольку дома его не было крайне редко – обычно, когда он посещал мужской клуб или выезжал по делам, часто заглядывать не получалось. Иногда мы с леди Ребеккой встречались в Милуотском парке, но так ведь с домашними не пообщаешься.

– А вы что же, не обнимете старую Эби?

– Старую, скажешь тоже! Я бы с удовольствием…

Но я в этот момент стояла с растопыренными руками. В одной коробочка с пирожными для Эби и остальных, в другой – для Миралинды. Сама виконтесса считала, что сладкое и мучное, а особенно мучное сладкое портит цвет лица и фигуру. Наверное, так и есть, если его есть постоянно.

– Ох, – кухарка опомнилась. – Ставьте вот сюда. Давайте.

Когда коробочки были сгружены на соседний стол, я все-таки обняла ее от души.

– Соскучилась, – призналась в плечо, пахнущее сдобой.

– А я-то как соскучилась! Ну, рассказывайте, как у вас дела? Все так же учите отпрыска Вудворта письму и манерам?

– И не только, – я улыбнулась. – Я теперь выставляюсь.

– Вот те на! – Эби всплеснула руками и схватилась за скалку.

– Давай помогу.

– Садитесь лучше! – прикрикнула она на меня. – Не с вашей силой тесто раскатывать.

И в подтверждение своих слов она несколько раз прошлась по нему скалкой, превращая в тонюсенький листочек.

– Так что, говорите, свое рисованье выставляете? Где?

– В музее искусств.

– Ох ты!

Кухарка округлила глаза и принялась ловко вырезать тесто для пирожков перевернутой супницей, не забывая поглядывать на меня.

– Только что-то вы невеселая, мисс. Вы же всегда рисовать хотели?

– Еще как!

– Тогда почему грустите?

– Не грущу вовсе! Просто немного не выспалась.

Немного – это слабо сказано. Заснуть мне больше так и не удалось, я до восхода проворочалась под покрывалами, стараясь не думать о том, что мне снилось. Не думать получалось плохо, я снова и снова возвращалась в темноту ниши, к хриплому голосу и бесстыдным прикосновениям. Хуже всего было то, что во сне я сама этого хотела. Отчаянно, до безумия хотела продолжения бессовестно-откровенных ласк. Это и впрямь напоминало безумие: стоило об этом подумать, как щеки начинали гореть, не спасала даже прохладная наволочка. Просыпаться рано я привыкла с детства, но никогда раньше так не радовалась забрезжившему рассвету. Особенно тому, что пришло время вставать.

Зато теперь весь день зевала.

– Неудивительно, времечко-то к ужину. Что же вы себя совсем не бережете? Наверное, опять всю ночь за рисованьем просидели!

Кухарка испытующе на меня посмотрела, ловко выкладывая начинку на тесто.

– М-м-м… да. – Я кивнула и поспешила сменить тему: – Эби, а у меня для тебя есть подарок! Хочешь пойти на выставку?

Достала приглашение и протянула ей.

– Ох, я бы с удовольствием, мисс Шарлотта! Только когда мне? И леди не отпустит, сейчас работы много, особенно когда молодой лорд вернулся! Ну, вы ведь верно и сами знаете, вчера он спрашивал у меня ваш адрес.

Я улыбнулась.

– Да, Ирвин вчера заходил. Спасибо, что подсказала, как меня найти.

Круглое лицо Эби засияло, как солнце.

– Мне в радость только. А то я не помню, как вы плакали, когда он уезжал. Да и он всегда очень хорошо к вам относился, не в пример отцу.

– Так ты хочешь пойти? – Я хитро улыбнулась. – А я попрошу за тебя леди Ребекку, чтобы отпустила на пару часов.

– Ну если попросите… – Она просияла еще больше.

– Обязательно попрошу, – сунула контрамарку в карман ее передника. – И еще я кое о чем хочу попросить тебя.

Вытащила из ридикюля конверт и протянула ей. Внутри лежало приглашение на выставку, а еще сложенный вчетверо лист бумаги. Десятый или пятнадцатый по счету, не помню. Пока Илайджа спрягал вэлейские глаголы, я писала Ирвину о том, что буду очень рада видеть его на

выставке. О том, что она состоится в пятницу, что если у него получится прийти, это будет просто чудесно. Писала, перечеркивала неудобные фразы, комкала один лист за другим и бросала в мусорную корзину. Пытаясь подобрать правильные слова и понять, правильно ли поступаю.

«Шарлотта! Как ты могла нас так опозорить!»

Перед глазами стоял образ Ирвина. Ирвина, уходящего от меня. Ирвина, ударившего пренебрежением и жестокими словами, но ведь он никогда не был ко мне жесток.

«Для меня все, что ты рисуешь – интересно».

Нет, он никогда бы так со мной не поступил. И не поступит, потому что все это просто дурацкий сон! Просто дурацкий сон, который нужно забыть как можно скорее.

– Передай Ирвину, пожалуйста.

– Непременно передам.

Эби вытерла руку о передник, спрятала конверт в карман, а после вернулась к готовке.

– А как у вас дела?

Кухарка махнула рукой.

– Все по-старому. У леди приступы мигрени, а у лорда – мотовства.

– Эби! – фыркнула я.

– Ну так ведь правда же.

Виконт Фейбер и впрямь любил погулять и пожить на широкую ногу, а делами заниматься не любил, что не мешало ему тратить состояние, полученное в наследство от отца. Впрочем, если оно есть, почему бы его не тратить.

– Вообще-то я спрашивала про вас, – легонько коснулась морщинистой натруженной руки.

– Ну… мы как обычно. Варим, парим, жарим. Чистим-моем-привечаем… Сейчас по осени девчонок-горничных только так гоняют. Пылинку где заметят – кошмар и скандал. Ну так это вы и сами знаете.

Леди Ребекка Лэйн, виконтесса Фейбер, из-за мигреней действительно становилась раздражительной дальше некуда. Да и попробуй останься в хорошем расположении, если круглосуточно болит голова, когда даже капли не помогают. В такие дни попадаться ей под горячую руку было не с руки. Она часто принимала гостей, и случись ей увидеть поставленную не тем боком статуэтку, сразу вспыхивала, как спичка. После чего долго отчитывала горничных за нерадивость. Хорошо, если только отчитывала, а не вычитала из жалованья.

– Ох, что я вам сейчас расскажу. – Эби неожиданно понизила голос и

опустила плечи. – Мою знакомую Маргарет помните, она заглядывала к нам пару лет назад, а вы еще тогда со мной на кухне сидели?

Кивнула. Я запомнила эту женщину из-за огненного цвета волос, пламенеющих даже в неярком свете ламп, громкого голоса и пробивной уверенности, которой многие мужчины могли позавидовать.

– Так вот, у нее дочку убили, – упавшим голосом закончила кухарка. – Задушили, а вокруг шеи змею мертвую обернули, это мне сама Мэгги сказала. Седая стала вся, а в полиции говорят – улик нет. И чтобы не ходила да не донимала, говорят.

– Дочку? – переспросила я, совершенно не готовая к такой новости.

– Да, и ведь молодая совсем была. Едва семнадцать исполнилось. – Эби всхлипнула и отерла глаза передником.

По коже прошел мороз, словно сама до змеи дотронулась, и сразу вспомнился мальчишка-газетчик: «Убийство! Убийство в р-р-рабочем квартале!»

– Это я к чему, мисс Шарлотта. Вы тоже молодая да красивая, и живете одна, в таком неустроенном районе… Может, попроситесь в гостевой дом, к нам поближе?

– Нет у меня денег на гостевой дом, – шокированная подробностями, я даже не пыталась этого скрыть.

– Ну так одолжитесь у леди Ребекки, если нету. Страшные времена сейчас настали, лихие… Хотя когда они такими не были для нас, бедолаг, прости Всевидящий. Тьфу! – Эби сплюнула через плечо, отгоняя беду.

Хотела ответить, что страшные времена не обходят стороной и дорогие кварталы, и даже самых богатых людей, но заметив предостерегающий взгляд Эби, обернулась. В дверях кухни, поджав губы, стояла виконтесса Фейбер.

– Эбигейл, потрудись объяснить, ты и вправду считаешь, что о таких ужасных и грязных вещах стоит говорить с юной мисс? И тем более считаешь себя вправе раздавать советы о том, у кого ей и как одалживаться?

– Леди Ребекка, – я поднялась и поспешно сделала книксен, – Эби вовсе не хотела…

– Похоже, уроки хороших манер для тебя прошли даром, Шарлотта. – Виконтесса смерила меня взглядом, способным заморозить не одну юную мисс, а целого слона. – Разве я обращалась к тебе?

– Нет, леди Ребекка.

– В таком случае я жду твоего молчания и твоего ответа, Эбигейл.

– Да я же переживаю за нашу девочку, – кухарка всплеснула руками. –

Я просто помочь хотела, ведь дочка Мэгги-то…

– Достаточно, – произнесла виконтесса тоном, не терпящим возражений. – Вместо того, чтобы пугать девочку, лучше займись делом. Еще раз услышу в своем доме подобные разговоры, урежу тебе жалованье. Пойдем, Шарлотта.

Она расправила плечи и вышла: высокая и тонкая, как жердь. Я же шагнула к Эби и порывисто ее обняла.

– Прости, – прошептала. – Из-за меня тебе влетело.

– Из-за меня, старухи глупой, и влетело. – Эбигейл погладила меня по волосам. – Права, леди-то. Не стоило мне вас пугать, но вы, мисс Шарлотта, у нас такая добрая, сами камня за пазухой не держите, и в других людях зла не разглядите. А на улице совсем другая жизнь, не то что за красивыми фасадами. Так что осторожнее будьте, очень вас прошу.

– Я очень, очень сожалею, что так случилось, – сказала тихо. – Если я могу чем-то помочь Мэгги…

– Да чем ей поможешь, – вздохнула кухарка. – Дочку ее уже не вернуть.

В горле неожиданно встал ком, поэтому вместо ответа я поцеловала ее в морщинистую, но по-прежнему пышную щеку.

– Рада была повидаться, Эби.

– Я тоже, мисс Шарлотта. Я тоже. – Она кивнула на дверь. – Ну все, бегите. Не заставляйте леди ждать, они ведь знаете, как этого не любят.

Улыбнувшись на прощание, подхватила коробочку с пирожными для Миралинды и бросилась к двери.

Леди Ребекка дожидалась меня в гостиной, где мы столько раз пили чай. Вот и сейчас она восседала в своем любимом «бронзовом» кресле, получившем прозвище за удивительно красивый цвет обивки. Диван был того же цвета, но все знали, что леди Ребекка предпочитает именно кресло, и садиться можно куда угодно, только не на него. Она дождалась, пока я приближусь и поцелую подставленную щеку, после чего приняла коробочку с пирожными и поставила ее на столик.

– Рада тебя видеть, Шарлотта.

– Я тоже! Очень-очень. – Мне безумно хотелось ее обнять, но виконтесса нежностей не любила. – Леди Ребекка, я хочу пригласить вас на выставку!

– На какую еще выставку, Шарлотта?

– На выставку современного искусства. – Я протянула ей две контрамарки. Еще одну я сегодня подарила Лине, и она с радостью согласилась пойти. – Вот. Для вас и Миралинды…

– Музей искусств? – перебила леди Ребекка, откладывая билеты. – Все это несомненно чудесно, но ты же знаешь, как я не люблю визитов без предупреждения, – она поморщилась и поднесла платок к носу.

Платок этот, смоченный каплями от мигрени, ей посоветовал постоянно носить с собой целитель. Каждый раз, когда его вызывали к леди Ребекке, он прозрачно намекал на то, что можно было бы обойтись услугами обычного аптекаря – а главное, гораздо дешевле, но ее оскорбляла сама мысль о таком.

– Присядь, будь так любезна.

– Знаю, я просто не успела отправить записку. – Медленно опустилась на диван: все, как она учила, и осторожно расправила платье.

– Неужели? И что у тебя такого срочного?

– Сегодня граф попросил меня подготовить для Илайджи материалы по истории магии. – Причину я сочиняла весь день и очень надеялась, что выходит достоверно, потому что врать не умела совершенно. – И мне нужно…

Запястье ужалило болью, и я неосознанно его потерла. Знак принадлежности ему обжигал хуже клейма.

– Нужно подготовиться до завтра.

– Историю магии? – Леди Ребекка нахмурилась и резко выпрямилась. – Какое ты вообще имеешь отношение к магии?

Я – никакого. В нашем мире магией обладают только аристократы и те, в ком хотя бы на четверть течет их кровь. Но даже случись мне родиться в знатной семье, вряд ли это что-то бы изменило. В Энгерии женщины изначально наделены более слабой магией, чем мужчины. В общем-то, так сложилось исторически: даже в достаточно сильных семьях женщин магии не обучали, и со временем она «отмерла» за ненадобностью.

Большее, на что были способны леди – простенькие бытовые заклинания, а еще магия красоты, всякие зелья и заклинания для улучшения цвета лица, мгновенного разглаживания морщин, и все такое. Сейчас, наверное, уже и того нет. По крайней мере я никогда не видела, чтобы леди Ребекка, Лина или графиня Вудворд пользовались магией. До встречи с Орманом живую магию я видела лишь однажды: когда упала и сильно разбила коленку. Ее нужно было обработать щипучим раствором, и чтобы меня отвлечь, Ирвин создал потрясающе красивую огненную бабочку.

– Не знаю, – пожала плечами как можно более невинно. – Просто граф, видимо, решил, что настало время обучать Илайджу, и захотел, чтобы я подготовила азы теории. Так вы позволите мне воспользоваться

библиотекой лорда Фейбера?

В наш разговор ворвалась небольшая пауза, потому что в гостиную вошла горничная с подносом. Пока она составляла чашки, сахарницу и дымящийся серебряный чайничек на столик, леди Ребекка не сводила с меня пристального взгляда.

– Почему же граф не предоставил тебе свою библиотеку? – холодно поинтересовалась она, стоило горничной выйти.

– О, он куда-то собирался по срочному делу, а помочь мне с каталогом больше некому, – заметила я и даже не покраснела. – К тому же, он знает, что я всегда могу обратиться к вам.

Леди Ребекка снова нахмурилась, недовольно разгладила складки роскошного бледно-персикового платья. Надо отдать должное, этот цвет ей очень шел, подчеркивая естественный тон ее кожи: гораздо более теплый, чем у меня.

– Что ж, – пробормотала она еле слышно. – Думаю, за один раз ничего страшного не случится.

Я едва не спросила, что же такого страшного может случиться со мной в библиотеке, но виконтесса уже поднялась. Так резко, что взметнулось платье.

– Скоро вернется Оливер, – произнесла она, поправляя шоколадные пряди, в которых не было ни единого седого волоса. Черты лица ее, немного крупные, но придающие леди Ребекке особый шарм, всегда казались мне невероятно интересными. – До этого можешь поработать, часа полтора у тебя есть.

Получилось!

– Спасибо! – воскликнула я, вскакивая следом.

– Но на будущее, Шарлотта, от таких поручений стоит отказываться. Это не входит в твои обязанности. Тем более что я не смогу все время оказывать тебе любезность, да и Оливер будет против.

Она направилась к двери, я же с сожалением посмотрела на чай, к которому мы так и не притронулись. Вот он сейчас бы мне точно не помешал: крепкий, ароматный, бодрящий, прогоняющий сон. К сожалению, взять его с собой не представлялось возможным, поэтому только украдкой зевнула и последовала за леди Ребеккой.

В библиотеке виконта мне раньше бывать не доводилось: сюда строго-настрого запрещалось входить. Все книги, которыми я пользовалась – учебники, словари, с собой приносила гувернантка и оставляла в комнате, где мы занимались. В городские библиотеки вход женщинам тоже был закрыт, исключением были разве что книжные и букинистические лавки.

Там на меня тоже косились неодобрительно, но я хотя бы могла побродить между полок, вдыхая запах кожаных корешков и типографской краски. К сожалению, читать на месте не позволялось, не позволялось даже просто брать книгу в руки, если ты не собираешься покупать. Увы, денег на книги у меня не было, все они стоили безумно дорого. Единственное, что я в свое время себе позволила – сборник стихов Жюстины Виаль, современной вэлейской поэтессы.

Поэтому сейчас с восторгом озиралась по сторонам. Библиотека занимала довольно просторную комнату во всю высоту этажа. Лесенка, чтобы достать книги с верхних полок, была невысокой, но довольно массивной. Неяркий свет настенных артефактов поблескивал в позолоте корешков.

– Сейчас посмотрим. – Леди Ребекка открыла лежащую на подставке у двери вытянутую книжицу, больше похожую на журнал. Перед глазами замелькали длинные ряды рукописных строчек, названия книг с указанием авторства. – Хм, история магии… Хм… хм… Ах, вот.

Она направилась к дальней полке, принесла одну из книг и положила на письменный стол. Тут же сработал артефакт: от яркости настольного светильника, представляющего собой несколько соединенных между собой колец, на миг даже зажмурилась.

– История магии от армалов до наших дней. В кратком пересказе, – пояснила она. – Этого вполне достаточно, больше ничего не трогай.

– Не буду, – поспешно пообещала я.

– Полтора часа, Шарлотта, – напомнила леди Ребекка. – Если закончишь раньше, просто оставь книгу на столе и разыщи меня. Ты все поняла?

Она пристально взглянула на меня, словно о чем-то догадывалась. Глаза ее (серо-зеленые, как море под продувными ветрами) чуть потемнели.

– Да, леди Ребекка.

Стоило ей выйти за порог, как я метнулась к каталогу и раскрыла его на оглавлении. Здесь было непростительно мало книг по магии, и я быстро водила пальцем по строчкам, чтобы отыскать нужное. Не думаю, что Орман знает какие-то серьезные заклинания: титула у него нет, а значит, как маг он заведомо слабый…

Та-ак… вот оно!

«Основные заклинания наших дней и новейшей истории».

Как назло, книга оказалась на дальней верхней полке. Пришлось попыхтеть, подтаскивая лестницу к нужному сектору. Кто вообще

придумал делать в библиотеке деревянный настил?

Взобралась на лесенку, перебирая взглядом корешки. Поспешно дернула «Заклинания» на себя.

– Ой-й-й…

Книги стояли так плотно, что вместе с нужной мне выскочила еще одна. Я тщетно попыталась ее поймать, но она уже соскользнула вниз. С грохотом свалилась на пол и у меня на глазах разлетелась на две части. В тот самый момент, когда за дверью раздались чьи-то шаги.

9

Я не свалилась с лестницы только потому, что одной рукой вцепилась в «Заклинания», другой в полку. Шаги прогромыхали рядом с дверью, а после начали удаляться: судя по всему, мимо прошел либо дворецкий, либо камердинер виконта, либо кто-то еще из слуг. Судорожно вздохнув, на подгибающихся коленках, я осторожно спустилась вниз. Для верности плотно зажимая фолиант подмышкой и повторяя пальцами края лесенки. Едва ощутив под ногами пол, опустилась на корточки рядом с «пострадавшей», и… замерла.

Книга действительно развалилась на две части, но исключительно потому, что их было две. Две части или две книги: в одной, что побольше, от корки до корки прямо сквозь страницы был вырезан тайничок, в него и вложили вторую. Небольшой томик в изящном переплете с шелковой ленточкой-закладкой. «Сладкая горечь свободы», – гласила надпись на корешке. Книга авторства Миллес Даскер?! По ощущениям, глаза у меня стали очень большими.

Откуда ей здесь взяться?!

«Сладкая горечь свободы» считалась самым откровенным и провокационным романом нашего времени. Леди Ребекка называла книги Миллес Даскер (первой женщины-автора, опубликованной в Энгерии) салонным чтивом для поверхностных, бесстыжих и ветреных особ. Помнится, я нечаянно стала свидетельницей ее разговора с подругами, когда она открыто осуждала «подобное творчество» и мысли, которые оно может вложить в умы современных женщин. Порядочных женщин!

«Я бы ни за что не поставила такую гадость на свою полку», – говорила она.

В общем-то, на полке роман Миллес Даскер и не стоял, он был надежно спрятан в недрах безжалостно искромсанных «Основ бытовой магии». Я закусила губу, понимая, что нужно возвращаться к заклинаниям,

но если уж представилась такая возможность… Быстренько открыла книгу на первой попавшейся странице: судя по затертым уголкам, ее читали не один раз.

«Его ладони скользнули по обнаженным плечам, вызывая томительную, жаркую дрожь. Александра прикрыла глаза, отдаваясь во власть сокрушительной мужской силы. Забывая о том, как отчаянно и горячо ненавидела высокомерие в его глазах, чувствуя, как жесткие пальцы удивительно нежно повторяют контур ее губ…»

Странным образом я снова перенеслась в темноту ниши, прикосновения Ормана отозвались во мне пугающей дрожью. Прикосновения, которые хотелось продлить и чувствовать так же остро… наяву. Губы вспыхнули, словно он прикасался к ним пару мгновений назад, и я поспешно захлопнула книгу.

Ой-й-й-й, нет. Это совершенно точно не то, что мне сейчас нужно.

Захватила Миллес Даскер с собой вместе с «Основами». Верну на полку, когда буду убирать «Заклинания». Кстати, о заклинаниях… Зевнула, прикрывая ладошкой рот, глянула в оглавление.

Ну и что тут у нас?..

Заклинания, как ни странно.

Бытовые, боевые, защитные. Глянула на четкий узор, который жил на моем запястье своей жизнью: сейчас, например, снова «заснул». Если не присматриваться, можно подумать, что просто выпачкалась в краске, тонкие линии померкли. Надолго ли? Вряд ли его можно отнести к бытовым. К боевым тем более, и уж меньше всего это похоже на защиту.

Так, вот, раздел «Разное». Пожалуй, здесь и поищем.

Пролистала до нужной страницы, поморгала. Чувство было такое, что книга написана на незнакомом языке. Нет, часть слов мне все-таки была понятна, но большинство просто ускользали от сознания, особенно когда речь заходила о плетениях, построении контуров и узлов. Да-а-а, что ни говори, а магическая терминология – это явно не для слабого ума. Впрочем, плетения мне не нужны, мне нужно понять, с чем я имею дело, и как от него избавиться.

Раздел оказался большим и муторным, а еще – без картинок. Поэтому приходилось вчитываться в механизм действия заклятий, зевать и покусывать губы. Всевидящий, как в этом вообще кто-то разбирается?

Веки становились все более тяжелыми, не спасал даже яркий свет артефакта. В определенный момент я поймала себя на том, что чуть не упала в книжку лицом, дернулась, и…

– Могла бы просто спросить у меня, Шарлотта.

Ой, нет. Нет, нет, нет. Только не это.

Я что, опять сплю?

– Быстро учишься. Умная девочка. – От этого голоса хотелось не то сбежать на край света, не то… утонуть в нем. Он напоминал гипнотическую вуаль, наброшенную на сознание, приковывающую к своему обладателю невидимыми, но прочными цепями. Даже не оборачиваясь, я знала, кого увижу за спиной.

– Учусь? Чему?

Трость легла на мое плечо, набалдашник уперся в книгу, отодвигая ее в сторону.

– Здесь ты ничего не найдешь.

– А где найду? – Я все-таки обернулась.

В конце концов, если это сон, то во сне можно многое себе позволить.

– Уже пытаешься управлять снами. Невероятно. – Он обошел меня и встал у стола.

Легко касаясь его кончиками пальцев.

– Разве снами можно управлять?

– Большинство людей даже не отдают себе отчет в том, что спят. Не говоря уже о том, что с ними происходит. Не говоря уже о том, чтобы пытаться выстроить сюжет сна по своему разумению. То, что ты на такое способна, очень… – он смягчил последнее слово и повторил его так же мягко, словно пробуя на вкус, – очень странно.

Это действительно странно. Особенно если учесть, что мы разговариваем во сне.

– Может, уже снимете маску?

– Может быть и сниму. А что снимешь ты? Взамен, Шарлотта?

В голос снова ворвались певучие нотки, в которых разум увязал, как в паутине.

– А что вы хотите?

– Хочу снять с тебя нижнее платье.

Я приподняла брови.

– Не слишком ли за одну маленькую маску?

– Не слишком ли? Секрет твоего долга, – он коснулся моего запястья, – и мое лицо. Выбор за тобой, Шарлотта.

– Я согласна.

Слова сорвались с губ раньше, чем я успела их остановить. Но в самом деле, что мне терять во сне?

– Даже не сомневался, – ответил он.

А потом его ладонь легла на маску, отнимая ее от лица.

Я ожидала увидеть все, что угодно: ожоги на пол-лица или шрам, пересекающий щеку через висок, любое другое уродство, но стоявший напротив меня мужчина был очень привлекателен. Пожалуй, привлекателен чересчур, с таких пишут картины из-за образа, вдохновляющего своими противоречиями. Черты лица правильные, отмеченные свойственной мужчинам жесткостью, высокие скулы и тонкий нос, придающий его облику пугающую хищность. И вместе с тем – удивительно мягкий контур рта и линия подбородка.

– Заклятие долга, – произнес он, – единственное заклятие на крови, которое не считается преступлением. Потому что подчиняющийся ему идет на это добровольно, иначе оно не сработает.

– Заклятие… на крови? – У меня почему-то сел голос.

Я не могла отвести от него взгляда, пытаясь понять, как мой разум умудрился столь точно, столь четко воссоздать образ, которого никогда не было перед глазами.

– Самые жестокие. И самые нерушимые. – Он коснулся затянутой в перчатку рукой губ, глядя поверх нее на меня. – Во времена расцвета цивилизации армалов сильнейшие маги отделились ото всех и ушли с материка, чтобы взрастить новую расу, могущественную и непобедимую. Они называли себя мааджари, в их обществе не было места для слабых магов или для тех, кто магией не наделен. Их силе никто не мог противостоять: ни в древности, ни тем более в наши дни. Лишь крупицы их знаний, ничтожно малые и все же смертельно опасные, так или иначе просачивались в мир. В цивилизацию армалов. В Темные времена. В Эпоху Расцвета.

Было в его облике что-то странное: обладая столь яркой внешностью, он оставался в тени. Несмотря на то, что свет артефакта скользил по светло-каштановым волосам, играя в них серебром. Как теплый свет может откликаться серебром? Присмотревшись, я поняла, что это не свет: серебряная прядь. Серебро в его волосах смотрелось так же противоестественно, как холодный взгляд. Холодный и темный.

– Твой долг, милая Шарлотта, будет оплачен, когда ты исполнишь оговоренное условие, и ни днем раньше. Расторгнуть такой договор нельзя, чем сильнее ты будешь ему сопротивляться, тем больнее будет жалить заклятие. Совсем как заклятие верности, оно же «Змея».

Подавила желание подскочить. Змей я боялась с детства, но… откуда здесь взяться змее, правда?

– И что же случится, если я решу отказаться от выплаты?

– Ты умрешь.

– Вы шутите?

– Ничуть. – Удивительно мягкий голос для таких ледяных интонаций. – Я исполнил свою часть сделки. Твоя очередь.

Если я правильно его поняла, мне даже раздеваться не придется. Достаточно отвернуться, стянуть верх и выпутаться из сорочки. Будет сложно, но я попробую. Пальцы потянулись к пуговкам на платье, но трость отвела мою руку.

– В чем дело? Вы передумали? – я приподняла брови.

– Тебя раздену я.

– Мы так не договаривались.

– Неужели? Я сказал, что хочу снять с тебя нижнее платье.

– Но…

– Сам.

К щекам снова прилила кровь. Было в этом что-то ненормальное, но от того, как он на меня смотрел: от голода в его глазах, от короткого приказного: «Сам», – дыхание участилось. Особенно когда он медленно стянул перчатки, сначала одну, затем вторую. И так же медленно отложил в сторону, придавив тростью. Набалдашник негромко звякнул о кольца артефакта, а Орман протянул мне руку.

Прикосновение заставило вздрогнуть: оно было слишком живым для сна. Настолько живым, что от касания пальцев по телу побежало тепло. Замерев под его взглядом, на миг утратила дар речи. Особенно когда он развернул меня к столу, оказавшись за моей спиной.

– Тело запоминает ощущения, – произнес он, легко сжимая мои плечи поверх платья. – А мы воспроизводим их во снах. Тепло дерева или прохладный шершавый камень… – Пуговицы выскальзывали из петель одна за другой. Когда Орман коснулся ямочки между ключицами, я вздрогнула. – Горячая ладонь…

По груди скользнула прохлада, ладони на обнаженных плечах показались не просто горячими – обжигающими. Кожа под его пальцами горела, становясь отчаянно, невероятно чувствительной. Рукава поползли вниз, и он повторил это легкое скольжение: от локтей к запястьям, на одном из который дремало заклятие долга. Настолько откровенно, что я едва успела опомниться и поймать платье, которое не упало лишь чудом.

– Жало иглы или ожог плети…

Его руки снова скользнули наверх, к плечам, и я вздрогнула, прижимая расстегнутое платье к груди. Почему-то ужасающе-ярко представила, как его ладонь обхватывает рукоятку плети, и от замаха до удара (за долю секунды до обжигающе-острого всплеска) перед глазами темнеет от страха.

Меня наказывали розгами, и это было жутко, отвратительно, стыдно и больно. Так больно, что ссадины на запястьях не давали заснуть по ночам. Я складывала горящие руки так, чтобы не касаться покрывал или подушки, но они все равно саднили.

– Розги – бессмысленная мерзость, – хмыкнул он, медленно стягивая бретели нижнего платья. От ласкающего движения кружева по коже становилось нечем дышать. Так же, как от опасной близости за спиной. – Тому, кто ими пользуется, надо отрывать руки или совать их в кипяток.

Мир перед глазами зашатался от будничности брошенной им фразы.

– Руки? – зачем-то уточнила я.

Вместо ответа Орман потянул сорочку вниз, плотно прижимая ее к телу и не позволяя свободно соскользнуть. Дюйм за дюймом все больше открывая грудь. Он почти меня не касался, просто протягивал ткань по коже невыносимо-медленной лаской.

– Отпусти платье, Шарлотта.

Это был приказ, и руки разжались сами собой. Тихий шорох, и я вцепилась в собравшуюся на бедрах ткань, чтобы удержать хотя бы что-то. Перед глазами стояли трость, перчатки и артефакт, рассыпающий яркий свет. Настолько яркий, что мне хотелось зажмуриться. Зажмуриться, чтобы не видеть, как кружево оборки тянется вниз, как скользит по напряженным соскам, задевая их плотной шершавой резинкой. Прикосновение вышло настолько ярким, что я охнула и ухватилась за край стола.

Лакированная поверхность и впрямь была теплой, я чувствовала ее подушечками пальцев. Всевидящий, я сейчас чувствовала так остро, что по телу шла дрожь. Закусив губу, чтобы не застонать, попыталась выпрямиться, но он не позволил. Чуть подался вперед, плотнее прижимая меня к краю.

– Невероятно чувственная девочка. – Хриплый голос стелился невидимым покрывалом.

Сорочка потекла еще ниже, и от прикосновения горячих рук к бедрам тело пронзила странная судорога. Всхлипнула, испуганно дернулась, и… проснулась на лежащих передо мной «Заклинаниях». Место, где Орман оставил трость и перчатки, разумеется, пустовало. Раскрытыми ладонями оттолкнулась от стола, вскочила. Сердце колотилось так, что дышать было трудно, низ живота наливался сладкой, томительной тяжестью.

– Шарлотта! Шарлотта, ты еще здесь?

О-о-оооо-й-й!

Так быстро, рискуя запутаться в платье и свернуть себе шею, я никогда по лестницам не лазила. Только запихнув «Заклинания» вместе с

«Основами» на нужное место, обнаружила, что томик Миллес Даскер валяется на полу. Должно быть, зацепила локтем, когда спала.

Нет… нет, нет.

– Шарлотта!

Быстро сунула роман в ридикюль, плюхнулась на стул, выпрямилась и подтянула к себе книгу, которую мне дала леди Ребекка. Вовремя: она как раз вошла в библиотеку и наградила меня строгим взглядом.

– Прошло уже два часа. Я решила, что ты ушла, не прощаясь.

– Что вы, разве я могла так поступить? – поспешно вскочила, подхватив книгу, и артефакт погас. К счастью, потому что щеки у меня пылали. – Просто нужно было основательно подготовиться. Я же совсем ничего в магии не понимаю. Зато теперь граф будет доволен!

Выразительно похлопала ресницами.

– Что ж, чудно. Оливер вернется с минуты на минуту, – леди Ребекка нахмурилась. – Не прижимай к себе книжку, будь так любезна.

– Ой.

Я поняла, что и впрямь вцепилась в фолиант. Прижимая к груди так яростно, словно он мог унять бешено бьющееся сердце и погасить пламя охватившего меня смятения. Осторожно вернула книгу на стол, а леди Ребекка раскрыла медальон-артефакт, который носила с собой по дому. Это изобретение заменило обычные колокольчики, с помощью него можно было приглашать слуг. Для приглашения дворецкого нужно было прикоснуться один раз, горничных – два, и так далее. У слуг находились связанные артефакты, с помощью которых они узнавали, куда нужно подойти.

– Джон тебя проводит, – распорядилась виконтесса и кивнула в сторону двери.

Надежда на то, что удастся вернуть «Сладкую горечь свободы» на место таяла на глазах.

Особенно когда дверь открылась, и в кабинет заглянул дворецкий Фейберов: высокий, лысеющий и тощий, как захиревшая туанэйская сосна.

– Джон, проводи мисс Шарлотту, будь так любезен, – это прозвучало очень мягко. – Доброго вечера, Шарлотта.

– Доброго вечера, леди Ребекка. Поцелуйте за меня Миралинду.

– Непременно, – последовал ответ.

На том и распрощались. Как-то резко, рвано и слишком скоро, но сейчас я была искренне этому рада.

Пауль Орман

Прядь волос под пальцами раскалилась, как медная проволока в огне. Прядь волос и крохотная капелька ее крови, сохраненная магией – пропуск в мир ее снов. Магия гааркирт, позволяющая входить во сны любого: не просто входить, выстраивать их по своему желанию, создавать сюжеты и образы из воспоминаний спящего или собственных фантазий.

Окутанное туманом сознание понемногу прояснялось, возвращая в реальность, заставляя сжать зубы и сдавленно выдохнуть. Он ведь не собирался к ней приходить. Изначально – не собирался, но картина превратилась в навязчивый образ, и впервые за долгое время на смену привычному явился другой. Уводящий за грань реальности, из центра Лигенбурга – на окраину. Туда, где траурной лентой блестит река, где звезд не видно из-за тянущегося над домами дыма. И выше, к закрытой на хлипкую цепочку и старенький энгерийский замок каморке.

Девчонка не шла у него из головы. Маленькая мисс-сама-невинность Шарлотта Руа. С расплавленной медью волос и глазами цвета разбавленного молоком горячего шоколада, что подают в лучших ресторанах Ольвижа. С кожей, не уступающей лепесткам аламьены, застилающей поля Лавуа.

Лавуа, Ларне.

От воспоминаний накатило раздражение. Раздражение, которое он привык гасить на подходе, равно как и любое другое чувство, пытающееся прорваться сквозь полное, осознанное безразличие. Сильные чувства способны разрушить все, к чему он шел долгие годы. Все, что он выстроил вокруг себя, и его самого – тоже.

Древняя магия билась внутри, как мотылек под стеклом, шелк локона щекотал ладонь. Ладонь, которая еще помнила тепло ее кожи таким, каким оно могло бы быть наяву. Долгие годы он не прикасался ни к кому так, как сегодня прикасался к ней. Даже во сне.

Тихий вздох.

Женщина, стоявшая в центре комнаты на коленях, едва заметно повернула голову. Думала, что не заметит? Он сразу и не заметил, погруженный в поволоку сна и мысли о том, как впервые увидел Шарлотту спящей в мансарде. Представлять разметавшиеся по подушкам рыжие волосы было непривычно, но он не мог избавиться от этой картины. Так же, как от ощущения белоснежной кожи под пальцами. Призрачное прикосновение сквозь туман оставило отпечаток, который до сих пор не удалось стереть. Эта тонкая кожа и легкий запах жасминового мыла…

Так непохожий на яркие дорогие духи той, что не сводила с него глаз.

– Разве я разрешал на меня смотреть?

– Нет, Пауль. – Из-под приглушенной покорности пробивалось легкое возбуждение. Она даже этого не скрывала: глаза сверкали, с приоткрытых губ срывались тихие выдохи, грудь тяжело вздымалась. Пламя волос струилось по связанным за спиной рукам, подчеркивало кружево короткого нижнего платья, надетого поверх корсета. Помимо них и тонких чулок на женщине не было ничего, но ее это явно не смущало.

– Ты же знаешь, что сейчас будет?

– Да.

– Да, Пауль.

Поморщился: ставшее уже давно привычным имя неприятно резануло слух.

– До кровати, – отрывисто приказал он. – На коленях.

Одеть бы так Шарлотту, и посмотреть, как ее щеки заливает румянец. Энгерийское воспитание женщин зачастую приводило к печальным последствиям. Они выходили замуж, но чувственные удовольствия для них оставалось чем-то постыдным. Тем, о чем не принято говорить вслух и от чего не пристало получать наслаждение, но Шарлотта была невероятно, безумно чувственной.

Он помнил ее сверкающий взгляд и гнев, которым она окатила его в коридоре.

«Легко оскорблять, скрываясь под маской, правда?»

Смазливое невинное личико и пухлые губы, которые так и манили их попробовать. Во всех смыслах.

Вряд ли Вудворд стал бы держать при себе девчонку, которая ничего не умеет.

Мысль об этом полыхнула такой яростью, что пальцы с силой сжались на набалдашнике. Поднялся, опираясь о трость, глядя на покорно застывшую у кушетки в изножье кровати женщину. Женщину, готовую на все. Здесь и сейчас.

Изумрудная молния сорвалась с пальцев, с шипением вспорола веревку, и она сползла на босые ступни.

– Собери волосы, – приказал он, и она послушно раскрыла ладонь, поднимая тяжелые пряди одну за другой.

Эти шпильки он вытаскивал сам, бросая к ногам и заставляя ее собирать их губами. Сколько их было таких, готовых на все. Отдающихся за деньги и просто так, сгорающих от желания, фальшивого или искреннего. Он давно перестал получать удовольствие от продажной любви, а впрочем, и от истинной тоже. Тогда почему перед глазами стоят

рыжие волосы (не этот яркий огонь, цвет раскаленной меди) которые так хочется сгрести в горсть, потянуть на себя, срывая болезненный стон?

Потому что она выглядела слишком невинно. Во сне люди удивительно откровенны и честны, в первую очередь с собой. Когда человек засыпает, даже самый ангельский образ уступает место истинному лицу, но даже спящая Шарлотта выглядела отчаянно-чистой. Именно поэтому ее хотелось разрушить, сделать одной из многих, всего лишь безликой подписью в уголке картины.

Девушкой в цепях.

10

Сама не знаю, зачем я кусала губы. То ли потому, что привычка от Лины прицепилась, то ли потому, что… не знаю, мне хотелось быть чуть ярче на открытии выставки, где будет представлена «Девушка».

– У меня все получится, – сказала я мисс Дженни, которая запрыгнула на тахту и свернулась клубочком в квадрате солнечного света.

Кошка мурлыкнула, соглашаясь, а я еще раз окинула себя в зеркале придирчивым взглядом. Платье было то самое, в котором я ходила на встречу с мистером Ваттингом, волосы стянула в хвост. Вообще-то вчера я задумалась о том, чтобы сделать настоящую высокую прическу, как леди, но на одиннадцатой выпавшей шпильке сломалась и решила, что пойду как обычно. То есть с плотно перетянутыми ленточкой волосами. Этого было достаточно, чтобы они не лезли в лицо, и довольно симпатично смотрелось, особенно если чуть оставить напуск. Ну и парой завитков оживить образ.

Из дома выходила со слегка подрагивающими руками. Мысль о том, что я не только увижу «Девушку» на выставке, но и познакомлюсь с другими художниками, услышу мнение критиков и искусствоведов, заставляла сердце колотиться все сильнее.

Наверное, последний раз я так волновалась, когда шла на собеседование к графу Вудворду. Несмотря на то, что у меня были рекомендации от гувернантки и сопроводительное письмо от леди Ребекки (какие еще могут быть рекомендации у той, кто впервые идет искать место), мне было волнительно до одури.

Во-первых, я прекрасно понимала, что не могу дольше злоупотреблять добротой женщины, которая и без того посвятила мне безумно много времени. Во-вторых, мне отчаянно хотелось свободы – не призрачно-эфемерной, когда отгороженная дверью своей спальни от остального дома я

могла предаваться мечтам, а настоящей. Когда я смогу сама распоряжаться своей жизнью, сама решать, как мне быть, и сидеть с ногами на подоконнике, глядя на темную ленту Бельты и сияющую огнями столицу.

Тогда я здорово переволновалась и чуть не хлопнулась в обморок, но не из-за беспокойства, а потому что забыла поесть. Впрочем, все прошло чудесно: на рекомендательные письма граф едва взглянул и сказал, что у меня есть два месяца, чтобы себя зарекомендовать.

Тогда все получилось, и сегодня все получится.

Обязательно!

С этой мыслью я спускалась по старой скрипучей лестнице, на которой еще спали двое рабочих. От них несло потом, стружками и перегаром. Стараясь не задеть мужчин, осторожненько скользнула вниз, распахнула дверь и вышла на залитую солнцем улицу. Это вообще была не в пример теплая для Лигенбурга поздняя осень. В местах, где мы жили с леди Ребеккой до ее замужества, такое было в порядке вещей. В столице же всегда холодало раньше, а снег с дождем сменялся туманами и промозглым ветром. Удивительно, но сегодня даже ветра не было.

До остановки омнибуса было всего-ничего, но я зашагала в сторону реки, на дальнюю – чтобы успеть втиснуться до того, как начнется давка. Если совсем повезет, возможно, даже получится сесть, и меня не сомнут, как завалявшуюся в бумаге галету.

Сесть удалось, причем у окна, и я разглядывала сверкающий на солнце свинец реки. Дорога уходила под гору, в такие дни отсюда было хорошо видно противоположный берег: купол Миланейского собора, самого красивого собора Лигенбурга, ухоженные домики, и все пестроцветье бурлящего центра. За спиной остался прибрежный район, набережная и Новый город.

Так называется место, где живу я. Когда-нибудь, когда закончится стройка, здесь будет очень красиво. Здесь даже улицы не в пример широкие, не то что в центре. А пока что главное ходить осторожно и оглядываться, особенно мимо строительных штабелей, с которых постоянно что-то падает.

Иногда под ноги, иногда на голову.

На подходах к музею у меня пересохли губы, и я снова принялась их кусать. На этот раз сердце в груди устроило самую настоящую кантрель.

Надеюсь, Ормана не будет на открытии. Если верить Лине, он редко появляется на публике.

А если будет?

Эта мысль заставила еще раз остановиться перед служебным входом и

пригладить волосы. А заодно посмотреться в зеркальце, которое достала из ридикюля. Глаза у меня были каждый размером с антал. Причем не с современный, а со старинный, которые в диаметре раза в два больше.

– Буду вести себя, словно ничего не случилось, – пообещала себе.

Пусть даже я ничего не нашла про магическую закорючку на запястье (ненормальный сон, о котором я отказывалась думать – не в счет!), пусть даже я по-прежнему ему должна… так, об этом сейчас лучше не думать. Об этом вообще лучше не думать!

С этими мыслями я шагнула в двери: сегодня здесь было не в пример многолюдно. В небольшом холле, который когда-то служил черным ходом, гудели голоса. Двое мужчин принимали у собравшихся пальто и шляпы, стоявший у конторки высокий бородач с бакенбардами бросил на меня быстрый взгляд.

– Мисс, вы, должно быть, ошиблись, – со снисходительной улыбкой произнес он. – Вход в музей с другой стороны, выставка откроется через два с половиной часа.

– Для гостей, – ответила я. – Я художница.

Мужчина вскинул брови, а потом заливисто рассмеялся.

– Забавная шутка.

«Это борода у тебя забавная», – подумала я, а вслух сказала, достаточно громко:

– Это не шутка. Мой сюжет представлен на выставке.

После этих слов в холле воцарилась тишина. Первым ко мне повернулся солидный мужчина, держащий в руках увесистую папку, за ним молодой человек, с которым он разговаривал. Взгляды обращались на меня один за другим, цеплялись за шляпку и ридикюль, скользили по волосам: недоуменные, изумленные, сомневающиеся.

– Женщина?! – раздался чей-то возглас.

Словно вместо меня в холл вбежала цирковая обезьянка в панталонах.

– Господа! Господа, прошу внимания! – Нас вышел встречать мистер Ваттинг. – Сейчас мы все пройдем в синюю гостиную для знакомства, где нам подадут чай. После чего перейдем в главный зал для предварительного разбора и обсуждения сюжетов.

– Мистер Ваттинг, здесь какое-то недоразумение. – Бородач оторвался от стойки, взглядом указывая на недоразумение, то есть на меня. – Мисс утверждает, что она выставляется…

– Это правда. – Кислым голосом директора музея можно было заквасить пару бочек капусты. – Мисс Руа сегодня выставляется, ее картину вы сможете увидеть на экспозиции.

После этого заявления взгляды стали откровенно колючими, особенно когда у меня приняли пальто и шляпку. Напряженная тишина давила на плечи, поэтому я их расправила и вскинула голову. Обвела взглядом присутствующих, среди которых затянулась немая сцена, и поинтересовалась:

– Может быть, уже пойдем? Очень хочется чаю.

В россыпи работ, глядевших со стен или установленных на мольбертах, я видела только ее. «Девушка» застыла прямо напротив меня, в центральной части экспозиции. Холст одели в раму, о которой я могла только мечтать: старинную, тяжелую, изъеденную зеленью меди без примеси позолоты. Я скользила по ней взглядом, повторяя каждый завиток. А что мне еще осталось делать?

К «Девушке» так никто и не подошел, со мной никто не горел желанием пообщаться. Многие художники были знакомы между собой, а мистер Ваттинг не горел желанием давать мне рекомендации. Он вообще не горел желанием видеть меня здесь, и за чаем ясно дал это понять. Всем. Искусствоведы обходили картину стороной, задерживаясь разве что для того, чтобы посмотреть полотна справа и слева, бросая на меня взгляды, исполненные скепсиса. Я же с ужасом думала о той минуте, когда выставка распахнет объятия для всех, и в открытые двери Музея искусств хлынут толпы людей.

Ирвин, Лина, Эби… Леди Ребекка и Миралинда.

Сейчас я уже сомневалась в том, что правильно поступила, оставив им пригласительные. Каждый равнодушный взгляд впивался в сердце кинжалом, каждое молчание заставляло сильнее сжимать холодеющие руки на ридикюле. Особенно когда у других полотен искусствоведы собирались группами, вступая в жаркие диспуты. От того, чтобы позорно разреветься или сбежать, останавливало только чувство собственного достоинства, а еще картина за моей спиной.

«Девушка» помогла мне перешагнуть через все свои страхи, решиться на нечто большее, чем лавочка на рынке, куда я относила свои работы, но она… оказалась никому не нужна.

Никому не нужна.

Наверное, это страх любого художника, разъедающий сердце и душу сильнее любого другого. Мой учитель, мастер Викс, говорил, что творчество заканчивается там, где начинается соревнование и зависть. Тогда я не понимала, о чем он говорит, но сейчас… Сейчас вдруг отчетливо осознала, как же мне хочется, чтобы рядом с моей картиной останавливались, спорили, выносили суждения. Пусть даже не всегда

положительные.

Чтобы справиться с охватившим меня отчаянием, я решила прогуляться по залу.

Сцепив руки за спиной, переходила от одной картины к другой, пока не остановилась у зимнего сюжета. Пара стояла на мосту, над замерзающей речкой в объятиях заснеженных берегов. Удивительно уютный сюжет: мужчина держал девушку за руку, а она смущенно улыбалась. На кованых перилах устроилась красногрудая птичка с длинным хвостом. Кляксы снега, падающего с ветвей, украшали столбики и неровными погонами легли на пальто мужчины.

Напоминание о погонах пришлось очень некстати.

Ирвин…

Что он скажет, когда увидит «Девушку»?

– Поразительно нелепая техника, – донеслось из-за спины.

Обернулась на стоявших рядом мужчин. Один из них потирал гладковыбритый подбородок.

– Да, мазки неровные и краски разложены слишком просто, – заметил второй. Тот бородач, который назвал меня недоразумением. – Наверняка самоучка.

– Главный недостаток таких вот выставок – что на них лезут все, кому не лень. Пару раз мазнут кистью, и уже называют себя живописцами.

– Он же совсем не видит перспективу…

– Да, я в свое время несколько лет работал над одной картиной, доводя ее до совершенства, чтобы представить обществу. А это… сколько на нее времени потрачено? Месяца три?

– По-моему главное, что она вызывает чувства, – заметила я.

– А вы, мисс, наверняка можете указать на все достоинства и недочеты работы, о которой мы говорим? – В голосе мужчины сквозила откровенная неприязнь.

– Недочеты не имеют значения, – ответила я. – А из достоинств – мне хочется там оказаться, на этом мосту. Смахнуть снег со столбика и посмотреть на подернутую снежной каймой реку. Кстати, портрет Элены Суэнской Варго Лестрен закончил за полтора месяца. И это самое известное его полотно.

Элена Суэнская долгое время была эталоном красоты, а Варго Лестрен, писавший в Эпоху Расцвета, по праву считается одним из самых выдающихся художников на все времена.

Оставив ценителей искусства наедине друг с другом и собственными мыслями, пошла дальше. Главный зал, где сейчас проходила выставка,

раньше, очевидно, был бальным. Высокие арочные окна в три этажа, широкие лестницы – одна уводящая в холл, другая в дом, точнее, теперь уже в музей. Был здесь выход и в летний сад, сейчас его задрапировали портьерами. Собственно, именно он делил зал на две части, определяя центр экспозиции. Именно там и располагалась «Девушка».

Свет падал таким образом, что темная сторона картины оставалась в тени. Тем отчетливее выделялся переход в яркие краски. Я вдруг подумала о том, что нужно очень хорошо знать расположение зала, чтобы достичь такого удивительного эффекта: картина будто оживала благодаря какой-то удивительной магии. Но никакой магии, разумеется, здесь не было. Только игра света и тени.

– Ужасно. Говорите, это нарисовала она?

Слова за спиной заставили похолодеть. Не из-за пренебрежительных интонаций. Просто потому что…

«Неужели это нарисовала она?»

Шаги мужчин, что прошли мимо, разносились по залу, отражались от стен и гасли среди голосов коллег. Я обернулась, чтобы убедиться, что ощущения меня не обманывают, и они не обманывали: бал Вудвордов, который мне приснился, проходил именно здесь. В этом самом зале, разве что украшенном по-другому, и «Девушка» располагалась в точности так же, как сейчас. Замерев на месте, где закончился наш с Ирвином танец, я смотрела на картину широко распахнутыми глазами.

Прежде чем осознание накрыло меня с головой, голос распорядителя вспорол тишину:

– Господа! Прошу внимания! Через несколько минут выставка будет открыта!

11

Вот теперь я была близка к тому, чтобы хлопнуться в обморок, но почему-то не хлопалось. В зале началась суета, напоминающая подготовку к приему гостей в доме виконта Фейбера: когда все идеально, но нужно сделать еще идеальнее. Художники поправляли холсты, приосанивались и напускали на себя небрежный, безразличный вид. Я же обхватила себя руками, глядя на «Девушку» и пытаясь понять, как мне могло присниться такое точное расположение картины. Несомненно, мы с леди Ребеккой бывали в зале, я слышала про центр экспозиции… вероятно, все дело в этом.

Не прошло и пяти минут, как в зал вошли первые посетители. От волнения у меня вспотели ладони и захотелось провалиться сквозь землю. Наверное, я бы так и поступила, если бы не услышала за спиной голос

Ирвина:

– Поздравляю с вашей первой выставкой, мисс Руа.

Сердце пропустило удар. Я медленно обернулась, и улыбка сбежала с его лица.

– Шарлотта? Что-то случилось?

– Нет, ничего. Просто…

Просто последние несколько дней я мечтала о том, чтобы он пришел, но сейчас было страшно, как никогда раньше.

– Я очень волнуюсь.

Ирвин улыбнулся и подал мне руку:

– Неудивительно. Я бы на твоем месте вообще спрятался под лестницей.

Представить прячущегося под лестницей Ирвина было сложно несмотря на всю мою фантазию.

– Ты бы там не поместился.

– Это ты так думаешь. Даже не представляешь, на что способен человек, если хочет спрятаться.

Не выдержала и рассмеялась, глядя в лучащиеся весельем глаза. Вот как у него это получается? Минуту назад мне действительно хотелось под лестницу, а сейчас и солнышко стало ярче, и улыбка сама собой расцвела на губах. Сегодня Ирвин был в штатском, и костюм-тройка темно-синего цвета шел ему не меньше, чем форма. Проходящие мимо нас девушки наградили его кокетливыми взглядами, но он, кажется, этого не заметил.

– Серьезно, мисс Руа. Не представляю, как вы вообще на это решились.

Отступать было некуда, я повернулась и указала Ирвину на картину:

– Если бы не она…

Хотела сказать: «Я бы ни за что не решилась», но слова так и не сорвались с губ. Возле «Девушки» собралось несколько человек. Несмотря на то, что народу в зале было еще не так много (чтобы попасть на выставку, нужно было сначала сдать верхнюю одежду в гардероб), к ней подходили. Снова и снова, поодиночке и парами. Девушки, что прошли мимо нас, тоже остановились у моей картины.

– Шарлотта? Это твой сюжет?

Я моргнула, сбрасывая оцепенение.

– Да.

Мгновение, удивительно долгое, он смотрел на «Девушку», а я на него. Ожидая, что в любой момент, как во сне, лицо исказит недоумение и разочарование, но Ирвин повернулся ко мне и удивительно серьезно сказал:

– Пойдем. Я хочу рассмотреть получше.

Он подал мне руку, и я ее приняла. Наверное, в моих даже самых смелых мечтах никогда не было ничего более волшебного: день моей первой выставки, и мы с Ирвином вместе идем по залу. Чем ближе становилось полотно, тем сильнее колотилось сердце. Мы остановились чуть поодаль, он внимательно смотрел на «Девушку», и я тоже. Рука, лежавшая поверх его, даже почти не подрагивала.

– Лотти! Лотти, как я рада тебя видеть! – Голос Лины донесся откуда-то сбоку, я даже не успела повернуться, когда подруга налетела ураганом. Этим же ураганом меня не отнесло в сторону исключительно потому, что Ирвин поддержал. Ураганом, а еще осознанием того, как Лина себя ведет. Впрочем, последнее сразу же прояснилось (обнимая меня, подруга быстро прошептала на ухо): – Прости, что так громко. Папенька навязал мне ее в сопровождение, а ее это бесит.

Кого – ее, стало понятно, когда я встретилась взглядом с графиней. Она смотрела на Лину так, словно не прочь была хорошенько отхлестать по щекам. Впрочем, когда перевела взгляд на меня, он существенно не изменился.

– Леди, позвольте представиться. Лорд Ирвин Лэйн. – Прежде чем неловкая ситуация переросла бы в катастрофу, Ирвин слегка склонил голову. Тут уже спохватилась я и поспешно завершила знакомство:

– Леди Айрин Фейт, графиня Вудворд, леди Эвелина Фейт, старшая дочь графа, – я улыбнулась. – Лорд Ирвин Лэйн, старший сын лорда Фейбера.

– Приятно познакомиться, графиня. Леди Эвелина. – Он поцеловал руку сначала графине, а затем – Лине.

– Взаимно, милорд, – графиня склонила голову. – Я помню вас по давнему сезону. Но кажется, в тот год мы не были представлены.

– Не были, а после мне пришлось уехать. К счастью, сейчас представилась отличная возможность это исправить.

– Мы здесь ненадолго. Моя падчерица очень хотела побывать на выставке.

– В таком случае не будем терять время. – Ирвин чуть отступил в сторону и вопросительно посмотрел на меня.

– Экспозиция начинается с правой стороны, – пояснила, и мы направились к лестнице. От меня не укрылось, что моей руки он не отпустил. Напротив, накрыл ее своей, давая понять, что мы вместе. Лина больно ущипнула меня за руку и показала глазами на Ирвина. Я недоуменно приподняла брови, но графиня наградила нас пристальным

взглядом, и подруга сделала вид, что увлечена лепниной орнамента на стенах.

– Хм… современное искусство – это нечто непостижимое, – пробормотала графиня, когда мы остановились у одного полотна.

На картине был изображен мобиль, балансирующий на пике горы. Над ним проплывала маленькая тучка, и мне вдруг стало смешно. Я плотно сжала губы, но смех все равно рвался наружу. Украдкой взглянула на Ирвина: он тоже улыбался, и мне захотелось спросить, о чем он думает. Графиня неодобрительно на меня посмотрела, но к счастью, мы уже двинулись дальше, к летнему пейзажу, раскрывавшему зной во всей красе.

– Красиво, – отметила Лина.

– На мой взгляд, чересчур аляповато, – приподняла брови ее мачеха.

– Иначе не получится передать жару, – заметила я.

За что заработала очередной неприязненный взгляд, но даже его не почувствовала. Точнее, почувствовала, но как-то… легко что ли. Несмотря на то, что «Девушка» становилась все ближе, мне больше не было страшно. Под сильной уверенной ладонью Ирвина пальцы совсем перестали дрожать, а разговор он поддерживал с той же небрежностью, с которой в самом начале спас Лину от неминуемой расправы.

– И как же вы здесь оказались, милорд?

– Первая выставка Шарлотты… Разве я мог такое пропустить?

Если он мог сделать меня еще более счастливой, он только что это сделал.

– Ох, да. Помню, Эвелина говорила об этом. Ну а где же твоя картина, Шарлотта? – спросила графиня: видимо, чтобы поддержать разговор.

Искусство интересовало ее еще меньше нашего общества.

– Она…

– Поверить не могу! – Голос леди Вудворд сорвался. Стал высоким и неприязненным.

Я удивленно проследила ее взгляд, чтобы наткнуться на невысокую рыжеволосую красавицу. Мы с графиней тоже были рыжими, но у женщины волосы просто полыхали, как огонь. Яркая, настолько выделяющаяся из толпы, что не обратить на нее внимание было попросту невозможно, она стояла напротив «Девушки», и люди вокруг расступились. Несмотря на достаточно пышные формы, она напоминала коллекционную фарфоровую куколку. Бледно-сиреневое платье облегало фигуру, подчеркивая плавную линию плеч, а профиль… м-м-м-м… за такой профиль любой художник удавится!

– Кто это? – спросила я, не в силах отвести от нее глаз.

– Ее светлость Луиза Биго, герцогиня де Мортен. – Ирвин улыбнулся: похоже, причину моего восторга он понял сразу.

– Ее светлость, – хмыкнула графиня, – в свое время играла в очень откровенной постановке безобразного содержания.

– Разве откровенность может быть безобразной? – Слова сорвались с языка раньше, чем я успела их поймать.

Лина сделала большие глаза, графиня потемнела лицом. И в довершение всего из-за спины донесся знакомый жесткий голос:

– Вы совершенно правы, мисс Руа. Не может.

Ой, нет! Нет, пожалуйста, нет! Только не сейчас.

Не сейчас, когда я с Ирвином, Линой, и…

– Прошу нас извинить, – сухо произнесла графиня, – Эвелина.

Уже без Лины.

Подруга надула губы, но вздернула подбородок и последовала за ней. Я растерянно смотрела им вслед, всей кожей ощущая пристальный взгляд Ормана: наверное, даже во сне он меня не раздевал столь откровенно.

– Мы знакомы? – Ирвин нахмурился.

– С вашей очаровательной спутницей – да.

– Сделайте милость, уйдите! – этот шипящий голос, оказывается, принадлежал мне.

Сама не представляла, что так умею, Ирвин, кажется тоже. Сосредоточенное выражение на его лице на миг сменило недоумение. А вот Ормана, похоже, позабавило: по крайней мере, насмешка в его голосе была слишком явной:

– Поговорим позже, мисс Руа. – Он обошел нас, как мог бы обойти возникший на его пути мольберт, и направился куда-то… Надеюсь, что очень далеко!

– Кто он такой, Шарлотта?

Гад, каких еще поискать надо. Сволочь! Мерзавец! Шантажист!

– Меценат. – Метка на запястье ужалила кожу, и я неосознанным, ставшим уже привычным в последнее время, движением подтянула рукав. Меня слегка трясло, но к счастью, Орман действительно соизволил оставить нас в покое. – Благодаря ему все эти картины представлены здесь, и моя тоже.

Взгляд Ирвина немного смягчился.

– Вы действительно с ним знакомы?

– Да, нас представил директор музея. – Я сделала вид, что рассматриваю узор на перчатке.

– Почему ты попросила его уйти?

Потому что видеть его не могу!

– Он тебя чем-то обидел, Шарлотта? – Ирвин внимательно посмотрел на меня.

– Нет. Вовсе нет. Почему ты так думаешь?

– Просто это на тебя не похоже. Я никогда не видел тебя такой.

– Такой?

– Яростной.

– Должно быть, переволновалась, – я очаровательно улыбнулась и развернулась к картинам. – Ирвин, я сегодня действительно сама не своя.

– Переволновалась? Ты приказала ему уйти.

Я – что?

– Мисс Руа! Мисс Руа!!! – К нам подскочил распорядитель: высокий худощавый мужчина с пышными усами. Взволнованный и, кажется, даже чуточку вспотевший, потому что сейчас судорожно промокнул лоб платочком. – С вами хотят переговорить! Ее светлость!

Раньше такая новость повергла бы меня в шок, заставила врасти в пол, и мужчине на пару с Ирвином пришлось бы тащить меня за собой на буксире. Сейчас же я порадовалась возможности свернуть с неприятной темы. И пусть неприятная тема по-прежнему маячила где-то в зале недалекой перспективой обещанного разговора (принесла же нелегкая, несмотря на нелюбовь к публичности!), сейчас я могла ничего не отвечать Ирвину. Который приподнял брови и ободряюще мне улыбнулся.

Вблизи герцогиня оказалась еще более красивой: крупные черты лица ее ничуть не портили, скорее наоборот. Серые глаза лучились теплом, и даже крохотные морщинки не добавляли ей возраста.

– Мисс Шарлотта Руа, ваша светлость, – пробормотал распорядитель.

– Ваша светлость. – Я опустилась в реверанс, но она тут же коснулась моей руки, позволяя подняться.

– Обойдемся без лишних формальностей. – Голос у нее тоже оказался мягкий и теплый. – Могу я называть вас Шарлоттой?

– Разумеется, – выдохнула я.

Вот что я там говорила про врасти в пол? По-моему, это случилось сейчас.

– Спасибо, мистер Рольд, – герцогиня обратилась к распорядителю. – Оставьте нас наедине, пожалуйста.

Наедине – это было сильно сказано, потому что вокруг картины толпился народ (правда, на почтительном расстоянии), но мужчину сдуло ветром, стоило ей на него взглянуть. На меня ее светлость посмотрела чуть дольше, но ни разу не пристально, не свысока, разве что внимательно. И

кажется, сразу почувствовала мою неловкость, потому что солнечно улыбнулась.

– Шарлотта, пройдемся по залу?

На нас глазели все: начиная от коллег и заканчивая посетителями. Я всей кожей чувствовала прилипающие к ее великолепному, а затем к моему простенькому платью взгляды. Зато герцогиню это ничуточки не смущало.

– У вас потрясающая картина, – произнесла она, скользя взглядом по представленным по правую руку от нее работам.

– Благодарю, ваша светлость.

– Вы ранее где-нибудь выставлялись? – Герцогиня снова посмотрела на меня.

– Нет. Я бы очень этого хотела, но…

– Понимаю. Вы очень смелая девушка.

Второй раз за день меня называли смелой, но если Ирвин сделал это в шутку, то сейчас я даже слегка покраснела.

– Не стоит смущаться, Шарлотта. Чтобы представить такой сюжет на суд мужчин, нужно обладать как минимум решительностью.

Она на миг задумалась, а я неожиданно вспомнила слова леди Вудворд:

«Ее светлость в свое время играла в откровенной постановке безобразного содержания…»

Неужели это правда, и герцогиня была актрисой?!

– Почему вы решили выставлять «Девушку»?

– Я просто хотела, чтобы ее увидели люди, – улыбнулась. – Как можно больше людей. Кому-то она просто понравится, а кого-то, возможно, заставит задуматься…

– О свободе. О том, что женщина способна на многое, – закончила ее светлость и улыбнулась, перехватив мой удивленный взгляд. – Я понимаю, что вы хотели сказать. Думаю, многие в этом зале понимают, но далеко не все решатся на то, чтобы в этом признаться. Себе, не говоря уже о других.

Кажется, она стала первой, кто не спросил меня, что значит «Девушка». Не только не спросила, но и рассказала почти моими словами. Моими мыслями, если можно так выразиться – конечно, слова были немного другие…

– Во сколько вы оцениваете «Девушку»?

– Я не думала об этом, ваша светлость.

Если честно, и правда не думала. Просто не представляла, что могу с ней расстаться.

– Хотя бы примерно.

– Пятьсот анталов.

Сумма, которую я назвала, не имела никакого отношения к реальности. Мои работы на рынке уходили в среднем за пятьдесят-семьдесят фэнтингов, которых в антале сотня. Учитывая, что продавать «Девушку» я не собиралась, не все ли равно.

– Я дам вам за нее две тысячи.

А?..

– Две тысячи анталов, Шарлотта, – повторила герцогиня и лукаво улыбнулась. – Что скажете?

Она что, правда хочет ее купить?

– Сожалею, ваша светлость, но я не могу ее продать.

– Не можете или не хотите?

– Не хочу, – призналась честно. – Это никак не связано с вами, просто… «Девушка» стала частью меня. Когда выставка закончится, я заберу ее домой.

Герцогиня покачала головой. Мы как раз остановились рядом с горкой и тучкой, то есть с мобилем на горке и тучкой. Улыбка на лице ее светлости говорила о том, что она тоже задумалась о чем-то веселом. Например, о том, как мобиль туда попал или как водитель будет оттуда выбираться… хотя для водителя это точно невесело.

Всевидящий, что мне за чушь в голову лезет?

А впрочем, неудивительно. Я, кажется, беседую с герцогиней. И кажется, только что отказалась продать ей картину.

Ой-й-й.

– Что ж, понимаю, – вздохнула она и, наконец, повернулась ко мне. – В таком случае позвольте дать вам совет, Шарлотта.

Я внимательно посмотрела на ее светлость.

– Снимите картину с выставки.

Очарование разговора развеялось, словно его и не было.

– Снять? – тихо переспросила я. – Сегодня?

– Сейчас.

Не понимаю. Она же только что сказала, что «Девушка» ей нравится!

– Шарлотта, ваша картина чудесна, но она не для нашего времени. Не для нашего общества.

– А для какого? – выдохнула я. – Разве это время когда-нибудь придет?

– Когда-нибудь придет обязательно, – ее светлость улыбнулась. – Но не сейчас. Наши с вами современники слишком категоричны и такого не простят.

– Чего именно? Внимания? Успеха?

– Дерзости. Для них это дерзость, Шарлотта. Вы бросаете вызов современным устоям и всем, кто им следует.

– Благодарю за совет, ваша светлость, но картина останется на выставке.

Какое-то время она внимательно смотрела на меня, а после кивнула:

– В таком случае мне остается только пожелать вам удачи. Была очень рада с вами побеседовать, Шарлотта.

– Взаимно, ваша светлость.

Герцогиня развернулась (удивительно плавно, словно в танце), а я снова опустилась в реверанс. Стоило нам разойтись, как внимание тут же переключилось на нее, хотя пару прицепившихся колючками взглядов еще поймала, пока сама пыталась отыскать Ирвина. Он стоял чуть поодаль: заметив, что я освободилась, тут же направился ко мне.

– Шарлотта, у тебя глаза как блюдца.

Хорошо, что не как суповые миски. Такие же бездонные и осмысленные.

– Ее светлость спросила, во сколько я оцениваю картину.

– Она хотела купить «Девушку»?!

– Да.

– А ты…

– Я отказалась.

– И не зря. Она пользуется успехом.

Обернулась: публика и впрямь стекалась к «Девушке». Кто-то отходил, их место тут же занимали другие. Зал наполнялся людьми и голосами, шумом шагов, шелестом платьев, но кажется, ни возле одной картины не задерживались так надолго. Я просто глазам не могла поверить. Столько людей, и все… все смотрят на нее!

Как я могу ее снять?!

И что плохого может случиться, если «Девушку» увидят люди?! Почему она такое сказала? Зачем?

– Она удивительная, – проследив мой взгляд, с улыбкой произнес Ирвин.

Он взял меня под руку, и мы медленно пошли вдоль залы.

– Ты правда так думаешь?

– Вы в чем меня сейчас обвиняете, мисс Шарлотта Руа? В подхалимаже? – Он грозно сдвинул брови, и я легонько стукнула его по руке.

– Ирвин, прекрати! Мне правда важно это знать.

– Она действительно прекрасна. Пока вы разговаривали, у меня было

время рассмотреть получше, и… Шарлотта, она как живая. Понимаю, почему ее светлость хотела ее купить.

Закусила губу.

– Ее светлость просила меня снять картину с выставки.

– Что? – Он даже замедлил шаг. – Почему?

– Сказала, что она может мне навредить.

Ирвин приподнял брови:

– Глупости.

– Ты так считаешь? – с надеждой взглянула на него.

– Да. Вероятно, ее светлость расстроилась после твоего отказа и решила тебя осадить.

Мы как раз остановились у лестницы, и он внимательно посмотрел на меня. Не в силах сдержать улыбку, слегка закусила губу.

– Безумно рада, что ты пришел.

– Я тоже, – серьезно произнес он. – Не хочу с тобой расставаться, Шарлотта.

От столь неожиданного признания слегка загорелись щеки. Возможно, потому, что сейчас он смотрел на меня совсем не как на младшую сестренку или воспитанницу леди Ребекки. Его взгляд скользнул по моему лицу, и мне захотелось поправить выпущенный из прически локон.

Дурацкая привычка!

В ту минуту, когда я об этом подумала, Ирвин дотянулся и заправил прядку мне за ухо. И тут же поспешно убрал руку.

– Зато в воскресенье времени у нас будет предостаточно, – произнес он. – И я наконец-то отдам тебе подарок.

– Подарок?! Ты привез мне подарок?! Из Рихаттии?

– Ни слова больше. Все узнаешь в воскресенье.

– Ирвин! Это нечестно!

В ответ он только заговорщицки улыбнулся и поцеловал мне руки. Сначала одну, затем другую. Я смотрела ему в глаза, как во сне, вот только сейчас хотелось прыгать от счастья. Всевидящий, как мне вообще такое могло присниться? Это не сон, это бред какой-то, дурное наваждение, кошмар! Как и все, что было помимо…

– Очень трогательно, – знакомая насмешка ударила в спину.

Я глубоко вздохнула и медленно обернулась.

Что ни говори, а некоторые кошмары имеют обыкновение оживать.

– Вы что-то хотели? – тон Ирвина стал жестким.

Орман шагнул ближе и остановился напротив него: Ирвин был выше его на голову, но это преимущество терялось под ледяным давящим

взглядом. Затянутая в перчатку рука обманчиво-спокойно сжимала набалдашник трости.

– Всего лишь переговорить с мисс Руа. О нашем деловом соглашении.

Желудок скрутило: совсем как в детстве, под взглядом отца леди Ребекки или гувернантки, что доставала розги.

– Шарлотта? – Ирвин взглянул на меня.

– Все в порядке, – выдавила через силу и даже улыбнулась. Надеюсь, получилось. – Это связано с размещением картины, месье Орман занимается… некоторыми вопросами.

Орман слегка наклонил голову, насмешливо глядя на меня, а Ирвин нехотя отпустил мои руки.

– До встречи в воскресенье, Шарлотта.

– До встречи.

Я смотрела ему вслед, пока он поднимался по лестнице, а после снова повернулась к Орману.

– Вы не могли подождать?

– С какой стати? Мне было скучно.

Последнее он произнес так, словно я была для него развлечением.

– Ценителю искусства стало скучно среди картин?

– Я обошел всю выставку и не нашел здесь ничего интересного. Кроме нее, – он тростью указал на «Девушку», – и, разумеется, вас.

– Может, вам стоить проверить зрение? Здесь множество прекрасных работ.

– Снова дерзите, мисс Руа? Как думаете, захочет он с вами знаться, если узнает о нашем договоре?

Внутри все похолодело.

– Вы этого не сделаете.

– Вы так считаете?

Орман был выше меня на голову: должно быть, из-за этого создавалось чувство, что смотрит он надо мной. Не сквозь, как случалось в разговоре с графом Вудвордом или владельцами художественных галерей, а именно над. Это было странное ощущение, ледяное, как кардонийская сталь, и сам он был как кардонийская сталь при дорогой рукоятке и ножнах. Не нужно было особо присматриваться, чтобы понять, что его одежда стоит целое состояние. От шейного платка, скрепленного булавкой, до начищенных до блеска ботинок.

– Вы дали мне слово.

– Разумеется. Мы договорились, что я напишу вас обнаженной, мисс Руа. Чем с большим удовольствием займусь в самое ближайшее время.

Скажем, в воскресенье.

– Нет! – выдохнула я.

– Нет?

По тонким губам скользнула едва уловимая тень холодной насмешки. Всевидящий, как я вообще могла подумать, что этот мужчина способен на улыбку?! Что он вообще способен на что-то хорошее?!

– В воскресенье, мисс Руа. В двенадцать. Жду вас у себя по этому адресу. – Мне в ладонь лег картонный прямоугольник.

– Только не в воскресенье, – сдавила злосчастную карточку в руке, чувствуя, как бешено колотится сердце. – Вы же слышали, у меня назначена встреча.

– Которую вам придется перенести.

– Назначьте любой другой день, месье Орман, – вскинула голову, с вызовом глядя на него. – В воскресенье я не приду.

– Значит приползете.

От того, как это было сказано, по коже прошел мороз. Прежде чем я успела ответить, он развернулся и направился к лестнице. Прямой, как выхваченная из ножен сталь, и равнодушный ко всему, что осталось за спиной.

Прямой?

Я смотрела на него, не в силах поверить глазам. Орман не только не опирался на трость, скорее, перехватил ее как оружие: большой палец на набалдашнике, остальные сжимают шафт с такой силой, что тот чудом остается цел. Представить этого мужчину сутулящимся или прихрамывающим было решительно невозможно. Равно как и…

Мужчину из моего сна.

12

Я сидела на подоконнике и грызла карандаш. Вредная привычка, за которую меня постоянно стыдили, но сейчас стыдить было некому. Разве что мисс Дженни, и та спала, уютно свернувшись клубочком на тахте. А я рисовала. Рисовала несмотря на то, что было уже далеко за полночь – с выставки вернулась поздно. Рисовала, подтащив поближе лампу-артефакт (на нее уходила приличная часть жалованья, но художнице без такой лампы никуда). Рисовала, вытягивая образ из глубин сознания по чертам.

Хищный разлет бровей и жесткий взгляд светлых глаз, прямой нос, мягкая линия подбородка и красиво очерченный контур губ. Серебристая прядь, словно иней впитался в волосы (почему-то мне казалось, что это важно). Закончив, подтянула набросок, который сделала раньше, соединила два листа вместе и поднесла к свету.

Они не были похожи.

Даже близко не были, резкость Ормана не вязалась с красотой мужчины на втором наброске. Красотой бесспорной, пусть и жесткой. Хотя кое-что общее у них все-таки было: взгляд. В глубине светло-серых глаз не то плескался туман, не то стягивалось тучами грозовое небо. Мертвое, как на темной стороне полотна.

И что это доказывает?

Только то, что я схожу с ума. Или то, что Орман играет со мной во снах через заклятие долга. Так, кажется, он его называл? Подтянув рукав, рассматривала «долговую расписку». Может ли узор проводить меня в его сны, или его в мои? Дурацкая мысль засела в сознании, и никак не хотела его покидать. Дурацкая, но откуда тогда это странное ощущение реалистичности? Эти откровенные бессовестные сюжеты? Он говорил, что я пытаюсь управлять снами, но если снами можно управлять, что мешает ему делать это со мной? С помощью магии, ведь началось это именно после того, как он поставил мне метку.

И что мешает попробовать мне?

Чувствуя себя донельзя глупо, я покосилась на кровать. Вздохнула и потерла холодные руки друг о друга. Я что, действительно собираюсь это сделать? Заснуть и во сне попытаться найти Ормана? Заставить его все рассказать?

М-да.

– Мисс Дженни, твоя соседка сошла с ума, – доверительно сообщила я.

Кошка мурлыкнула и потянулась, явно намекая на то, что кому-то пора спать. В частности, мне, и не мешать делать это ей. В общем-то, наши мысли совпадали, вот только мисс Дженни не могла мне помочь в том, к чему я готовилась. Если это вообще возможно.

Переодевшись ко сну, завернулась в покрывала и закрыла глаза.

Ладно. Ну и как это делается?

Мне нужно представлять что-то, или думать о чем-то? Например, о метке или об Ормане? Положила руку на запястье, где дремал узор. Коснулась пальцами кожи: по ощущениям он напоминал старенький, едва различимый шрам. Разве что шрам не мог быть таким горячим.

«Сон, – напомнила себе. – И Орман».

Проще всего зацепиться за последние ощущения, поэтому мысленно снова перенеслась в залу. Бурлящую от людских голосов, шагов, шороха юбок. Перед глазами снова замелькали образы, но я сосредоточилась на «Девушке». И на Ормане, стоящем рядом со мной.

«В воскресенье, мисс Руа. В двенадцать».

Ну и где гарантия, что во сне я окажусь там, где нужно?

Стараясь дышать глубоко и ровно, мысленно считала мелькающие перед глазами платья. Одно, другое, третье, четвертое… Спать и правда хотелось, поэтому цвета в воспоминаниях становились все более тусклыми. Краски меркли, в воцарившейся тишине было слышно только негромкое мурчание мисс Дженни и мерный ход небольших часов, которые висели на стене.

Тик-так. Тик-так. Тик-так…

Все тише, тише и тише.

Тик-так…

Тридцать четвертое платье, тридцать пятое, тридцать шестое.

Тик-так…

– Мррр. Мррр. Мррр.

Тридцать седьмое.

Тик…

В просторной зале музея искусств больше никого не было. Сейчас в окно заглядывала только луна, ее холодный свет поглотил все краски, оставив лишь серебро неба. На моей картине девушка шагала в день, но сейчас здесь была ночь. Повсюду была ночь. Но если сейчас ночь, как я здесь оказалась?

Сон!

Осознание нахлынуло странным, будоражащим чувством, от которого кожа покрылась мурашками. Подавив желание попрыгать от радости (получилось!), я всерьез задумалась об Ормане. Помимо меня в зале были только картины, даже эхо моих шагов казалось вязким и приглушенным, словно мне в уши натолкали опилок. Я прошлась по залу, чтобы убедиться, что это сон. Да уж, звучит странно. Но если так подумать, все это больше чем странно. Я действительно разгуливала по собственному сну.

И как мне теперь попасть в сон Ормана?

Потерла запястье: может, метка приведет меня к нему? Ничего не произошло, разве что узор под пальцами по-прежнему слегка выделялся. Но он ведь и говорил, что тело запоминает ощущения… нет, это все действительно слишком странно. К счастью, я была одета: ходить по музею в одной сорочке сомнительное удовольствие, пусть даже это происходит во сне.

– Кхм… Месье Орман?

Я задрала голову, как если бы он мог оказаться на люстре. На люстре его не было, под люстрой тоже, да и вообще в зале не наблюдалось.

– Месье Орман!!!

По ощущениям у меня должно было заложить уши, но голос только заметался между стен звенящим рикошетом.

Потрясающе! Ну и что мне делать дальше?

Медленно прокрутила в памяти образ: расправленные плечи, жесткий взгляд, тонкая линия губ. Подумала и дорисовала серебристую прядь в густые, аккуратно зачесанные назад волосы.

Дорисовала?! А что, если…

Мольберт с холстом вполовину моего роста возник рядом со мной, равно как и карандаши. Я схватила первый попавшийся и принялась создавать набросок того, кого хотела увидеть. Рисовать сейчас почему-то было легче: карандаш порхал по бумаге с такой скоростью, что я за ним не успевала. Словно он вел меня, а не моя рука – его. Закончив, отступила, чтобы полюбоваться на созданную копию, которая была как живая.

– Ну же, месье Орман, – сказала я. – Идите ко мне.

– Невероятно.

Голос с холста заставил подпрыгнуть… ну, если во сне можно подпрыгнуть, конечно. Орман вышел из портретной арки и остановился напротив меня. В лунное серебро втекала черная тень: мужская фигура, сжимающая набалдашник трости.

У-у-ух!

Значит, все это правда!

От такого открытия должна была закружиться голова, но во сне голова закружиться не может. Особенно учитывая, что я вообще-то лежу. Уютненько так лежу в теплой постели в своей мансарде.

– Доброй ночи, месье Орман, – сказала я и отвела руки за спину, чтобы держаться за карандаш.

– Доброй ночи, Шарлотта.

– Мисс Руа, пожалуйста, – хмыкнула я.

В этом сне все будет по-моему!

– Хорошо, мисс Руа, – покладисто согласился он.

Во-от. Так-то лучше.

– Зачем такому человеку как вы, носить маску, месье Орман? – я шагнула к нему вплотную.

– Вам не приходило в голову, что мне это просто нравится?

– Мне приходило в голову, что вам есть, что скрывать. Иначе куда делась ваша хромота? Вчера, когда вы уходили отсюда?

После этих слов повисла такая тишина, что если бы кто-то за дверями уронил булавку, боюсь, мы бы это услышали. Сейчас я не слышала даже своего дыхания: молчание стало вязким и густым, как молочный кисель.

Будто у меня заложило уши.

– Вы очень наблюдательны, мисс Руа, – произнес он, наконец.

– Это правда, – заметила я. – Но вообще-то я жду ответа. Расскажите мне все, месье Орман. Немедленно!

Уголок его губ дернулся, словно он собирался улыбнуться.

– Я лучше вам покажу.

Прежде чем успела вздохнуть, зал вокруг меня растаял, а если быть точной, обернулся другим. Стены выросли ввысь, стало еще темнее, но лишь на миг. Темнота растворилась, чтобы вспыхнуть вокруг серебряным огнем многочисленных факелов. Таких масштабов я даже на картинках раньше не видела – просторный холл раскинулся справа и слева от нас, двойная лестница, сплетающаяся как два гигантских угря, уходила ввысь. От белого камня веяло холодом, настолько сильным, что я невольно поежилась.

– Мы в подземелье замка моего отца, мисс Руа, – он усмехнулся.

Замка?!

– Здесь он умер.

Орман не пошевелился, так и стоял, опираясь о трость и глядя куда-то в сторону… в сторону пустоты. Точнее, именно таким мне представилось пространство, где спокойно мог бы растянуться огромных размеров гобелен. Но его не было.

– Мне жаль, – тихо сказала я.

– Мне нет. Его убил мой брат. Нашу общую мать отец держал в заточении, пока она не сошла с ума, а отца моего брата убили по его приказу.

Вздрогнула и медленно повернулась к нему.

– Вы говорите ужасные вещи.

– Я говорю правду.

Теперь он повернулся ко мне, и я подавила желание попятиться. В этот миг мне совсем не хотелось, чтобы он снял маску, ужас прокатился волной от кончиков пальцев ног до корней волос. По узору набалдашника побежали изумрудные искры, раскрашивая наш сон. Поклясться могла, что сейчас он даже не касался трости, которая и не думала падать.

– Ты же хотела правды, Шарлотта. – Голос звенел раскаленной сталью, но по коже тянуло холодом. – Ты правда считаешь, что можешь мной управлять?

Перед глазами потемнело, насколько может потемнеть во сне. Но если я во сне, то все, что мне нужно…

– Проснуться? Да. Но знаешь, в чем основная опасность снов,

Шарлотта? В них очень легко заблудиться. – Его слова рождали одно-единственное желание: убраться отсюда как можно скорее, но я не могла пошевелиться. Я даже двинуться с места не могла, словно пол затягивал меня, как болото. – Искусство магии гааркирт, которым я владею, позволяет не только проникать во сны, но и удерживать в них непослушных девочек. Очень непослушных. Очень надолго. Пока мне не надоест.

– Как… – тихо прошептала я. – Зачем вам я?

– Потому что ты моя любимая игрушка, – он выделил последнее слово. – Потому что ты узнала обо мне чуть больше, чем остальные. Что бы мне попросить у тебя взамен?

Орман коснулся пальцами губ, глядя на меня.

– Пожалуй, начнем с самых неприятных моментов твоей жизни. Чего ты стыдишься больше всего, Шарлотта?

– Я вам ничего не…

«… Скажу», – хотела добавить я, но не успела. Сознание отбросило меня в день, который навсегда отпечатался в памяти и который я бы очень хотела забыть.

Мне едва исполнилось девять, я сижу в классной комнате, гувернантка стоит у окна. Сложив руки на груди, смотрит на улицу, а передо мной чистая тетрадь, в которой нужно перечислить основные даты старейшей истории с ключевыми событиями. Я учила их, я их правда учила, но от волнения все перепуталось в голове, а их там более ста. Я знаю, что если не напишу, последует наказание. Сначала от гувернантки – возможно, две-три лишние главы по истории, после чего снова придется заучивать даты (а ведь я так хотела немного порисовать!), а после от леди Ребекки. Теперь, когда мы переехали в Лигенбург, она все чаще раздражается. Улыбка появляется на ее губах все реже, она стала ко мне так строга… И наверняка оставит дома в воскресенье, вместо того, чтобы позволить мне пойти с Эби в парк.

Не сводя взгляда с прямой фигуры гувернантки, медленно тяну рукав наверх. Там спрятаны перечисленные даты, которые с вечера написала на бумажке и просушила под кроватью. Бумажка медленно раскрывается, и я поспешно начинаю писать. Одну за другой, то и дело поднимая голову: мисс Хэвидж по-прежнему стоит у окна. Что она там видит, ума не приложу, но она может очень долго так стоять. Понемногу напряжение отпускает, и я начинаю писать быстрее – до той минуты, когда слышу шорох юбок и поспешно сжимаю ладонь. Только после этого поднимаю взгляд: гувернантка смотрит на меня пристально и жестко. Глаза за толстыми линзами очков кажутся большими, хотя на самом деле они

маленькие.

Маленькие, серые, водянистые и цепкие. Она вся такая: серая, от цвета волос до платья и кончиков выглядывающих из-под него туфель. Я слышала, как Эби называла ее старой девой, но что это значит, понять не могу.

– Мисс Руа, – ее голос звенит натянутой струной, – чем вы только что занимались?

Внутри все холодеет, но я закусываю губу и шепчу:

– Писала даты, мисс Хэвидж. Как вы меня и просили.

Она ведь не могла увидеть. Не могла, правда ведь?

– Вот как. – Ее ноздри раздуваются. – Покажите-ка мне ваши руки.

Я разжимаю кулак, и бумажка, превратившаяся в крохотный комочек, падает на платье. Кладу руки на стол, стараясь не краснеть, но чувствую, что щеки все-таки заливает румянец. Гувернантка смотрит на раскрытые ладони, идет ко мне. Я чувствую, как все внутри сжимается от ужаса неизбежного разоблачения, поэтому поспешно зажимаю проклятую бумажку между коленями. Так, чтобы ее не было видно: сейчас мисс Хэвидж отойдет, и тогда я тихонько ее спрячу.

Гувернантка останавливается рядом со мной: руки по-прежнему сложены на груди, взглядом меня пригвоздили к стулу. Но когда звучат ее следующие слова, сердце уходит в пятки.

– Поднимитесь.

Не в силах даже пошевелиться, я смотрю на нее и молчу.

– Поднимитесь, мисс Руа!

Теперь ее голос звенит от гнева, и это не просьба. Это приказ.

Поднимаюсь, и скомканный шарик летит прямо мне под ноги, выкатывается из-под стола и замирает в нескольких дюймах от ножки. Мисс Хэвидж наклоняется, поднимает его и разворачивает. Пробегает глазами.

– Вы списывали, мисс Руа.

Это звучит как приговор. Я знаю, что сейчас будут розги, поэтому невольно отвожу руки за спину. Знаю, что меня все равно заставят их протянуть, но сейчас не в силах расплести похолодевшие пальцы.

– Вы не только списывали, мисс Руа, но еще и солгали, – холодно говорит она, брезгливо отбрасывая комочек в урну, как дохлую мышь. – Вам должно быть очень, очень стыдно.

– Мне стыдно, – шепчу я.

Хотя мне совсем не стыдно. Мне страшно, даже кровь отливает от лица.

– Мисс Хэвидж, я действительно учила даты, но их слишком много, и…

– Замолчите.

Она проходит к двери, запирает ее на ключ, после чего возвращается ко мне. Подхватывает линейку и командует:

– Повернитесь!

– Пожалуйста, я…

– Повернитесь, – сурово говорит она. – За каждое слово и минуту промедления я буду добавлять вам по удару к положенным десяти.

Поворачиваюсь, не успевая даже понять зачем: обычно она меня бьет линейкой по рукам, если я тереблю волосы. Но это совсем не так больно, как розги. Так что может быть…

– Поднимите платье, а панталоны опустите вниз. И нагнитесь.

Вот теперь мне действительно становится стыдно: кровь снова приливает к щекам, при мысли, что придется это сделать.

– Пожалуйста, не надо, – шепчу я, но суровый и жесткий голос за спиной произносит:

– Три слова и минута. Четырнадцать ударов.

От обиды и несправедливости на глаза наворачиваются слезы, щеки пылают, но я знаю, что спорить бесполезно. Леди Ребекка говорит, что воспитание мисс Хэвидж сделает из меня порядочную и благопристойную мисс, поэтому она не намерена в него вмешиваться. Как-то я попыталась рассказать ей про розги, и леди Ребекка поставила меня в угол. Мелькает мысль о том, чтобы сбежать из этой комнаты прямо сейчас, вот только я понимаю, что меня скорее всего догонят. И тогда весь дом узнает о том, какое наказание мне назначено, и за что.

Сгорая от стыда, тяну панталоны вниз, а юбку наверх. Наклоняюсь, чувствуя, как холодный воздух скользит по ягодицам.

– Не вздумайте кричать, – напоминает гувернантка. – Иначе добавлю еще.

Первый удар обжигает ягодицы, и я дергаюсь. Цепляюсь пальцами за стол, когда она бьет второй раз. Рука у мисс Хэвидж тяжелая, она никогда не наказывает вполсилы: после шестого кожа уже горит огнем, из глаз текут слезы. На десятом я всхлипываю и впиваюсь зубами в губы, чтобы не начать кричать. Когда все заканчивается, меня трясет: от стыда, унижения и боли. Меня никогда не раздевали и не пороли… так.

– Всякий раз, когда вы вздумаете списывать, или, тем более лгать, вспоминайте этот урок, – жестко произносит она. – А теперь одевайтесь и садитесь.

Садиться? Не-е-ет…

– Я сказала, возвращаемся к занятиям! – резко произносит гувернантка. – Или вы хотите, чтобы я сходила за леди Ребеккой?

Все это прокатывается в сознании так ярко и отчетливо, что я даже сейчас ощущаю это мерзкое чувство беспомощности. Как больно было надевать нижнее белье, как больно было сидеть, и как стыдно отводить глаза, когда Ирвин спрашивал, почему я плакала. Он защищает меня, всегда защищал, но об этом я не смогу ему рассказать.

Никогда. Ни за что.

Никому…

– Чудесно, – голос Ормана возвращает в реальность. Меня все еще трясет, в противовес его ледяному спокойствию, с которым он разбирает мою жизнь на кусочки. – Возможно, тебе стоило ему рассказать об этом, Шарлотта. Он же всегда тебя защитит.

– Замолчите!!! – голос срывается на крик, который тонет в вязком мареве сна, но Орман словно этого не замечает.

– А теперь давай посмотрим на твой самый большой страх.

– Посмотрите на свой! – рычу я, бросаясь к нему, и меня швыряет в…

Пустоту. Непроглядную пустоту без цвета, запаха и звука, где серое марево стягивает плотным коконом, мешая дышать, где дыханию просто нет места. Здесь нет места ничему, потому что имя этому…

Смерть. Тишина. Одиночество.

Я падаю в них, когда меня резко выбрасывает назад. В холл, где лицо Ормана совсем рядом с моим:

– Твой самый большой страх, Шарлотта. – Он смотрит мне в глаза, и маска на нем идет трещинами. Разлетается в пыль, чтобы явить уже знакомое лицо, которое становится хищным. А глаза… нет, их ни один человек в здравом уме не назовет мертвыми. Золото, текущее в радужку, заставляет меня отшатнуться и упасть в очередное воспоминание.

За запертые двери.

Комната на чердаке, заполненная всяким хламом. Окна выходят на лес, и его темные корявые очертания напоминают оживающих чудовищ. Мне четыре, или даже меньше, это очень смутное воспоминание. Сюда меня отвели по приказу отца леди Ребекки за то, что я случайно разбила вазу. Вазу, принадлежавшую его покойной жене. Леди Ребекка рыдала и уговаривала его смягчить наказание, но он остался непреклонен. Здесь тихо и очень темно. Но главное – очень холодно.

Я уже не взрослая Шарлотта Руа, я снова маленькая девочка, всего лишь ребенок. Не знаю, почему этот холод меня пугает, не помню. Помню

только, что колочу кулачками по двери, плачу и прошу меня выпустить. А потом поворачиваюсь, и…

Сквозь темноту на меня плывет смазанный контур.

Похожий на сгусток тумана, собранный в белесо-серую дымку. Мир окончательно теряет краски, а сгусток тянется ко мне, от его холода немеют руки и ноги.

– Мамочка! Мамочка! Мамочка! – кричу я сквозь слезы, а потом…

Теряю сознание.

Пауль Орман

Давно он не чувствовал себя настолько отвратительно. Давно он настолько не *чувствовал*.

Ненависть, боль и что-то еще, клубком свернувшееся у сердца и не дающее разомкнуть глаза.

«Сильные чувства – не для тебя, – говорил Джинхэй, – иных они ведут по жизни, но тебя разрушают».

Разрушенным он себя сейчас не чувствовал, а вот ярость, надежно похороненная под годами ледяного спокойствия, вспарывала лед с легкостью воды по весне. Внутренняя тьма медленно поднималась из глубин души, ворочалась, шипела, как полузадушенная тварь.

Гувернантка Шарлотты не выглядела старой, сейчас она наверняка еще жива. Мысленно он уже представлял, как сжимает ладонь демоновой мисс Хэвидж, как ломаются ее кости, как рука превращается в крошево из костей и мяса, и как бесцветные глаза вылезают из орбит от боли. Хотя возможно, стоило медленно переломать ей пальцы. По одному за каждый удар.

Оттолкнувшись от кресла, он в два шага преодолел расстояние до зеркала. Оперся раскрытыми ладонями о невысокий комод, глядя на свое уродство. Уродство, которое никто не заметит, случись ему выйти без маски на улицу. Сейчас в сияющих золотом глазах не было ничего человеческого.

«То, что внутри тебя, никуда не исчезнет, – Джинхэй говорил ему об этом, когда он выходил из-под ледяного водопада продрогший настолько, что сил на ответ уже не было. – Либо оно тебя подчинит, либо ты станешь его хозяином. Третьего не дано».

Не дано.

Он привык усмирять чувства мгновенно, но сейчас из отражения на него смотрел не Орман, а Эльгер, и причиной тому была маленькая напуганная девочка.

Шарлотта.

Бешенство, в которое он пришел, увидев ее с Ирвином, заставило забыть об осторожности. Да что там, заставило забыть обо всем. В том, что

касается создания образа, он преуспел. Несколько запоминающихся штрихов – таких как хромота или сутулость, отвлечение внимание на маску, и все уже запоминают странного нелюдимого мужчину, который избегает общества и ведет замкнутый образ жизни. Сегодня он стряхнул облик Ормана: на миг, забывшись, а она увидела, запомнила, поняла. И пошла за ним в сон. Сама.

Не случись ей напомнить о досадном проколе и об Ирвине, возможно, все могло быть иначе. Возможно… У девочки, шагнувшей в сон, не было шансов, но она была первой, кто осмелилась. Кто смогла. Первой за долгие годы, и если бы не Ирвин…

Ирвин Лэйн. Лорд Ирвин Лэйн.

При мысли о нем над пальцами заклубился ядовитый туман.

Этот недосягаемый идеал Шарлотты видел все, что с ней происходит, но ничего не сделал. Просто слезы ей вытирал.

Защитничек.

Гувернантка, ударившая его сводную сестру Вероник, в тот же день упала с лестницы и сломала ноги. Обе, совершенно «случайно». И пусть отец был в ярости, Вероник больше не били. Его самого часто сменяющиеся гувернеры никогда не коснулись и пальцем. Хотя он вел себя порой мерзко, а порой просто невыносимо, наказывать его не решались. Случись такое, отец вырвал бы им руки с корнем (и не факт, что иносказательно). Нет, его воспитанием герцог де ла Мер занимался сам.

Наказаниями тоже.

Симону Эльгеру не нужно было прибегать к магии, чтобы причинять боль, но магия, вне всяких сомнений, была им любима особенно. Настолько, что сорванный в криках голос приходилось восстанавливать неделями.

«Посмотрите на свой!»

В темноте воспоминаний, в которой он оказался после слов Шарлотты, самой страшной была не смерть. Не одиночество. Не пустота. Самым страшным было лицо отца, на которого он с каждым годом все больше становился похож. Возраст сгладил мягкие черты матери, раскрывая его истинную суть. Те немногие, кто видел его без маски, ошибочно предполагали, что видят настоящее лицо, но настоящим оно стало сейчас. Когда сквозь холод проступала тьма, бушующая в крови.

Оттолкнувшись от комода, он смотрел, как гаснет ядовитая зелень на кончиках пальцев. Как тает золото в радужке. Он ошибка природы, но с этим уже точно ничего не поделать. Да и надо ли? Когда могущество обречено гнить в тебе заживо, самое главное им не отравиться.

Не превратиться в подобие отца.

Коснувшись артефакта, он отошел к окну. В том, что в Шарлотте есть магия, он начал подозревать в ту минуту, когда она проснулась. Туман клубился над ней и должен был удержать во сне, но она открыла глаза. Потом был сон в библиотеке, в котором она впервые осознала себя в реальности гааркирт. Но теперь…

Негромкий стук заставил обернуться к двери.

– Входи.

Иньфаец шагнул в спальню: невысокий и обманчиво-хрупкий. Несмотря на переезд, он не изменял себе и ходил в одеждах, которые носили на его родине. Свободные штаны и рубашка с воротником-стойкой, обувь, позволяющая ступать бесшумно. В полумраке парящего над ними магического светильника его лицо казалось удивительно бледным.

– Пауль. Вы хотели меня видеть.

– Да. Я хочу знать все про леди Фейбер и мисс Шарлотту Руа. Как, когда и откуда у этой женщины появилась воспитанница. Сколько ей было лет. Где они жили. Все.

– Да, Пауль.

– Ты нужен мне здесь, Тхай. Пусть этим займется Фьет. Немедленно.

Иньфаец склонил голову.

– Это все.

Легкий поклон, щелчок закрывшейся двери, и он снова повернулся к окну.

Спящий Лигенбург давно стал другим. Не таким мрачным: в свете электрических фонарей улицы больше не напоминали тесные коридоры, зажатые между рядами домов. Вместо скобяной лавки сейчас открылась цветочная, а над пекарней появилась новая вывеска. Аппетитные булочки были уложены на тарелку и щедро приправлены джемом.

Впрочем, все эти различия запросто можно было бы стереть одним взмахом кисти, если бы не одно существенное: здесь не было *ее*. Он давно перестал ее вспоминать. И никого уже больше не представлял, не искал этот образ ни наяву, ни во снах. Возможно, потому, что *она* отпечаталась в нем гораздо глубже, чем можно себе представить. Не в сердце и не в душе, а за гранью, с которой его вернула.

Сейчас бы впору рассмеяться: второй раз его наваждением стала женщина, наделенная магией смерти. На чердаке Шарлотта видела призрака, это совершенно точно. Видеть призраков способны лишь некромаги или некроманты, но она об этом не знала. Она вообще не была знакома с магией.

Почему?

Это он обязательно выяснит, но раньше она вернет ему долг. Вернет его сполна.

Потому что от наваждений нужно избавляться.

13

– Ай!

Запястье обожгло, шпилька выпала из рук и со звоном упала на пол. Я наклонилась, чтобы ее поднять, и у меня потемнело перед глазами. После вчерашней ночи заснуть так и не решилась: едва глаза начинали закрываться, насильно выталкивала себя в реальность. И так несколько раз, поэтому с утра я сыпанула в чай соли вместо сахара и долго удивлялась странному вкусу.

Запястье дернуло снова, весьма ощутимо – долг начал напоминать о себе немногим больше часа назад. Чем увереннее стрелки часов двигались к двенадцати, тем больнее жалила проклятая метка. Я даже оборачивала руку тряпкой, смоченной в ледяной воде, но помогало смутно.

Ничего, потерплю.

Сегодня у меня будет замечательный день. Не просто замечательный – чудесный, волшебный, невероятный! И я никому не позволю его разрушить.

Даже Орману.

Особенно ему.

При одной мысли о нем меня начинало трясти, а еще возникало искушение вцепиться в маску, содрать и швырнуть к ногам. Чтобы посмотреть, как меняется выражение его лица наяву. Чтобы посмотреть, как он будет себя чувствовать, когда его тайну обнажат, вытащат на поверхность вопреки его воле. Рассматривая свысока, насмешливо и снисходительно.

Да даже если у меня рука отсохнет, я к нему не пойду!

Стараясь лишний раз не смотреть на долговую расписку, вернула шпильку на место, подхватила очередную прядь, укладывая в прическу. Прически меня делать особо не учили (все-таки это занятие для камеристок и компаньонок), я могла разве что скрутить волосы в пучок. Но рядом с Ирвином мне хотелось выглядеть иначе. Красивой, утонченной, изысканной. Леди, а не мисс.

К сожалению, у леди было всего одного платье, но вчера я купила к нему новую камею, а еще достала неброские серьги и колечко – подарок леди Ребекки мне на шестнадцатилетие. Постоянно украшения я не носила, но сегодня решила надеть, чтобы придать образу завершенность. Закончив

с прической, с пятого раза застегнула серьги (пальцы слегка дрожали). А еще было невыносимо жарко: на бледном лице красными пятнами выделялись щеки и губы, глаза блестели, как от высокой температуры.

– Никогда больше не называй меня мамой, Шарлотта.

– Почему? – я искренне не понимала.

Мне ведь было так страшно. И до сих пор страшно, хотя я не помнила, почему.

В себя я пришла только утром, уже в постели, и приглашенный из города аптекарь сказал, что все будет хорошо. Он расспрашивал меня, как я себя чувствую, а потом быстро откланялся, пряча взгляд. Глаза у него были какие-то грустные, а потом он посмотрел на отца леди Ребекки и стал злым. Даже губы плотно сжал.

– Потому что это не так.

– Но ведь вы любите меня, как мама, и заботитесь обо мне, как мама, – я смотрела на сидевшую рядом леди Ребекку. Руку она отняла, зато подсунула мне куклу: новую красивую куклу, которая появилась в моей комнате после наказания на чердаке. По крайней мере, раньше я ее не видела, вот только сейчас мне хотелось держаться не за нее. Кукла была всего лишь куклой, она не могла обнять. А почему не хочет леди Ребекка?

– Это вовсе не значит, что ты можешь так меня называть. Я взяла на себя обязанность заботиться о тебе, но это не делает меня твоей матерью.

Странно, но до того вечера я никогда раньше не называла леди Ребекку мамой. Странно, что эти воспоминания вернулись ко мне сейчас. Я очень хорошо помнила чердак, а вот надвигающуюся из темноты фигуру – нет. Фигуру, которая могла быть взметнувшейся в лунном свете пылью, игрой теней от сквозняка… да чем угодно, заставившим маленькую девочку потерять сознание от ужаса. Чувство было такое, словно страх вымарал это из моей памяти именно для того, чтобы я могла спокойно спать по ночам. Вот только теперь я вряд ли смогу спокойно спать. Если не пойму, как с этим справляться.

Если не пойму, как защитить себя от Ормана.

Наяву и во снах.

Стук за спиной раздался так неожиданно, что я подскочила у зеркала. Обернулась, быстро оправила платье и шагнула к двери.

– Ирвин… – начала было, но осеклась.

Сначала появился букет, и только потом сам Ирвин. Белоснежные оранжерейные розы благоухали так, что у меня снова закружилась голова. Я прислонилась к стене, чтобы не упасть, особенно когда под руками

зашелестела дорогая упаковочная бумага. Мягкая, перехваченная атласной лентой – раньше такие букеты я видела только в самом дорогом цветочном магазине Лигенбурга. Они стояли на витринах и казались столь же далекими, как жизнь леди, которым их дарили. Наверное, герцогиня де Мортен получала такие каждый день, но я впервые держала такой в руках. Дышала ярким цветочным ароматом и не могла надышаться.

– Для тебя, Шарлотта. Нежные, как ты сама. – Ирвин коснулся моей руки. – Найдется, куда поставить?

Поскольку я молча прижимала букет к груди, он огляделся и шагнул к простенькой вазочке, которая когда-то была графином. У него разбилась крышка, поэтому я купила себе новый, а тот превратился в вазу. Особенно когда я разукрасила его цветами и завитками: получилось ярко и необычно.

– Обещанный подарок. – Ирвин достал из кармана сверток и протянул мне. – Посмотри, а я пока принесу воды.

Он вышел, я же осторожно положила букет на стол и раскрыла сверток, едва уловимо пахнущий пряностями. Внутри оказался шелковый шарф: невесомый, льющийся между пальцев. Насыщенного изумрудного цвета. Я пропустила его между ладонями и прижала к щеке, нежная ткань коснулась разгоряченной кожи лаской прохлады.

– Нравится? – Оказывается, Ирвин уже вернулся и стоял в дверях.

– Очень, – прошептала тихо. – Ты помнишь мой любимый цвет?

Сколько себя помню, всегда обожала зеленый. Яркий, сочный: цвет просыпающейся по весне природы. Цвет листвы на деревьях. Цвет травы, мерцающей под каплями росы.

Цвет жизни.

– Я многое помню, Шарлотта.

Он отставил вазу, шагнул ко мне и перехватил шарфик. От прикосновения пальцев к моим стало горячо, особенно когда Ирвин легко набросил подарок мне на плечи. Ткань коснулась чувствительной шеи: мягкий нахлест, струящийся по платью шелк. От взгляда глаза в глаза стало еще жарче, и кажется, Ирвин это почувствовал. Потому что закончив с шарфиком, задержал ладони на моих плечах.

– Ну вот. Теперь можно идти.

В противовес своим словам руки он так и не убрал, скользнул взглядом по моему лицу и губам.

Кажется, меня сейчас поцелуют…

Мысль об этом была неправильной, но сладкой и удивительно долгожданной. Бой часов, объявивших полдень, ворвался в нее очень невовремя, а в следующий миг запястье сдавило раскаленным браслетом.

Так сильно, что перед глазами потемнело, и дыхание прервалось. Мир перед глазами взорвался вспышкой ослепительной боли и перевернулся. Ирвин ушел в сторону, потолки ввысь, стены потекли смазанными штрихами, как акварель под водой.

– Шарлотта! – встревоженный голос встряхнул ускользающее сознание.

Ирвин поддерживал меня за талию, с тревогой вглядываясь в лицо. Попыталась ответить, но руку обожгло снова, еще сильнее. Боль прокатилась от предплечья по всему телу, заставив вцепиться ногтями в колючий фетр. Никогда не представляла, что может быть больно настолько: во мне даже крик сгорел, не родившись.

– Шарлотта! Что происходит?

Он подхватил мою ледяную руку и замер. Я замерла вместе с ним: перчатки надеть не успела, поэтому сейчас смотрела на текущее с ладони зеленоватое свечение. Глаза Ирвина расширились, он с силой дернул рукав платья наверх. Узор сиял так, будто мне на руку нанесли живое солнце, вот только солнце это оказалось ядовитым. Изумрудные искры бежали по контуру и внутри, тонкие линии пульсировали. Раскаленными нитями перекинулись с запястья на ладонь и ползли выше, оплетая мою руку зеленым пламенем.

– Кому ты должна? – хрипло выдохнул он. – Шарлотта!

– Мне.

Орман шагнул в мансарду, и боль отступила. Ирвин резко обернулся, по-прежнему поддерживая меня, но это уже было лишним. Я снова могла нормально дышать: по крайней мере, сейчас воздух не казался жидким огнем. Ноги до сих пор были слабыми, от одних только воспоминаний о боли хотелось свернуться клубочком и обхватить себя руками, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что сейчас горело в глазах Ормана. Чувство было такое, что из-под маски на нас и впрямь смотрит ястреб.

– В приличном обществе принято представляться, – холодно заметил Ирвин.

– В приличном – может быть.

Сказано это было так, что у меня полыхнули уши. От его откровенного взгляда, скользнувшего по мне наточенным лезвием, загорелось все остальное, но ответить я ничего не успела.

Ирвин изменился в лице.

– Потрудитесь объясниться, – жестко произнес он.

– Перед вами? – В голос плеснула насмешка.

Ледяная. Опасная, как линия сомкнутых губ.

– Что вам нужно от Шарлотты? – Рука под моей стала просто каменной.

– Мисс Руа любезно согласилась мне позировать. Обнаженной.

Из меня словно разом выбили весь воздух. Возможно, поэтому я не уловила тот миг, когда Ирвин шагнул к Орману, а вот замах уловила. Короткий, сильный, по-военному прямой. Удар пришелся на трость, движение которой было настолько быстрым, что Ирвин едва успел уйти в сторону. На моих глазах шафт скользнул вниз, обнажая сверкающее лезвие.

– Оружие о вас я марать не стану, – процедил Ирвин, отшвырнув в сторону перчатки.

Огонь над его ладонями вспыхнул мгновенно, собираясь сгустками пламени.

– Как пожелаете. – Глаза в прорезях маски сверкнули опаснее смертоносной стали.

Над руками Ормана взметнулись изумрудные искры, за секунду собравшиеся в магические плети. Силой, хлынувшей от него, ударило наотмашь: убийственной, яростной, мощной. Обрушившейся на Ирвина столь стремительно, что едва сформировавшийся щит лопнул с первого удара.

– Нет! – вскрикнула я, но его уже отшвырнуло к стене.

Протащило по комнате, сбивая с пальцев ставшее беспомощным пламя. Искры брызнули в стороны и растаяли в зелени жалящих воздух змей. Змей, набирающих силу для новой атаки. Метнулась к Ирвину, игнорируя яростный крик:

– Шарлотта, назад!

– Нет, Ирвин! Он говорит правду!

В воцарившейся тишине было слышно только шипение зеленых змей. Протянувшись над полом, они вспарывали воздух, подчиняясь малейшему движению Ормана. От бьющейся в его руках силы меня трясло, от этого и от застывшего в глазах Ирвина непонимания. Еще мгновение – и случится непоправимое, именно это чувство заставило шагнуть ближе, коснуться напряженной ладони.

– Это правда, – повторила я. – Ирвин, пожалуйста. Нам надо поговорить.

К счастью, остановился. Пламя над его ладонями погасло.

– Так и будете здесь стоять? – процедил он. – Или позволите нам объясниться?

– Позволю. – Орман ногой подвинул стул и сел, положив трость себе на колени.

Плети растаяли в воздухе, но несмотря на это, меня по-прежнему колотило. Последняя волна магии прокатилась по мансарде, и я глубоко вздохнула.

– Пойдем, – прошептала и указала глазами на дверь.

Не сказать, что в коридоре стало легче, но по крайней мере, здесь не было его. Свет проникал только через маленькое оконце, до которого было добрых парочку ярдов. На лицо Ирвина легла темная тень, хотя глаза метали молнии.

– Как это получилось, Шарлотта? Он тебя заставил?

– Он… – Вспомнился взгляд Ормана, трость и змеящиеся над комнатой плети. Подземелье замка и волна магии, от которой до сих пор подрагивали пальцы. Скажу правду, и Ирвин вернется в мансарду. Он не оставит меня Орману, а я не прощу себя, если с ним что-нибудь случится. – Нет. Я просто очень хотела выставляться.

Удивительно, как легко далась эта ложь.

– Прости. Не знала, что этот долг так работает. Думала, мы успеем сходить в парк.

Сцепила руки за спиной, чувствуя, как все внутри леденеет. Глядя, как меняется родное лицо, становясь недоверчивым, изумленным, как это недоверие впивается в сердце болью, ничуть не слабее долговой метки. Казалось, что я не смогу вытолкнуть из себя ни слова, но молчать сейчас было нельзя.

– Ты ведь знаешь, что я всегда рисовала, с детских лет, но… Мне надоело ходить из салона в салон, слушать насмешки и всю эту чушь, что женщины не достойны и ни на что не способны.

Удивительно, оказывается во лжи главное начать. Начать и не останавливаться, а еще не думать о том, что заледеневшие глаза Ирвина меньше всего напоминают летнее небо.

– Ты сейчас серьезно, Шарлотта?

– Да, – пожала плечами. – Вряд ли мне представилась бы другая возможность.

Вот теперь слова застыли в груди, и мир вокруг застыл тоже. Ни хлопанья крыльев голубей, которое здесь всегда хорошо слышно, ни скрежета мышей под полами, только сердце бьется оглушающе-громко. Крылья его носа дрогнули, губы шевельнулись, словно Ирвин собирался что-то сказать. Но промолчал, и тишина разделила нас на долгое мгновение.

– Надеюсь, оно того стоило, – наконец, произнес он. – Удачи тебе, Шарлотта.

Я смотрела ему вслед, как во сне. Он уходил от меня, спускался по лестнице, по которой поднялся впервые несколько дней назад, а я не могла даже пошевелиться. Мне хотелось кричать во все горло, кричать, что это неправда, но вместо этого я просто стояла и смотрела. До тех пор, пока шаги не затихли и внизу не хлопнула дверь. Только тогда оперлась рукой о стену, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. Впрочем, основательно подкатить ему не дали.

– Есть люди которые любят обманываться. А есть те, кто любит быть обманутым. Похоже, ваш Ирвин как раз из таких.

Я обернулась: Орман стоял в дверях, свет обтекал темную фигуру.

– Вы ничего о нем не знаете! – прошипела, сжимая кулаки.

– Ну разумеется. – Он коснулся болезненно-воспаленного запястья, и я отдернула руку. – Надеюсь, вы поняли, что с магией шутить не стоит?

– Ненавижу! Как же я вас ненавижу!

Никогда в жизни никого не ненавидела, а его… До странной, собирающейся внутри ледяной тьмы. До желания причинить боль – такую же, какую он только что причинил мне.

– Меня это устраивает. Собирайтесь. – Он отступил в сторону.

Я прошла мимо него, подхватив юбки, чтобы не коснуться даже случайно. Могу ли я не пойти с ним? Могу, конечно, но боль разорвет меня на части раньше, чем он перешагнет порог этой комнаты. Глянула на притихшую метку и плотно сжала губы. Хочет нарисовать меня обнаженной? Пусть подавится. Пусть отравится! Своим ядом, своей магией, своим непробиваемым превосходством.

Не глядя на него, сдернула со стола шляпку, наспех завязывая ленты. К зеркалу даже не повернулась, мне было наплевать, как я выгляжу. Спрятанное в шкаф пятнистое пальто, которое сегодня надевать не собиралась, пришлось очень кстати. Исключительно для Ормана я готова была выглядеть отвратительно. Настолько отвратительно, насколько это вообще возможно!

Застегнув последнюю пуговицу, повернулась к дверям и чуть не налетела на месье «Я-просил-называть-меня-только-по-имени-Пауля».

– Руку, мисс Руа, – последовал холодный приказ.

– Обойдетесь.

– Хотите снова испытать на себе все прелести неподчинения?

Глубоко вздохнула и вложила руку в его ладонь:

– Подавитесь, месье Орман.

– Всенепременно. Сегодня за ужином, – отозвался он, удивительно мягко сжимая мои пальцы. – Но до этого нас с вами ждет долгий день.

14

То, что день будет долгим, я поняла еще на лестнице. Мы вместе не дольше минуты, а мне кажется, что уже вечность прошла. Еще и его привычка держать меня за руку (не под руку, как положено в приличном обществе, а именно за руку) раздражала неимоверно. Впрочем, сложно представить, что в нем не раздражало…

Постойте-ка!

Я отняла ладонь так резко, что чудом не оставила ему перчатку, и ничего не произошло.

– Знал, что вы догадаетесь.

– Неужели?! – прошипела я.

– Сложно было удержаться, глядя в ваши глаза.

Сжала кулаки и мысленно досчитала до десяти. Ну хоть одна радость: помимо обозначенного долга больше ничего он мне сделать не сможет.

– Мои глаза вас совершенно не касаются.

– Еще как касаются. Мне вас писать.

Я похолодела.

Мое лицо. На его картине.

– Могу представить, о чем вы сейчас подумали, мисс Руа. Ваш портрет никто не увидит.

– И я должна вам поверить?

– А у вас есть выбор?

Выбора у меня не было, я сама отняла его у себя в нише. На этой мысли слегка закружилась голова.

– Вам недостаточно моего слова? – Орман взглянул на меня.

– После того, как вы заявились ко мне домой и разрушили все, что мне дорого?

– У вас была возможность оставить все между нами.

– В приказном порядке явившись к вам.

– Именно так. Поверьте, установленные самим собой правила игры нарушать скучно. Мне гораздо проще было сразу вытолкнуть вас под ноги секретарю Ваттинга.

Желание посоветовать ему засунуть свои игры и правила в места, о которых приличным мисс знать не положено, было настолько велико, что я прикусила язык. К счастью, улица встретила нас привычным шумом со стройки, многоголосьем и бодрящей прохладой, которая вовремя отрезвила.

– Прошу сюда, мисс Руа. – Орман свернул в проулок, зажатый между домами.

На нашей улице поймать кэб было решительно невозможно: они здесь застревали, а вот на соседней – вполне. Она была шире раза так в два, а то и в три (как большинство улиц Нового города), с тротуарами, на которых можно спокойно разминуться с текущим навстречу людским потоком. Некоторые извозчики, правда, без малейшего стеснения заезжали даже на них и на не успевших вовремя отскочить пешеходов. Правда, в Лигенбурге все пешеходы шустрые, поэтому непоправимое случалось не так часто.

Чем ближе к набережной, тем холоднее, поэтому сейчас я зябко передернула плечами, и поняла, что шарфик остался дома. Должно быть соскользнул, когда я упала в объятия Ирвина. Мысль об этом оказалась гораздо более колючей, чем ударивший в лицо сырой воздух. Я обхватила себя руками и отвернулась, чтобы не сорвало слезы, которые выступили от ветра. Прохожие косились на нас, точнее, они косились на Ормана, но он, по всей видимости, на такие мелочи внимания не обращал.

Хотела уже поинтересоваться, куда мы идем, когда он остановился и распахнул передо мной дверцу мобиля. Темно-фиолетового цвета, примерно такого, какой получается при смешении фиолетового и черного. Несмотря на низкие графитовые тучи, затянувшие небо, корпус сверкал. Я скользнула взглядом по «Ваорхану», по резным ручкам, по передней части, на которой застыл ястреб. Серебряная птица раскинула крылья, словно готовясь взлететь, а у меня почему-то перехватило дыхание. Одно дело говорить с Линой, и совсем другое – видеть мобиль так близко…

Вспомнила, рядом с кем нахожусь и подавила желание коснуться дверцы. «Ваорхан» казался мощным, прекрасным, яростным, но восхищаться делом рук Ормана – увольте.

– Не боитесь его недосчитаться? – приподняла брови.

– Любому, кто к нему прикоснется кроме меня, – голос Ормана был ледяным, в тон ветру, – обожжет руку в качестве предупреждения.

– А если предупреждение не сработает?

– Тогда оторвет.

– Что? – переспросила я и моргнула.

– Руку.

– Вы шутите?

– Нет. – Он постучал по дверце. – Садитесь, мисс Руа.

– Уверены, что мне ничего не оторвет?

Подхватила юбки и нырнула внутрь. Чтобы не удариться головой, пришлось пригнуться: наброшенная на манер детской коляски крыша оказалась невероятно низкой. Сиденье было удивительно мягким, не в пример знакомым мне по омнибусам или экипажам. В запах кожи

ненавязчиво вплетались сандаловые нотки, которые стали только сильнее, когда Орман опустился на соседнее сиденье.

– Магическую защиту мобилей придумал богатый промышленник в Маэлонии. Точнее, он обратился с заказом к известному артефактору после того, как водитель увел его лучший мобиль вместе с женой. В его случае артефакт начинал визжать, как истеричная девица, стоило кому-то прикоснуться к мобилю без его ведома. Пока что в мире это не востребовано, потому что им нужно еще уметь управлять. – Рука Ормана легла на какой-то странный, торчащий из пола рычаг, напоминающий вбитую между сиденьями трость. «Набалдашник» ее тоже был выполнен в форме ястреба, только сложившего крылья. – Но я предпочитаю предупреждать неприятности.

Ну, если об оторванной руке можно так выразиться…

– Смотря для кого.

– Считаете, что это не оправдано?

– Считаю, что это бесчеловечно.

– Человечное отношение к тому, кто пытается присвоить твою собственность – верх глупости.

«Ваорхан» вздрогнул, и я вздрогнула вместе с ним. Особенно когда над нами прокатилась волна магии, а мобиль заурчал, как живой. Напоминая проснувшегося тигра, заключенного в металлическом корпусе.

– Не бойтесь, мисс Руа. Он не кусается, – Орман насмешливо взглянул на меня.

– Я. Не боюсь.

– Тогда отпустите сиденье, оно вам ничего плохого не сделало.

Я опустила взгляд: и впрямь вцепилась в обивку, насколько позволяли скользящие по кожаному сиденью перчатки. Хмыкнула и сложила руки на груди, а мобиль мягко тронулся с места. Набирая скорость, пронесся по улице, свернул к набережной, и… я вдруг поняла, что не могу отвести глаз от стекла. Брусчатка, прохожие и дома мелькали за ним так быстро, что перехватывало дыхание. Лента реки с затяжками бурунов скользила между берегов как в швейной машинке, под пальцами умелой портнихи, а мост, по которому можно было проехать в старый город, стремительно приближался.

Никогда раньше мне не доводилось ездить с такой скоростью, но страшно и правда не было. Волнительно, удивительно, невероятно – да. Но только не страшно. Я даже не сразу поняла, что мост остался за спиной, и что мы свернули на незнакомую мне дорогу. Незастроенная пока окраина красовалась штабелями досок, камня и угля. Помимо скучающих сторожей

здесь были только собаки, которые с оглушительным лаем бросались за нами, но очень быстро отставали.

– Удивительно похоже на некоторых людей, – заметил Орман. – Лаять на все, что быстрее тебя.

– Возможно, они просто напуганы.

– На то что их пугает, люди лают в два раза громче.

– Вам в голову не приходило, что к людям можно быть добрее?

– Доброта наказуема, мисс Руа. Люди делятся на тех, кому завидуют и тех, кто завидует. Я предпочитаю первых.

– И чтобы вам завидовали?

Я отвернулась к окну и увидела, что Лигенбург остается позади.

– Куда мы едем?!

– В Дэрнс.

В Дэрнс?! В самый богатый район, даже богаче того, где располагался дом Вудвордов?

– Но Дэрнс на другой стороне Бельты.

И на другом конце Лигенбурга.

– Это выход на обводную дорогу, мисс Руа. Ее проложили несколько лет назад, с развитием промышленности и появлением мобилей. С помощью нее мы огибаем город по дуге и сразу окажемся на южной окраине. Гораздо быстрее, чем если будем тащиться по запруженным улочкам центра.

Нас слегка потряхивало в мерзлой колее, а потом неожиданно перестало: мы выехали на удивительно ровную дорогу, неширокой полосой (аккурат для одного мобиля) распоровшей поле на две части. Случись нам встретиться еще с одним, кому-то пришлось бы съезжать. По правую руку от меня маячил Орман и крохотные домишки Лигенбурга, по левую простирались земли, укутанные пожухлой травой, вдалеке виднелся оголившийся лес. От этого вида хотелось зябко поежиться. От этого, а еще от… от того, что мне предстояло.

Всевидящий, мне действительно придется раздеться.

Перед ним.

Сцепила руки, чтобы не начать теребить волосы. Правда, теребить было особенно нечего: в прическе, на которую я потратила столько времени, свободных прядей не оставалось. Мысль о том, что сейчас мы могли бы идти с Ирвином по парку, оказалась обжигающе-невыносимой. Я быстро отмахнулась от нее и уставилась в окно, за которым проносились унылые осенние пейзажи.

– Мисс Руа, вы выглядите так, словно я везу вас на казнь, – донеслось

насмешливое справа.

– Отстаньте, – прошипела.

– Как пожелаете. – Насмешка сменилась льдом, и до самого Дэрнса мы больше словом не обмолвились.

Район, в который мы приехали, считался элитным районом Лигенбурга. Здесь жили исключительно аристократы и очень богатые люди, это становилось понятно с первого взгляда. Дома – каждый размером с музей искусств, ухоженные внутренние дворы, чистейшие улицы и воздух, от которого кружится голова. Возможно, в моем случае голова кружилась по другому поводу, но непривычное отсутствие смога было видно невооруженным глазом. Набережная Ирты (маленькой речушки, уходящей за город), была не в пример чистой, с узорчатым ограждением парапета и изящными мостиками, перекинутыми на другой берег района.

– Особняк де Мортена, – неожиданно подал голос Орман, и я невольно повернула голову.

Огромный дом застыл неподалеку от парка, величественный и роскошный. Монументальный, выполненный в старинном стиле, с покатой крышей, эркерными окнами и балконами. Представить, какие здесь даются приемы, было несложно, как, впрочем, и в большинстве расположенных в Дэрнсе домов. На подъездной дорожке, как ни странно, тоже стоял мобиль (черный, как вороново крыло, отливающий густой синевой) – кажется, первый, не считая нашего, который я здесь заметила.

Поразительно!

– Удивлены?

– С чего вы взяли?

– Это видно по вашему лицу.

– Просто не ожидала увидеть мобиль… здесь.

– Де Мортен – один из немногих аристократов старой закалки, которые поддерживают прогресс. О чем вы говорили с герцогиней?

Я повернулась к нему: Орман внимательно смотрел на меня. Как-то чересчур внимательно. Зачем я с ним разговариваю?! Зачем вообще отвечаю?! Он собирался меня писать, вот пусть и пишет.

Посмотрела ему в глаза и произнесла:

– Не ваше. Дело.

Он усмехнулся, а в следующий миг мы уже остановились возле особняка, ничуть не уступавшему городскому дому де Мортенов. Четыре этажа, первый – значительно выше остальных, окна в человеческий рост, крыльцо с полукруглыми ступенями поднимается к массивной двери с молотком в форме головы льва.

Орман открыл передо мной дверцу, и я вытолкнула себя из машины: исключительно потому, что не хотела к нему прикасаться. Чем ближе мы подходили к крыльцу, тем больше мне становилось не по себе: не дом, а дворец. Сколько же здесь должно быть прислуги? Эта мысль вышибла почву из-под ног, перед первой ступенькой я споткнулась и не упала исключительно потому, что он вовремя меня подхватил.

– Осторожнее, мисс Руа.

Я отняла руку, а заодно и себя: слишком по-хозяйски его ладонь легла на мою талию.

– Ваша прислуга, – сказала холодно. – Меня увидит. Мы так не договаривались.

– Мои люди приучены держать рты на замке, – произнес Орман. – Прочие рядом со мной не задерживаются.

Что-то в его голосе заставило прикусить язык и подняться по ступенькам. А в следующий миг он распахнул дверь и подтолкнул меня в просторный, залитый светом холл. В холл, где все – от высоких стен приглушенно-сиреневого цвета до мебели и «стальных» холодных портьер, подхваченных кистями, дышало богатством и роскошью. Ковровый настил украл наши шаги, дверь за спиной закрылась беззвучно. Настолько беззвучно, что даже эху было нечем поживиться, но из-за лестницы немедленно вышел мужчина.

Сказать, сколько ему лет, я бы при всем желании не смогла. Ростом не выше Ормана, темноволосый и смуглый, с раскосыми глазами, выдающими его родину. Так же, как и костюм: свободные брюки и такая же рубашка цвета графита. На ногах были странные сандалии – не то тряпичные, не то соломенные, к плетеной подошве крепились раздваивающиеся ремешки. Сложив руки на груди, мужчина поклонился и шагнул к нам.

– Мисс Руа, позвольте вашу одежду.

Голос его, тихий и мягкий, тем не менее был полон какой-то внутренней силы. Особенно меня поразил акцент (едва уловимый) и произношение, удивительно четкое. Он принял из моих рук пальто и шляпку, а у Ормана трость.

– Тхай-Лао, проводи мисс Руа в мою мастерскую. Я подойду позже.

Не расстроюсь, даже если вовсе не подойдете.

Я бесстрашно обняла ридикюль и направилась вслед за иньфайцем к лестнице. Широкой, увенчанной светильниками справа и слева, и на пролетах между этажами тоже. Мужчина ступал рядом со мной так бесшумно, что я могла слышать его дыхание, заговорить не пытался. Не обратись он ко мне с приветствием, решила бы, что он вовсе немой: на

втором этаже он просто слегка поклонился и вежливо указал наверх – поднимаемся дальше. И мы поднялись, на третий, где и свернули налево.

Здесь оказалось еще более пустынно, чем в холле, огромный роскошный дом спал. Чувство было такое, словно в нем вообще никто не живет, из коридоров тянуло прохладой и темнотой. Впрочем, стоило нам шагнуть в арку, как на стенах один за другим стали загораться артефакты. Картин в этой галерее не было, только немые, задрапированные платиновой прохладой шелка стены и диванчики для отдыха. На высоких ножках стояли массивные, стилизованные под подсвечники артефакты, по обе стороны от широких дверей. Белоснежных, с платиновыми вставками узоров.

Перед ними Тхай-Лао и остановился.

– Снимите, пожалуйста, туфли, мисс Руа, – негромко произнес он. – Пауль не любит, когда в мастерской ходят в обуви.

Па-а-а-уль…

Поймала себя на мысли, что от этого имени меня передергивает, но туфли все-таки сняла. Расшнуровала дрожащими пальцами и шагнула за двери, которые Тхай-Лао передо мной распахнул. Чтобы оказаться в раю. По крайней мере, мне так показалось в первую минуту, когда я увидела залитый светом зал. Размером мастерская не уступала гостиной Фейберов, да что там, это гостиная Фейберов ей уступала. Во всем.

Как же я мечтала о такой мастерской…

Просторной, где даже танцевать можно. Не говоря уже о том, чтобы самой расписать стены по вкусу…

– Артефакт для вызова рядом с дверью, мисс Руа, – напомнил о себе иньфаец.

И снова исчез, притворив двери, а я осталась одна.

Дерево на полу оказалось удивительно теплым: несмотря на тонкие чулки, ноги совсем не мерзли. Здесь вообще было тепло, свет вливался в мастерскую сквозь огромные окна, у комода были свалены рамы, пустые холсты, краски. Странно, но ни одной готовой картины или хотя бы начатой я не увидела, зато здесь даже второй этаж был. Лестница уводила на балкончик, к стеллажам с книгами, еще там стояли столик и стулья. Шагнула к мольберту, на котором уже подготовили чистый холст. Часть залы за ним была отгорожена темно-зелеными портьерами с ламбрекенами. Шагнула туда и раздвинула их в стороны.

Чтобы отпрянуть.

За пологом оказался камин и огромных размеров кровать, застеленная малахитовым атласом. Несмотря на то, что створки портьер уже

сомкнулись, я отступала, пока не налетела на мольберт.

Я не смогу этого сделать.

Нет.

Просто не смогу!

Развернулась и бросилась к двери, чувствуя, как тревожно пульсирует узор на запястье. Стоило взяться за ручку, как предплечье прошило болью и зелень полыхнула даже сквозь перчатку. Отдернув пальцы, задыхаясь, пыталась унять бешено колотящееся сердце и стремительно вращающийся перед глазами мир.

Всевидящий, должен же быть выход, хоть какой-нибудь выход, но… выхода не было. Точнее, был, но в него я действительно поползу, как мне обещал Орман.

Перевела взгляд на перчатку, чуть съехавшую на пальцах.

«Знал, что вы догадаетесь».

Взгляд сквозь прорези маски.

Маска!

Прикрыла глаза и прислонилась к стене. Отказаться позировать я не смогу, но могу предложить свои условия. Могу ведь? Если я не иду против долговой расписки, вреда она мне не причинит.

– Правильно, гадина? – поинтересовалась почти нежно, разглядывая припухший узор на запястье. Который на такие крамольные мысли никак не отозвался.

Додумать, правда, я их не успела.

– Вы все еще одеты? – Орман шагнул внутрь и захлопнул за собой двери.

От сюртука он избавился, но переодеваться не стал, оставшись в тех же брюках, рубашке и жилете, в которых заявился ко мне. Разве что сейчас он был босиком.

Очаровательно.

– Такой и останусь, – заметила я и сложила руки на груди. – До тех пор, пока вы не предоставите мне маску.

Он сложил пальцы на уровне лица, пристально глядя на меня. Расписка вела себя прилично, а значит… значит я получу маску, чего бы мне это ни стоило.

– Мы договаривались, что я буду вам позировать обнаженной, и я не отказываюсь это делать. Просто хочу быть уверенной, что в скором будущем мой портрет не окажется у кого-нибудь в гостях.

– Снова за старое, мисс Руа? – поинтересовался Орман. – Обнаженной – это значит безо всего. Ни масок. Ни клочка ткани. Вы. Должны. Быть.

Раздеты. Полностью.

Последнее слово он произнес, глядя мне в глаза. Лишая последней надежды на то, что удастся хотя бы прикрыть лицо. Понизив голос до тех хриплых интонаций, от которых вспыхнули щеки и стало нечем дышать.

– А впрочем, я готов пойти вам навстречу.

Готов? Он… Что?!

– Если вы пойдете навстречу мне и согласитесь кое-что надеть в дополнение к маске. Подойдите к комоду, мисс Руа, и откройте верхний ящик.

С вызовом встретила его взгляд и направилась к стене. Наверняка хочет предложить что-то вроде белья, о котором я читала в журнале у Лины. Она называла это пошлостью, а мне… в общем, даже понравилось. Как художнице: я бы такое нарисовала, хотя Лине в этом не призналась. Вэлейскую моду энгерийке понять достаточно сложно, но если верить автору статьи, для вэлейских модниц такое в порядке вещей. Ажурные чулочки, тонкое кружево белья, которое почти ничего не прикрывает… С другой стороны, либо обнаженной, либо так, что по сути одно и то же, а если лицо будет прикрыто маской, стыдно будет только мне самой. Очень стыдно.

Невероятно.

Но об этом больше никто не узнает.

С этой мыслью я потянула на себя верхний ящик комода и замерла.

В глубине его, свернувшись змеей, лежала веревка.

15

Веревка. Самая обычная веревка, больше в ящике не было ничего. Я выразительно моргала на нее до той минуты, пока за спиной не раздался насмешливый голос:

– Нелегкий выбор, мисс Руа?

Руки Ормана легли на ящик по обе стороны от меня, и от этой недопустимой близости по телу прошла дрожь. Возможно потому, что в памяти были еще отчаянно свежи мгновения сна, который вовсе не сон, в библиотеке. Как его ладони касались моих плеч, обнажая и стягивая платье.

– А если так?

В ящик с веревкой легла маска. Та маска, что была на нем: металлическая, отмеченная витой резьбой узоров.

Обернулась, чтобы впервые увидеть его наяву, и осознать, наверное, окончательно осознать именно в этот миг, что ни один из моих снов о нем сном не был. Лицо стоявшего передо мной мужчины в точности повторяло то, что он мне показал. Хищный разлет бровей и тонкие надбровные дуги,

высокие скулы, холод глаз. И линия подбородка, не украденная по краям маской – резкая, жесткая, подчеркивающая удивительно плавный контур губ. Сейчас, когда они не были сжаты в тонкую линию, я могла бы назвать его мягким.

Могла бы, если бы за спиной у меня не маячил ящик с веревкой.

– Вы сумасшедший! – выдохнула. – Хотите, чтобы я позволила себя связать?

– Хочу, мисс Руа. – У него даже голос изменился: стал мягче и выше, легкой хрипотцой скользнул по коже. – Очень. Но решать только вам.

Он оттолкнул ящик пальцами – обманчиво-легко, и тот захлопнулся. Орман отошел к мольберту, ступая так мягко, что даже дерево поглощало шорох его шагов. Вот только сейчас мне казалось, что именно так мог ступать тигр, готовящийся к прыжку и втянувший когти (каждый размером с мой палец).

– Раздевайтесь.

Сглотнула и отвернулась, стараясь не смотреть в сторону мольберта. Ни тем более в сторону комода, где в закрытом ящике поверх веревки лежала маска. Я ведь не думаю всерьез о том, чтобы на такое согласиться. Не думаю же? Оказаться перед ним не просто беспомощной, а полностью беспомощной. Связанной. Обездвиженной. Полностью в его власти.

Но тогда на мне будет маска.

Дрожащими пальцами сняла камею и коснулась пуговиц на груди. Они подчинялись неохотно, выскальзывая из прорезей одна за другой. Разозлившись на себя за эту идиотскую нерешительность, рванула платье вниз с такой силой, что оно жалобно треснуло. Орман хмыкнул, но я даже не обернулась. Просто выпуталась из наряда и аккуратно сложила на кушетку в изножье кровати.

Осталось самое сложное: нижнее платье, корсет, белье и чулки.

И дальше падать будет некуда.

– У вас красивые волосы, мисс Руа, – донеслось из-за спины. – Распустите.

Волосы! От осознания того, что пряди волнами лягут на плечи и спину, прикрывая их, а еще грудь, стало немного легче. Вообще-то разбирать такую прическу требовалось перед зеркалом, но зеркало здесь было одно, и вопреки всякой логике стояло у дальней стены. Чтобы заглянуть в него, нужно было пройти мимо Ормана, а этого мне хотелось меньше всего. Мне вообще не хотелось его видеть. Не хотелось на него смотреть. Если на мне будет маска, я смогу закрыть глаза, и…

Нет, я не буду об этом думать.

Нет!

Поспешно вытащила первую шпильку и швырнула на платье. Руки дрожали, пальцы запутались в волосах, шпильки переплелись в какие-то немыслимые закорюки (как я их вообще втыкала?), больно дергая волосы. Закусила губу, пытаясь вытянуть очередную, но она никак не желала поддаваться. Дернула посильнее, и…

– Ай!

По ощущениям, из меня выдрали клок волос, на глаза тут же навернулись слезы.

– Позвольте мне.

Орман перехватил мои руки прежде, чем я успела возразить. На удивление мягко потянул мешающую шпильку, и она поддалась, не зацепив ни единого волоска. Вторая тоже скользнула следом за ней. Третья, четвертая, пятая… Тяжелые пряди, освобождаясь, падали мне на плечи и на приподнятую корсетом грудь, огнем растекались по белоснежному полотну сорочки. Удивительно, но сейчас я чувствовала каждую так, словно уже была обнажена. Прикосновения легкие, и в то же время ощутимое, будоражили настолько, что мне снова пришлось закусить губу.

Правда, теперь уже по другой причине.

– Ладонь, мисс Руа.

Каркас моей прически лег в руку, стоило ее подставить. Только когда его пальцы обожгли ладонь, я поняла, что он так и не снял перчатки.

Босиком, но в перчатках.

Чудесно.

– Вы и писать так будете? В перчатках? – хмыкнула я, складывая шпильки на платье.

– Могли бы и поблагодарить.

– За что?

– За то, что не остались без своей роскошной гривы.

– Я вам не лошадь, месье Орман. И если бы не вы, моим волосам точно ничего бы не угрожало.

Обхватив себя руками, глубоко вздохнула и принялась распускать корсет. Петлю за петлей, шнурок за шнурком. Отложила к платью, дернула тесемки сорочки, и… подхватила ее, чтобы не позволить упасть раньше времени. Взгляд Ормана обжигал, пусть со спины, но обжигал так, что кожа по цвету почти не отличалась от моих волос в отблесках пламени. Что творилось с лицом, я даже представлять не хотела. По ощущениям, на щеках поселилось два миниатюрных солнышка, по одному на каждой.

Остались чулки, панталоны, и…

Плотно сжала губы.

Маска. Я все еще могу ее получить, если…

Если позволю ему меня связать.

По сути, что меняет эта веревка? Не сказать, что сейчас у меня более выгодное положение. Магия Ормана, которую я видела, которую я чувствовала во сне и наяву, была одуряющей. От воспоминания даже голова закружилась и замутило, словно давящая сила изумрудных плетей снова взметнулась над комнатой. Да захоти он что-нибудь со мной сделать, по щелчку пальцев спеленает меня каким-нибудь заклинанием. И пикнуть не позволит.

– О чем задумались, мисс Руа?

К насмешке в его голосе я уже почти начала привыкать.

– Я согласна, – сказала быстро. И повернулась к нему, чтобы встретить странный, пылающий золотом взгляд. Под этим взглядом во мне кончились слова и захотелось выйти в окно, невзирая на третий этаж и мое неглиже. О нет, этот взгляд не был страшным, но лучше бы он был таким.

Радужка его словно раскалилась, как спираль электрической лампочки.

Что это? Еще какая-то магия?

Додумать я не успела, потому что золотые искры растаяли без следа, возвращая его глазам привычный ледяной блеск. Неестественно светлые, как озеро под затянутым тучами небом, они казались погасшими. Неживыми.

– На что вы согласны, мисс Руа? – Голос его тоже звучал холодно.

Холодно и спокойно.

– На ваше предложение, – произнесла и поспешно добавила, чтобы не передумать: – Подайте маску.

– Подайте? – он усмехнулся, но все-таки шагнул к комоду. – Любите командовать?

Сделала вид, что последнее вообще ко мне не относится. Да, я знала, что еще об этом пожалею. Десять раз пожалею, а может быть даже одиннадцать, но это будет уже в моей мансарде, когда весь этот кошмар останется в прошлом.

Кошмар… Хм, звучит-то как. Сейчас я бы с удовольствием представила, что все это просто ужасный сон, и что когда я проснусь, ничего этого в моей жизни не будет. Ни метки, ни Ормана, ни масок, ни веревок, ни портретов. Стоит мне выйти из этого дома, и все останется в прошлом. Позировать ему до бесконечности я не собираюсь, пусть делает набросок, а дальше развлекается, сколько его душе угодно. Если, конечно, она у него вообще есть.

– Снова задумались, мисс Руа. О чем на этот раз? – он шагнул ко мне.

Маска в ладони напоминала слепок с его лица, отпечатанный в металле. Сама мысль о том, что придется надеть именно ее, почему-то показалась донельзя интимной. Все равно как если бы мне пришлось завернуться в его рубашку.

– О страшных снах, – хмыкнула, сбрасывая наваждение.

– Вот как. Что же именно?

– То, что все они имеют свойство заканчиваться.

Взгляд его заледенел, контраст скользнувшего по шее горячего дыхания был таким ярким, что я вздрогнула.

– Ошибаетесь. Некоторые кошмары длятся всю жизнь. – Маска легла мне на лицо. – Поднимите волосы.

Мне пришлось выпустить сорочку, теперь она держалась только на честном слове, то есть на моих разведенных в стороны руках. Когда затянутые в перчатки пальцы скользнули по шее, по телу прошла горячая волна. Особенно когда я осознала, что между нами преграды – несколько дюймов воздуха, неплотная ткань нижнего платья и его одежда. К счастью, он отодвинулся сразу, как только закрепил маску.

– Отвернитесь, – холодно сказала я.

– Вы не находите, что ваше смущение несколько неуместно? Через пару минут я увижу все и даже больше.

Мысленно ругаясь недостойными мисс словами, сама повернулась к нему спиной. Раздеваться так, когда прикрытое маской лицо горело под ней, почему-то было легче. Возможно потому, что я больше не чувствовала себя раскрытой в неподходящий момент, как книга неприличного содержания. Пришлось наклониться: потянула вниз чулки, затем панталоны, которые яростно затолкала под платье. Ну а теперь…

Теперь осталось просто снять эту демонову сорочку.

Просто сними ее, Шарлотта, точнее, просто разреши ей упасть. Глубоко вздохнула и выпрямилась, позволяя ткани скользнуть по плечам вниз. Волосы прикрывали спину и грудь, но я все равно обхватила себя руками.

– Что теперь?

Наверное, более идиотский вопрос придумать сложно, особенно в сложившихся обстоятельствах. Додумать, что было более идиотским – мой вопрос или согласие позволить себя связать, не успела: ящик комода громыхнул так, что я подпрыгнула и обернулась через плечо.

Орман с каменным лицом сжимал в руках веревку.

Причем держал ее так, словно не связывать меня собирался, а душить.

Пальцы сомкнулись вокруг витой змеи с силой растягивая в стороны. Каким чудом она не разлетелась лохмотьями, непонятно.

– Ложитесь, мисс Руа, – голос его звучал хрипло. Так хрипло, что у меня перехватило дыхание.

Я зажмурилась. И шагнула к кровати.

Темно-зеленый атлас напоминал густой цвет изумруда на черном бархате. Прохладный и гладкий, он небрежной лаской коснулся напряженной спины. От этого прикосновения по телу прошла дрожь, которая только усилилась, когда Орман опустился на край кровати рядом со мной. Подавив малодушное желание зажмуриться, лишь сильнее сдвинула колени и обхватила себя руками, прикрывая грудь. Вздрогнула, когда краешек веревки скользнул по сгибу локтя, а следом по животу.

– Прекратите это, – выдохнула я. – Немедленно.

– Прекратить? – В радужке вспыхнули золотые искры. – Уверена, что ты этого хочешь, Шарлотта?

От низкого голоса, а может, от бессовестно-откровенного взгляда, повторяющего движение веревки, я снова вспыхнула. Вся.

– Уверена. Хочу, чтобы все это поскорее закончилось, – вложила в голос столько холода, сколько во мне набралось за всю жизнь. Вздернула подбородок, возвращая ему жесткий взгляд. – Надеюсь, так и случится.

Золото искр растаяло.

– Надежда – опасная штука, мисс Руа, и зачастую приводит к ненужным разочарованиям. – Сейчас его тон ничем не напоминал звучавший несколько мгновений назад, слова крошились между плотно сжатых губ с ледяным хрустом. – Руки наверх.

– Что?

– Поднимите руки над головой.

Мысленно содрогнувшись, заставила себя отлепить ладони от груди. На моих глазах веревка разделилась на две части, точнее, их оказалось две. Одна покороче, другая подлиннее, если так можно выразиться о свернувшихся кольцами змеях.

Орман подался вперед, стягивая мои запястья. Я избегала на него смотреть, но не смотреть на мужчину, который оплетает веревками твои руки, достаточно сложно. Поэтому уставилась ему в плечо: туда, где кромка жилета вонзается в рукав рубашки. Орман почти меня не касался, только веревкой. Удивительно мягкой, несмотря на плотные путы, слегка давящие на кожу.

– Сожмите ладонь. – Затянутые в перчатку пальцы скользнули по моим.

Я подчинилась, слегка обхватив его пальцы ладонью.

– Можете отпускать. Скажете, если будет неприятно.

– Мне не больно. – Судорожно вздохнула и облизнула пересохшие губы.

– Больно и неприятно – разные вещи. Впрочем, если будет больно, скажете тоже. – Он внимательно посмотрел на меня. – Хотите пить?

– Нет.

Неприятно действительно не было, и больно тоже, а как было… Я вдруг отчетливо поняла, что скольжение перчаток по ладони вызывает странное, дикое чувство – продлить это прикосновение. Возможно, поэтому слишком поспешно разомкнула руку.

Он коснулся второй веревки, а она коснулась меня. Движение по плечам, по спине, плотные стяжки узлов, ложащиеся на кожу. Кожу, которая снова и снова вспыхивала огнем, когда ее касалась шероховатая поверхность или перчатки. Вздрогнула, почувствовав, как веревка обхватывает грудь. Переплетаясь и стягиваясь в узор на границе соединения ребер.

В следующий миг его пальцы коснулись кожи, когда он потянул веревку в стороны.

– Что вы делаете? – Теперь уже мой голос звучал так, словно я напилась холодного лимонада.

– Проверяю узел.

Осознав, что вот уже несколько минут всматриваюсь в стягивающие меня путы, моргнула. Перевела растерянный взгляд на Ормана, но он на меня не смотрел. В густых, зачесанных назад волосах, просвечивала серебряная прядь. Впрочем, серебряная – это сказано сильно, она напоминала впитавшийся в волосы иней, растопить который не способно даже самое яркое солнце.

Странное желание прикоснуться, чтобы почувствовать ее холод, списала на временное помешательство. Равно как и желание потянуться за его рукой, чтобы почувствовать совсем другое прикосновение. Скольжение не веревки, а его пальцев – без перчаток, как во сне. Снова ощутить на своих плечах этот жар, от которого все внутри сжимается… так бессовестно-сладко. Впрочем, жара и так было достаточно: чем ниже опускались путы, тем сильнее полыхало лицо. Так, что маска только чудом не стекала по щекам на постель.

– Вы что, собираетесь меня стреножить? – поинтересовалась язвительно, когда веревка легла на бедро.

– Вы же сами сказали, что вы не лошадь. – Это прозвучало

бесстрастно. – Не дергайтесь, мисс Руа.

– Я и не собира-а-а-ах… – Плотный узел скользнул между ног, и по венам плеснул огонь. На миг я утратила дар речи, дыхание вернулось с бешеным ударом сердца, отозвавшимся в висках. Выдох вышел прерывистым, больше похожим на стон.

– Вы что творите?! – процедила я.

– Заканчиваю узор.

Орман затянул очередной узел и отступил. Взгляд – сосредоточенный и хищный, снова скользил по нахлесту веревок: с тем же успехом он и правда мог оценивать лошадь или готовую картину. От осознания этого, от осознания собственных мыслей и ощущений захотелось провалиться сквозь кровать. На первый этаж и ниже, куда-нибудь очень глубоко. Вместо этого я судорожно вздохнула и отвернулась.

На темно-зеленом атласе волосы полыхали огнем, но хуже всего было то, что огнем полыхала я. От кончиков пальцев ног до макушки, томительная тяжесть собиралась в самом низу живота. Незнакомая, острая, от которой хотелось тянуться за прикосновением веревки, сильнее вжиматься в нее, чтобы снова почувствовать то же, что и минуту назад.

Скрежет ножек по полу: Орман подвинул стул к мольберту.

Ощущение беззащитности и бесстыдной, раскрытой позы заставляло сгорать от стыда. По телу волнами прокатывалось тепло, хотя пасть камина оставалась темной. Оплетающие меня путы почти не стесняли движений (разве что руки были надежно «прикованы» друг к другу), но я все равно замерла. Там, где узел легко касался чувствительной точки, рождалось сладкое и бессовестное желание, заставившее до боли закусить губу.

Попыталась отрешиться от охвативших меня чувств: сглотнула и закрыла глаза, но стало только хуже. В тишине мое участившиеся дыхание и биение пульса сливались с шорохом графита. Звучащим сильнее и яростнее, чем мне когда-либо доводилось слышать. Там, где тела касалась веревка, словно протянули огненные нити. Нити, не причиняющие боли, легко покусывающие кожу узлы, заставляющие желать этих непристойных ласк, как ничего и никогда раньше. Как… как я могу этого хотеть? Почему так откровенно отзываюсь на каждое едва уловимое движение, словно вся состою только из ощущений?

Бесстыдных, безнравственных, беспорядочных… и будоражащих.

Сжала пальцы так, что ногти впились в ладони, но не помогало. Протянутая между ног веревка касалась нежной кожи раскрытых складок, грудь стала невероятно тяжелой и ныла. Один раз я попыталась свести ноги, и тут же об этом пожалела – узел так чувствительно впился в

горящий бугорок, что у меня перехватило дыхание. Но что самое дикое, мне отчаянно, до одури хотелось коснуться себя, повторяя его след пальцами. Повторяя и продолжая, впитывая это порочное прикосновение всей кожей.

В отличие от меня, Орман явно чувствовал себя замечательно: с бесстрастным лицом скользил взглядом по моему телу. От вытянутых над головой рук, по напряженным соскам, животу и разведенным бедрам, по линии ног – до кончиков напряженных пальцев. Время тянулось медленно, по крайней мере, мне казалось, что прошел год. Или целая вечность, а может быть, две, когда он отложил карандаш и поднялся.

– На сегодня, пожалуй, хватит.

На сегодня?!

– Не надейтесь, что я приду к вам еще раз, – отрезала жестко, когда он шагнул ко мне.

– Придете, – он провел пальцами по моему запястью. – Когда я позову.

– Мы договаривались…

– Что вы будете мне позировать. Вам же понравилось.

Затянутая в перчатку рука скользнула по внутренней стороне бедра, стирая влажный след.

Впрочем, этого он мог и не делать, я и без того чувствовала себя влажной.

Влажной, раскрытой, порочной. Низ живота сводило от желания продолжать, осознание того, что он прав, накатило волной. А вместе с ним накатил стыд: такой, какого я в жизни никогда не испытывала. Ни разу, даже в день, когда меня обвинили в списывании и отшлепали линейкой.

– Что. Вы. Со мной сделали?! – процедила. – Что не так с этой веревкой? Это тоже какая-то магия?

– Никакой магии, мисс Руа, – Орман подцепил пальцем узелок на бедре, и это прикосновение отдалось жаркой, удушливой волной во всем теле. – Просто наслаждение, которое можно себе позволить с помощью банальных подручных средств.

Банальных?

Чувствуя, что близка к истерике, сжала кулаки.

– Вы должны были меня предупредить!

– Я вам ничего не должен. А вот вы мне… – он провел пальцами по моим губам, оставляя на них мой вкус.

От собственнического жеста, от понимания, что все еще не закончилось, что это унижение придется пережить снова, а может быть, от взгляда, полного превосходства, потемнело перед глазами. Рванулась и

забилась: отчаянно, яростно, пытаясь вырваться из оплетающих меня пут. Веревка тут же вспыхнула изумрудными искрами и развалилась на несколько частей, равно как и стягивающие руки оковы, сменившиеся оковами пальцев Ормана на плечах.

– Пустите. Уберите руки! Немедленно! – с силой оттолкнула его и вскочила. Обрывки змей остались лежать на кровати. – Не смейте больше прикасаться ко мне. Никогда!

– Никогда – это слишком долго, мисс Руа. Я буду к вам прикасаться… как не прикасался никто.

Я сорвала маску и швырнула ему под ноги.

– Для этого тоже воспользуетесь долговой распиской?

Взгляд его заледенел.

– Мне нет нужды принуждать вас к тому, о чем вы попросите сами.

– Не попрошу, – сказала я. – Разве что в страшном сне.

Слова сорвались с губ раньше, чем я успела их остановить, а Орман все-таки улыбнулся. Улыбнулся так, что по коже прошел мороз: уголки губ, стянутых в тонкую линию, просто приподнялись. Подчеркивая резкую линию подбородка и вмиг ставшие хищными черты лица.

– В страшном сне, Шарлотта? – Он коснулся пальцами моего подбородка, глядя мне в глаза. – Это можно устроить.

Часть 2
Натурщица

1

Наверное, стоило поехать домой, но я просто не могла туда вернуться. Особенно сейчас, когда воспоминания о разговоре с Ирвином были еще слишком живы, поэтому я решила пройтись. Отказавшись от предложения меня отвезти или нанять экипаж (упаси Всевидящий принимать еще какую-нибудь помощь от Ормана), направилась в засыпающий под чарами поздней осени парк. Поймать здесь кэб было нереально: извозчики не забирались в Дэрнс просто потому, что им было нечего здесь делать. Все, кто жил в этом районе, держали личные экипажи, или же мобили, как например, его светлость де Мортен.

Я нарочно перешла на другую сторону улицы, чтобы не оказаться под его окнами. Конечно, рассчитывать на то, что мы случайно столкнемся с герцогиней и тем более что она меня узнает, было по меньшей мере глупо, но я все равно не исключала такую возможность. Меньше всего мне сейчас хотелось оказаться лицом к лицу с ее светлостью, которая задастся вопросом, что же я здесь делаю. Щеки до сих пор пылали, как и все тело под слоями одежды, а обещание-приговор до сих пор звучало в ушах, заставляя бессильно сжимать кулаки и проклинать тот день, когда судьба свела меня с Орманом.

Опустилась на скамейку и запрокинула голову. Небо во второй половине дня прояснялось: облака истончались, на месте разрывов просвечивала голубая пастель. Удивительно, но когда я поинтересовалась у иньфайца о времени, он сообщил, что едва минуло три. Учитывая, сколько всего произошло, связанной я пробыла едва ли более получаса. Полчаса, которые показались мне бесконечными. Воспоминания об этих минутах, о минутах бессовестного наваждения, до сих пор отзывались стыдом.

«Мне нет нужды принуждать вас к тому, о чем вы попросите сами».

Прижала ладони к горящим щекам, глядя на расчищенные дорожки. Они петляли между деревьев, усыпанные аккуратными лавочками и шпилями фонарей. Сквозь обнаженные остовы просвечивала тоненькая ленточка Ирты и набережная. Отвернулась, чтобы даже не смотреть в сторону, откуда пришла. А я ведь действительно желала этих прикосновений. Желала так сильно, так яростно – чтобы он коснулся меня

там, внизу. Продолжая жестокую ласку и унимая этот пожар.

Всевидящий, как же низко я пала…

Впрочем, проникнуться своим падением мне еще предстоит: если за полчаса я превратилась в чувствительную, подвластную порочным желаниям куклу, что со мной будет в следующий раз? От метки так просто не избавиться, а Орман меня не отпустит. Не отпустит, пока не наиграется.

«Потому что ты моя любимая игрушка».

Сказанные во сне слова заставили содрогнуться.

Сон.

Вот что мне предстоит в самое ближайшее время. Сколько я смогу не спать? Учитывая, что сегодняшнюю ночь провела в полудреме, уже сейчас у меня начинали слипаться глаза. А что со мной будет к вечеру? Но даже если сегодня получится напиться крепкого чая, и не спать снова… это случится завтра, послезавтра или через несколько дней. Да и какая я буду после на занятиях с Илайджей?

Нет, надо что-нибудь придумать.

И придумать прямо сейчас.

Озарение пришло так неожиданно, что я подскочила. Сжимая в руках ридикюль, решительно зашагала к мосту, ведущему на другую сторону района. Не просто зашагала, почти побежала: мне нужно было успеть в центр. В единственную работающую по воскресеньям аптеку, в которой мы случайно оказались с леди Ребеккой, когда мигрень застала ее на прогулке. В тот вечер ей пришлось воспользоваться приготовленными самым обычным аптекарем каплями, и они помогли ничуть не хуже целительских. Правда, стоило нам добраться домой, она тут же их выбросила и сказалась ужасно больной, но…

Мне-то точно выбирать не приходилось.

Я мало знала о снах, зато хорошо помнила, как набегавшись и наигравшись у побережья, падала в постель и засыпала. Так крепко, что разбудить меня не мог даже яркий свет, ни ворчание няни, называющей меня поросенком, не желающим даже расчесаться. И уже совершенно точно в такие ночи мне ничего не снилось: едва сомкнув глаза я открывала их на следующее утро под трели птиц.

А значит, все, что мне нужно – снотворное.

По главной улице Дэрнса (собственно, их здесь было всего три), я не шла, а летела. Почему, ну почему эта мысль не пришла в голову сразу? Тогда я бы даже согласилась, чтобы Тхай-Лао отвез меня в город. Дыхание сбивалось, в боку начинало колоть, и тогда приходилось переходить с бега на быстрый шаг. А потом снова его ускорять. До той поры, пока роскошь

особняков, окруженных не садами, а самыми настоящими парками, не сменилась привычным холодом камня и домами попроще. От одного такого как раз отъезжал кэб, и я бросилась за ним:

– Стойте! Постойте! Подождите пожалуйста!

Извозчик натянул поводья и нехотя обернулся: из-под кустистых бровей на меня уставились хмурые глаза. Он что-то жевал, поэтому речь его была невнятной, со «съеденными» буквами.

– Чего ж тк крчать-то?

– Мне очень нужно попасть в центр! – выпалила, задыхаясь. Взялась было за ручку, но тут меня огорошили:

– Я сегдня бльше не бру пассажиров, мисс.

– Пожалуйста! – выдохнула я. – Я заплачу вдвое больше.

– Вчетверо, – извозчик перестал жевать и ухмыльнулся в усы. – Останавливаться больше не буду, а если уж везу, придется за все четыре места заплатить.

Мысленно прикинула: сейчас, должно быть, уже около пяти, если не больше. Аптека работает до семи, это я точно помню – пока леди Ребекка разговаривала с аптекарем, я рассматривала вывеску. Ждать, искать новый кэб (который еще необязательно появится вскоре, или что в нем будут свободные места)?

– Хорошо!

– И деньги вперед. Две сотни фэнтингов.

– Половину суммы, – хмыкнула я. – Вторую половину отдам на месте.

Извозчик прищурился, но все же, когда я вложила ему в руки две бумажки, кивнул:

– Полезайте. И смотрите, держитесь там крепче. Будет трясти.

Не знаю, куда он опаздывал, но нас и вправду трясло. Впрочем, сейчас меня это полностью устраивало, особенно то, что мы не останавливались и влетели в центр на полном ходу. Сумерки уже размыли очертания города, понемногу начали зажигаться фонари. Наспех сунув извозчику еще две бумажки, вылетела из кэба чуть ли не под колеса мобиля. Гудок клаксона заставил подпрыгнуть, но я даже не остановилась, бросившись в проулок, ведущий на нужную мне улицу.

Память не подвела, витрина призывно светилась в темноте, а табличка гласила, что аптека все еще открыта. Запыхавшаяся и раскрасневшаяся, под звон дверного колокольчика влетела внутрь. Мгновенно окунувшись в травянисто-лекарственные запахи, которыми здесь были пропитаны и деревянные панели, и скрипнувший под ногами настил, и даже полочки со склянками. Аптека была большой: здесь размещалось несколько прилавков,

а от обилия пузырьков запестрело перед глазами.

– Чем могу помочь, мисс? – невысокий худой аптекарь шагнул мне навстречу из подсобного помещения.

– Я очень плохо сплю. Мне нужно очень сильное средство.

– Бессоница? – он прищурился. – У такой молоденькой девушки?

– Просто переутомилась, – соврала, не моргнув глазом. – Работаю гувернанткой, приходится засиживаться допоздна, а потом никак не могу уснуть.

Мои откровения он воспринял как-то скептически, но дальше расспрашивать не стал. Подошел к дальней полке и снял с него небольшой пузырек с ярлычком.

– Вот. Самое сильное, что у меня есть. Думаю, не только у меня, но и во всем Лигенбурге. Пяти капель достаточно, чтобы проспать всю ночь, как младенец.

– Пяти капель?

– Да, оно на основе магического зелья на весском порошке. Зелье заказываю у целителя, – не без гордости произнес он. – Специально для мгновенного погружения в глубокий сон.

– Кошмары сниться не будут? – прищурившись, уточнила.

– Мисс, после использования магических настоев сны исключены, – аптекарь, казалось, искренне оскорбился. – Наносите пять капель на кожу, уже в постели, а просыпаетесь на следующее утро. Свежей и полной силой.

Вот это именно то, что мне нужно!

– Давайте, – выдохнула я.

– Пятьсот фэнтингов.

– Пятьсот?!

Нет, конечно, средства на основе магических зелий всегда дороже, но… но после поездки у меня осталось всего триста пятьдесят.

– Конечно, дороговато, но результат того стоит. А главное, никаких побочных эффектов.

– А что-нибудь попроще есть? – спросила я.

– Сегодня, к сожалению, нет, – осознав, что покупать не буду, аптекарь стремительно потерял ко мне интерес. Тем более, что за спиной звякнул колокольчик и вошла другая покупательница. – Завтра буду готовить новую партию обычного, без магии. Приходите к обеду.

Он развернулся ко мне спиной и направился к пожилой даме в мехах, державшей на руках маленькую собачку.

– Чем могу помочь?

– О, мне нужно…

В их разговор я особо не вслушивалась, с каждым шагом аптекаря, уводившим даму к другим стеллажам, снотворное от меня уплывало. А вместе с ним и призрачный шанс вырваться из цепких лап Ормана.

Мне захотелось побиться головой о стену, но перед глазами маячило только окно-витрина. За которым мерцали огоньки фонарей, а еще… еще горел свет за стеклянными дверями, над которыми крупными буквами было написано: «Ломбард», и висела вывеска «Открыто».

Пару мгновений я моргала на нее, а потом коснулась мочек ушей. Набор, который подарила леди Ребекка, стоил сто восемьдесят анталов. Баснословная сумма, за неделю у Вудвордов мне платят двадцать. Но если я сейчас заложу украшения, то смогу получить снотворное. В конце недели граф отдаст мне жалованье, и я верну подарок. Как раз перед балом, чтобы надеть к платью, которое одолжит Лина.

Минуты на размышления хватило, я решительно шагнула из двери в двери, не позволив морозу даже куснуть меня за щеки. Ломбард был втрое меньше аптеки, за прилавком сидел мужчина с залысинами и читал газету. Колокольчик у двери надрывно звякнул, но приемщик поднял голову лишь когда я подошла к нему. Молча наградил меня хмурым взглядом: судя по всему, ему совсем не нравилось сидеть за конторкой в такое время в воскресенье.

– Мне нужно заложить это, – расстегнула серьги и положила их на прилавок.

Мужчина подвинул артефакт ближе и достал монокль. С минуту он рассматривал серьги, вертел их и так, и этак – а я то и дело оглядывалась на аптеку, потом посмотрел на меня. Пристально разглядывая, словно пытался понять, не стащила ли я их у кого-нибудь.

– Дам тридцать анталов, – сообщил сухо. – За две недели не выкупите – продам. Устраивает?

Хотела сказать, что серьги стоят дороже, но прикусила язык. В конце концов, мне не нужны деньги, я все равно собираюсь их вернуть в самое ближайшее время. Главное, что на снотворное хватит.

– Согласна, – кивнула.

Мужчина нагнулся под конторку, выругался и поднялся.

– Бланки расписок закончились, – швырнул газету так, что она чудом не разлетелась листами. – Ждите. Сейчас принесу.

Он скрылся за дверью, а я снова оглянулась на аптеку. До закрытия оставалось всего-ничего: минут пятнадцать, дама с собачкой уже расплатилась за покупку и вышла. Аптекаря не было видно, он снова ушел в подсобку. Что, спрашивается, я буду делать, если он решит закрыться

чуть пораньше?

Глубоко вздохнула и подтянула к себе газету.

«Новое убийство», – гласил заголовок на первой странице.

На этот раз жертвой стала Адель Соренсен, молодая прачка из Гарберстона. Она приехала в Лигенбург на заработки, но успела проработать всего полтора месяца. Ее жизнь оборвалась столь же трагично, сколь и пугающе. С убитой ранее Вирджинией Фолкнер, горничной, их объединяет бедность, юность (Адель недавно исполнилось двадцать) и то, что вокруг шеи девушек были обернуты мертвые змеи. В полиции отказываются давать комментарии по этому поводу, но такие совпадения крайне подозрительны. Похоже, мы имеем дело с серийным убийцей.

Хлопнула дверь, но я почему-то не могла отвести взгляд от газеты. Вспомнились слова Эби про дочку ее знакомой, Маргарет, и день, когда мальчишка-разносчик сунул нам с Линой под нос листок с жуткой новостью.

– Мисс! Эй, мисс! – приемщик хлопнул передо мной пахнущую типографской краской расписку. – Вот сюда впишете свое имя, здесь поставите подпись. А еще здесь, где указано: «В случае несоблюдения сроков претензий по невозврату не имею».

Я быстро пробежала листок глазами, поставила подписи, и мужчина выложил на стол банкноты. Расстояние от ломбарда до аптеки не увеличилось, но сейчас я почему-то умудрилась замерзнуть, пока переходила дорогу. Несмотря на то, что пальто было действительно теплым.

Вернувшийся из подсобки аптекарь приподнял брови, когда увидел меня.

– Желаете что-то еще?

– То же самое, – я достала деньги.

Получив снотворное, снова вышла на улицу. До остановки омнибуса идти было долго, но за сегодня я и так потратила непростительно много, чтобы снова нанимать кэб. Улочки центра вечером в воскресенье были полны людей, город уже начали украшать к Празднику Зимы, оплетая фонари светящимися в темноте жгутами-артефактами. Раньше это неизменно поднимало настроение, но сегодня совсем не радовало. По коже мороз шел, стоило вспомнить скупые холодные строки из-под пера журналиста.

Кому и зачем потребовалось убивать этих девочек? И тем более оборачивать вокруг шеи змей?

Содрогнулась, представив страшную картину, плотнее запахнула пальто.

Пока дождалась омнибуса, пока добралась домой, город окончательно утонул в ночной синеве. Хотя в нашем районе точнее было бы сказать, в ночной черневе. Обычно я не возвращалась так поздно (занятия с Илайджей заканчивались днем), и сейчас приходилось постоянно смотреть себе под ноги, чтобы не споткнуться о выскочивший из мостовой камень или обо что-нибудь еще. Или кого-нибудь. Я обошла мужчину (чьи ноги перегородили дорожку), бессвязно бормочущего ругательства, чередуя их с глотками прямо из бутылки.

Спустя несколько ярдов, пошатываясь, навстречу попались двое рабочих.

– Куда это вы так торопитесь, мисс? – Один попытался схватить меня за руку, но я шустро отпрыгнула в сторону и ускорила шаг.

Лишь однажды оглянулась, чтобы убедиться, что они не идут за мной следом. Они не шли, но легче почему-то не становилось. Неосвещенные улицы растянулись бесконечными туннелями, до которых не дотягивались ни огни с реки, ни мерцание звезд. Стареющая луна обгрызанным калачом висела на небе, и света от нее было, как от израсходованного артефакта.

Да что со мной происходит?

Я же никогда не боялась темноты и не боялась здесь ходить. Снова оглянулась за спину, а потом…

– Ай!!!!

Ко мне метнулось странное светло-серое облако, и разом стало еще холоднее. Мир перед глазами померк, становясь пепельным. Бесцветным. На миг, что я хватала ртом воздух, из него вытянуло всю яркость, а после жизнь снова обрела краски. Огоньки окон вдалеке замерцали насыщенно-желтым, и я припустила к дому с такой скоростью, какой за собой раньше не замечала. Рискуя запутаться в юбках и свалиться прямо на мостовую, влетела за двери с бешено колотящимся сердцем. Захлопнула их и перевела дух.

М-да, Шарлотта, твоя храбрость не знает границ. Чего только не померещится со страху.

Мальчишка-беспризорник опасливо зыркнул из-под лестницы: не прогоню ли, а когда я протянула ему купленную по дороге на остановку булку с морковкой и яйцом, схватил ее и жадно принялся есть. На удивление просто получилось смириться с тем, что осталась без ужина (а заодно и без обеда), а вот со случившимся на улице так просто не получалось.

Я до сих пор чувствовала тянущийся по коже холод, неживой, странный, и видела перед глазами мир, лишившийся красок. Поднимаясь по лестнице, обхватила себя руками, стараясь избавиться от пугающего чувства.

Впрочем, стоило мне шагнуть в квартиру, все мысли разом вылетели из головы.

На столе, рядом с вазой, лежали увядшие розы. А на полу – шарфик. Шарфик из солнечной Рихаттии, который Ирвин привез мне в подарок. Шарфик, который он помогал мне надеть за несколько секунд до того, как…

К горлу подкатил ком.

Ком, предательски расползающийся по груди, мешающий дышать и обжигающий глаза слезами. Привалившись к стене, я сжимала и разжимала кулаки, пытаясь прийти в себя. До той минуты, пока взгляд не прояснился и не стало легче дышать.

Так-то лучше. Сейчас не время разводить сырость, Шарлотта.

Мисс Дженни где-то загуляла, поэтому я просто положила в блюдечко остатки вареной курицы и оставила окно приоткрытым. Переоделась в домашнее, стараясь не смотреть на розы, которые так и не дождались воды.

Мне отчаянно хотелось принять ванну, чтобы смыть с себя прикосновения Ормана, веревки и все воспоминания о прошедшем дне, но увы. В общей комнате для умывания был только душ, прогретая вода из которого всегда почему-то шла с запахом прогорклого масла. Впрочем, сейчас это был самый желанный запах на свете. Все, что угодно, только не сандал.

Я терла себя мочалкой, пока не покраснела кожа и пока за дверью не начали стучать с требованиями освободить ванную.

Вернувшись к себе, даже не села за планы для Илайджи. Подхватив шарфик, бережно положила на подушку и устроилась рядом. Шелк клубился по грубой наволочке, стекая на покрывало. Подарок Ирвина пах пряностями и солнцем, а еще нежностью. Нежностью его прикосновений, нежностью его внимания, нежностью наших общих воспоминаний, которых никому не отнять.

Осторожно коснулась струящихся складок пальцами, погладила их и открыла пузырек со снотворным.

Как там сказал аптекарь? Пять капель?

Осторожно нанесла их на кожу и втерла легкими, массирующими движениями (так он посоветовал сделать, чтобы быстрее заснуть).

– Спокойной ночи, Ирвин, – прошептала, подтянув шарфик к себе.

И закрыла глаза.

2

Это был странный дом. Я совершенно точно в нем никогда не бывала, и уж точно никогда раньше не ступала по жестким, удивительно тихим половицам. Чувство было такое, что они поглощают звук моих шагов, зато сердце стучало в два раза громче, и так же оглушительно с губ срывалось дыхание. Здесь едва уловимо пахло свежим деревом и лаком, витраж под лестницей сверкал новыми стеклами. Блики от приглушенных плафонами светильников-артефактов падали в затемненные грани.

Перила под пальцами были теплыми, особенно столбики, которые венчали эти светильники. Я поднималась по ступенькам, с каждым шагом чувствуя себя все более странно. Поворот – и новый виток лестницы, уводящий наверх. Еле слышный шорох юбки, длинный коридор: здесь темнота обступала со всех сторон, только из-под приоткрытой двери лился уютный приглушенный свет. Я направилась туда, повинуясь непонятному притяжению, природу которого объяснить не могла. Толкнула дверь и оказалась в спальне: небольшой, похожей на мою комнату в доме виконта Фейбера.

Разве что моя была не такой темной: здесь преобладал темно-сиреневый, а еще серебро. Кровать с высокими столбиками, комод с застывшим над ним зеркалом, стул и ничего больше. Ни туалетного столика, какой принято ставить в комнатах леди, ни мужского секретера. Тяжелые фиолетовые портьеры стелились по полу, лаская его бархатом складок.

– А-а-ах! – стон был таким громким, что я вздрогнула.

Вздрогнула и замерла напротив распахнутой дверцы небольшой комнатушки. Я не заметила ее сразу, потому что она осталась за приоткрытой дверью, за моей спиной, когда я вошла. Небольшое помещение, вполне сносное, чтобы там разместить гардеробную, или превратить его в кладовку.

Стон повторился – глубокий, низкий, гортанный, больше похожий на длинный выдох или на крик. Помедлив, коснулась пальцами дверцы, раскрывая створки. Шагнула внутрь, и свет за спиной погас. Так резко, что я дернулась назад в комнату, и… уперлась ладонями в глухую стену. В тот же миг под ногами вспыхнула огненная полоска, от которой я отпрыгнула, как от змеи.

Отпрыгнула и медленно повернулась: она появилась из разреза дверей, возникших словно из ниоткуда. Сердце бешено колотилось, я неуверенно коснулась теплого дерева, и, повинуясь странному чувству, приникла к

тоненькой щелочке. Чтобы увидеть мастерскую Ормана, утонувшую в приглушенном полумраке. Освещал ее только светящийся шар, паривший над мольбертом.

На кровати лежала девушка в маске, заведенные над головой руки стягивала веревка. Несколько раз обернутая вокруг тонких запястий, она крепилась мощным узлом. Вторая оплетала хрупкое тело лианой. Скользила по плечам и рукам, несильно перетягивала грудь, делая ее похожей на два небольших холмика. Узор растекался по девушке паутинкой, это было дико, и…

Красиво.

К щекам прилила кровь, когда я увидела сплетения на бедрах. И узелок, чуть пониже аккуратного треугольника волос. От этой картины потемнело перед глазами, а может быть, перед глазами потемнело от ощущения рождающейся внизу живота пульсации, которую хотелось продлить… или усилить. Пальцами.

Девушка кусала губы, и откровенно, бессовестно выгибалась. Сводила бедра, вжимаясь в бессильные подарить ей наслаждение веревки. С ее губ срывались бессвязные стоны, а тело плавилось на простынях, и жар его словно передавался мне. Да что там, каждое движение передавалось мне, я снова чувствовала веревку и отзывалась на ее прикосновения.

В мастерской неожиданно вспыхнул свет, и ночь превратилась в день.

А девушка… этой девушкой была я сама: рыжие волосы расплескались по подушкам, пальцы рук судорожно сжимались, когда она… то есть я, выгибалась на простынях.

Осознание этого заставило отшатнуться, зажимая руками рот.

Я отступала до тех пор, пока не наткнулась спиной на стену и не упала в пустоту. Падение оказалось недолгим и закончилось на кровати, в мастерской Ормана. Я снова была оплетена паутиной веревочного узора, как рыболовной сетью, а он склонялся надо мной, без труда удерживая заведенные над головой руки. Набалдашник трости коснулся моих губ, размыкая их.

– Соскучилась, Шарлотта? – глаза его потемнели, как грозовое небо. – Добро пожаловать в свой страшный сон.

– Нет, – прошептала я. Даже не сразу поняла, что вслух. – Нет-нет-нет.

А как же снотворное?

– Понимаешь ли, – Орман устроился на кровати рядом со мной, – снотворное может помочь тебе заснуть… и помешает проснуться. Но оно не помешает тебе видеть сны.

Набалдашник скользнул по ключице, остановившись у преграды

веревки.

– Сны, не стесненные условностями и предрассудками.

Дернулась, но тщетно: пальцы на запястьях словно превратились в оковы, а хуже всего было то, что вырываться мне не хотелось. По краю сознания мелькнула мысль – и ради этого я заложила сережки? – но тут же растворилась в прикосновении набалдашника к напряженному соску. Это вышло так остро, что сорвавшийся с губ стон эхом отразился от стен.

Низкий, глубокий, порочный.

– Отпустите! – выдохнула я и закусила губу.

– Ты действительно этого хочешь, Шарлотта? – хриплые нотки в его голосе отозвались во мне диким, неправильным предвкушением.

– Да! – вытолкнула яростно. – Хочу, чтобы вы оставили меня в покое. Хочу, чтобы вы исчезли! Хочу, чтобы вас никогда не было в моей жизни!

– Очень жаль тебя разочаровывать. – Трость скользнула ниже, по животу. – Во сне у нас будет столько времени, сколько я пожелаю. А главное…

Набалдашник коснулся узелка между моих ног, и из груди выбило воздух.

– Тебе не грозит нарушение кровообращения, даже если этот сон превратится в вечность.

Он легко перехватил трость поперек шафта, давление на узелок пропало, а я едва не застонала от разочарования.

– Ненавижу!!! – процедила, когда снова смогла дышать. – Ненавижу вас! Ненавижу!

– Когда передумаешь, скажешь. А пока продолжим.

Набалдашник скользнул наверх. Медленно, легко, заставляя кусать губы и желать только одного – чтобы он вернул его туда, вниз. Холод металла и обжигающий узор веревки, сквозь незнакомые, будоражащие ощущения я пыталась сосредоточиться. Ведь если у меня однажды получилось войти в сон, должно же как-то получиться выйти! Представила комнату, свою маленькую мансарду, где засыпала, чтобы оказаться там, но тщетно. Музей искусств – тоже. Улицы Лигенбурга, кухню Фейберов – бесполезно. Да что там, я даже «одеть» себя не могла, опутанная сетями сна.

Ни сбежать, ни даже проснуться.

Потому что я использовала это дурацкое снотворное!

– Не переживай, Шарлотта. – Орман скользнул взглядом между разведенных бедер, заставляя меня вспыхнуть. – Я бы все равно не позволил тебе сбежать. Управлять собственными снами – не значит

постичь гааркирт, позволяющую любого сделать пленником сна. Я этому учился долгие годы.

– Рада за вас!

Кожа стала безумно чувствительной, от воспоминаний о прикосновении трости к соску внутри все сладко сжалось, и я закусила губу. Стоило мне об этом подумать, как набалдашник обвел ареолу, а лакированный шафт скользнул по чувствительной вершинке.

Вверх.

И вниз, цепляя его металлическим узором, от чего меня выгнуло дугой.

Не стану. Я не стану об этом думать, я могу с этим справиться.

Закрыла глаза, стараясь глубоко дышать. Не обращать внимания на ласкающую тело веревку и трость, на то, как наливается грудь, а между ног снова становится горячо. Сердце колотилось о ребра, дыхание сбивалось. Я пыталась считать овец, барашков, коров, сворачивающих себе шею Орманов, но помогало смутно. Желание с каждой минутой разгоралось все ярче, заставляя плавиться на простынях. Как они подо мной еще не загорелись, большой вопрос.

Как я не загорелась сама…

– Ты и так вся горишь, Шарлотта. Всегда горела. С первой минуты, как я тебя увидел… – Низкий голос ввинчивался в сознание, заставляя задыхаться и вжиматься в простыни, стараясь уйти от прикосновений. Если бы я могла: он уже не удерживал мои руки, меня держал сон и подвластная ему магия. – С первой минуты как ты увидела *это*. Правда, девочка?

От этого хриплого «девочка» и от движения трости по внутренней стороне бедра внутри все отчаянно-сладко сжалось. Я всхлипнула, а Орман удивленно приподнял бровь. Сдавил напряженный сосок между пальцами, и легкий укус боли заставил дернуться, хватая губами воздух.

– Не так быстро, – насмешливо произнес он.

Набалдашник скользил по нежной коже разведенных бедер, затянутая в перчатку рука ласкала ноющую грудь. Поглаживая, вытягивая чувствительную вершинку, сжимая – до пронзительно-острой боли, выдергивающей из плавящего тело наслаждения и приводя в себя. Ощущения обострились так, что темнело перед глазами. Темнело от невозможности расплести руки и скользнуть ладонями по напряженным соскам. Медленно – пальцами между ног, между влажных складок, сводя бедра и надавливая на узелок.

– Я могу продолжать о-о-очень долго. – Голос Ормана почему-то показался звенящим, или это у меня звенело в ушах? – Просто попроси,

Шарлотта. И все закончится.

– Обойдетесь! – выдохнула через силу. – Даже в страшном сне.

– Как пожелаешь, девочка.

Он провел пальцами по моему животу, чуть сдвигая веревку в сторону, поглаживая чувствительную точку.

– А-а-ах, – очередной стон прокатился по комнате, заставив вспомнить начало сна.

Девушку, выгибающуюся на простынях, девушку с бесстыдно раскинутыми ногами, сводящими их только для того, чтобы продлить удовольствие. Неужели… неужели я сейчас выгляжу так же?

– Именно так. – Орман чуть подался вперед, и я дернулась, когда пальцы сменились набалдашником. – Именно сейчас тебя стоит написать, Шарлотта. Такой, какая ты есть.

Впивающаяся в нежную плоть веревка, которую он придерживал пальцами, не позволяла сосредоточиться на ласках, а они становились все более настойчивыми. И чем сильнее я кусала губы, тем громче звучали несдержанные стоны. Набалдашник проходился по чувствительным складочкам, заставляя выгибаться и впиваться ногтями в ладони, веревка давила, жалила кожу.

Орман не лгал, я действительно горела. Горела под его прикосновениями, полыхала, как заходящее солнце или костер в ночи. Равно как и маска, прикрывающая лицо узорчатой пластиной нагревшегося металла. Сейчас даже лицо было чувствительным, и это прикосновение ко щекам и ко лбу напоминало нескромные поцелуи.

– К демонам маски! – почти прорычал Орман, и металл разлетелся пылью.

Мы оказались лицом к лицу, так близко, насколько это возможно. Меня трясло, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось внутри: пульсация, рождающаяся внизу живота, то затихающая, то набирающая силу, болезненно-острая, заставляющая желать еще более откровенного продолжения.

– Не надо! Пожалуйста! – вскрикнула и дернулась, когда набалдашник скользнул между ног, раскрывая вход в мое тело. Я не ждала, что Орман остановится, просто хотела подготовиться к боли. Не представляла, каково это, но из разговоров с Линой (которой, первая брачная ночь предстояла еще только в следующем году), знала, что должно быть больно.

Очень.

Или во сне больно не будет?

Осознание собственных мыслей заставило замереть.

Грудь высоко вздымалась, воздуха в комнате не хватало.

Орман почему-то замер, а потом… потом атлас подо мной словно превратился в море. Ласкающее кожу легкой прохладой, как летом, когда из раскаленного зноя заходишь в воду, а потом, раскинув руки, лежишь на поверхности. Покачиваешься на волнах, позволяя солнцу слизывать капли огненным языком. Совсем как в детстве, вот только в детстве я никогда не чувствовала так ярко.

Так сумасшедше-остро.

Веревки исчезли, сейчас меня оплетали водоросли: тянущиеся к солнцу и напоенные его жаром. Тело стало легким и невесомым, как всегда бывает на море. Я тянулась за ними, подчиняясь мягкому плетению, затягивающему под воду.

– Шарлотта.

Низкий голос Ормана, запах сандала и прикосновение обнаженной ладони.

По животу и ниже: туда, где собирается жаркое, тянущее наслаждение. Я всхлипнула и застонала, выгибаясь, подаваясь за этой лаской. Скольжение пальцев и жар, идущий по нарастающей. Там, где меня касались – откровенно, бесстыдно, тело отзывалось сладкой пульсацией. Именно она заставляла погружаться все глубже, в темноту малахитовых волн, в которые солнечный свет вливался рассеянными полосками, раскрашивая уходящее небо золотым сиянием. Сильные пальцы легко массировали чувствительную точку между ног, проходились между влажных складок.

Назад и вперед.

Мягко, настойчиво, жарко.

Невыносимо-сладко.

От легких скользящих движений до настойчивых, сильных.

До предела, когда пульсация внутри заставила выгнуться и вскрикнуть. Руки почему-то оказались свободны, и я цеплялась за простыни. Кусала губы, но от накатывающих безумным удовольствием волн снова и снова выдыхала стоны.

До той минуты, когда дыхание прервалось, а следом напряженный голос настойчиво ворвался в сознание:

– Шарлотта, посмотри на меня.

Широко распахнула глаза, глядя на склоняющегося надо мной Ормана. Между ног сладко пульсировало, и эта сладость растекалась по всему телу, заставляя дрожать под его ладонями. Они лежали на моих бесстыдно разведенных бедрах, большие пальцы поглаживали по-прежнему

чувствительную кожу. В глазах снова мерцали золотые искры, и вот странность – от этого они казались еще темнее. Мгновение, а может быть вечность, я смотрела на него, пока он не потянул меня на себя. Уперлась ладонями ему в грудь, чувствуя сильные пальцы на подрагивающих плечах. Чувствуя руки – поддерживающие, а не удерживающие.

– Спи, – просто сказал он.

И я соскользнула в эти руки и в темноту.

Пауль Орман

Он прижимал ее к себе: спящую, горячую после неги оргазма. Рыжие волосы стекали по рукаву его рубашки, стелились по покрывалу, и он не удержался: коснулся прядей кончиками пальцев, повторяя их раскаленную нежность. То, что произошло, больше напоминало помешательство, да помешательством это и было.

Днем, когда Шарлотта лежала в его мастерской, растянутая на темной зелени покрывал, оплетенная веревками, обнаженная, с высоко вздымающейся грудью, потемневшими от прилива крови сосками и слегка разведенными бедрами, он ни о чем не мог больше думать. Ни о чем, ни о ком, только о мгновениях, когда она будет кричать под ним. Кричать его имя, но вместо этого услышал: «Разве что в страшном сне».

И это ударило сильнее, чем он мог представить.

Впрочем, тогда он даже представить не мог, что она не играла. Фальшивая невинность обходится дорого, должно быть, поэтому ему так хотелось увидеть ее истинную суть. Порочную, темную, тщетно упрятанную под вуаль напускной морали, скромности и сомнительных принципов, но…

Она действительно оказалась невинна.

В ту минуту, когда Шарлотта испуганно вскрикнула, что-то внутри перевернулось. Разорвать пространство и шагнуть в мансарду было делом нескольких секунд. Даже сейчас он не мог отвести от нее глаз: от груди – грубая ткань, влажная от пота, облепила упругие полушария. От приоткрытых губ, с которых срывались стоны, от бьющейся на шее жилки. Он до сих пор помнил мягкость и жар ее кожи, пульсацию под пальцами. Сходил с ума от этих умопомрачительных ощущений, от вида Шарлотты, выгибающейся под откровенными ласками.

Подол сорочки был бессовестно задран, открывая изгиб бедер, и он потянул его вниз. Медленно, дюйм за дюймом, глядя на тень от ресниц на щеках.

Невинна.

Осознание этого отозвалось странной, невыносимой и давно забытой

гремучей смесью. Смесью чувств: опасных и темных, выворачивающих наизнанку годы спокойствия и контроля, сквозь которые не удавалось пробиться никому. Никому, кроме этой девочки, которую он сейчас прижимал к себе. Знал, что находиться рядом нельзя, но все равно продолжал удерживать на руках.

Забившаяся под стол кошка смотрела на него, не мигая. Сверкающие глаза отливали зеленью, напоминающей суть его изначальной магии. Магия искажений – непостижимая, непознанная и могущественная, равных которой нет и не было в мире. Сочетающаяся с любой другой, на которую, как на нить, можно нанизывать бусины заклинаний армалов или гааркирт, создавать пространственные разрывы и переходы из одной точки пространства в другую, боевые хлысты или смертоносные молнии. Магия, которую мааджари использовали для раскрытия своих умений и обретения могущества. Современников, которые способны ее подчинить, он мог пересчитать по пальцам руки. Магия, противостоять которой способна, пожалуй…

Только вторая сторона его силы.

Сила хэандаме.

Антимагия, золотая мгла, как ее называли в древности – за солнечное сияние в глазах и золотистую дымку, прикосновение которой способно поглотить и выжечь силу из любого, даже самого могущественного мага. Так случилось с его отцом, хотя двенадцать лет назад сильнее Симона Эльгера в мире никого не было. В мире, который отец собирался изменить, встав во главе одной из самых развитых стран, Вэлеи. Герцог де ла Мер готовил переворот и собирался вернуть магии утраченное – абсолютную власть, на которую посягала наука. У отца получилось бы все, и даже больше, если бы он его поддержал.

Если бы он его поддержал, мира, который известен всем, уже бы не существовало, но на мир ему, по большому счету, было плевать.

Если бы он его поддержал, Тереза сейчас была бы мертва.

Мысль о ней заставила разжать руки, опуская Шарлотту на подушку. Здесь, в этой убогой мансарде было отчаянно холодно, поэтому он подтянул покрывала повыше, закутывая ее. Коснулся ладонью щеки и зацепился взглядом за темную ленту шарфа. Который сполз в сторону, частично забившись между изголовьем и жестким матрацем.

Шарф пах пряностями и солнцем.

Точно так же пахла оберточная бумага, лежавшая на столе рядом с засохшими цветами. Наверняка в точности так же.

Подарочек Ирвина.

В душе шевельнулась тьма – изначальная, яростная, злая, и он поспешно поднялся. Слишком велико было искушение разодрать клятую тряпку в клочья, швырнуть на пол и уйти. Вместо этого он лишь сжал кулаки, вспоминая уроки под водопадом. Хлещущие тело ледяные струи, всей тяжестью вбивающие в каменистое дно. Острые камни впивались в ступни, но даже они немели под усилиями горной реки, холод сковывал не только тело, но и разум. Усмиряя, подавляя, сдерживая бурлящие внутри безумие, ярость, отчаяние.

Когда перед глазами стояла только она одна: Те-ре-за.

Его наваждение, проклятие и спасение. Женщина, изменившая его жизнь, женщина, вернувшая его к жизни. Жена его ненавистного брата, Анри Феро. В прошлом изгнанного графа, теперь начальника Вэлейской разведки и одного из самых влиятельных людей в стране.

Тереза никогда не была его, но Шарлотта…

Эта девочка будет принадлежать ему. Только ему, а если Ирвин Лэйн попытается встать у него на пути…

Движение руки – и пространство разошлось рваной раной. Он шагнул к себе, не оборачиваясь и не оглядываясь. Лишь оказавшись в комнате, когда магия запечатала разрыв и отрезала его от Шарлотты, от шарфа, от запаха пряностей, с силой ударил кулаком в стену. Бил снова и снова, до отрезвляющей боли, до сбитых костяшек, до мгновения, когда из-за двери донеслись шаги.

Негромкий стук раздался в ту же минуту, но его ответ прозвучал уже привычно холодно и безэмоционально.

– Входи, Тхай.

Иньфаец шагнул в спальню и протянул конверт с гербовой печатью.

– Привезли, пока вас не было. Просили передать незамедлительно и дать ответ до утра.

Даже не вскрывая его, он знал, что внутри. Бумаги на возвращение Шато ле Туаре, земель и титула, восстановление прав. Вэлее нужен новый герцог де ла Мер. Маг, сила и влияние которого поддержат страну и корону, особенно сейчас.

Четвертый пакет за несколько месяцев, только первый он вскрыл.

Вскрыл и здорово посмеялся над жизнью, которая швырнула к его ногам все, до чего ему больше нет никакого дела.

– Ты знаешь ответ, – бумаги отправились за спину, и, окутанные зеленым пламенем, вспыхнули прямо в воздухе. На пол упала оплавленная клякса печати, проследив за которой, иньфаец нахмурился.

– Могу я сказать, Пауль? Как друг.

Он молча встретил взгляд темных глаз.

– Не отказывайтесь. Вы же знаете, от судьбы не уйти.

– Свою судьбу я выбираю сам.

Тхай-Лао склонил голову и вышел, а он яростно рванул шейный платок, стянувший шею ошейником.

Ему не нужны подачки ни от монаршей особы, ни тем более от демонова братца.

Все, чего он добился, он добился сам, и этого не отнять никому. А проклятое герцогство пусть навсегда остается отцу.

3

Библиотека Вудвордов была в разы больше, чем у виконта Фейбера. Стеллажи с книгами протянулись вдоль зала, присоединив к которому точно такой же можно получить бальный. Лестница, стоявшая рядом с ними, была на колесиках, а каталогом при желании можно было убить. Если прицельно кинуть.

– Нашла? – Лина сунула голову в приоткрытую дверь.

– Лина! Я же просила тебя последить.

Она закатила глаза.

– Да нет здесь никого, говорю же. Папенька еще не вернулся, мачеха сюда не заходит, а слуги тем более. Если скажешь, что ищешь, я смогу помочь.

– Нет, – прошептала, отмеряя линейкой оглавление.

– Ну и пожалуйста!

Дверь с треском захлопнулась, а я вернулась к изучению каталога.

Идея воспользоваться библиотекой Вудвордов была рискованной. Очень рискованной, но у меня не осталось выбора. Я не позволю Орману превратить меня в безвольную игрушку, пусть даже это происходит во снах! Если я не могу сбежать от него в глубокий сон, значит, нужно понять, как себя защитить. Или как не пустить его в свой, а здесь обязательно должно что-нибудь найтись. В конце концов, граф – один из аристократов старой закалки, у него наверняка обширная библиотека по теории магии. В том числе древней.

К счастью, Лина согласилась помочь, хоть и закидала меня вопросами. Разумеется, я ей не сказала: сама мысль о случившемся перекидывалась ненормальным жаром на щеки, не говоря уже о том, чтобы кому-то в этом признаться. Поскольку Лина упорствовала, пришлось напомнить, что когда я относила первое письмо Ричарду, ни о чем ее не спрашивала. После этого она надулась и замолчала. Ненадолго, правда, до той поры, пока мы не пришли в библиотеку.

– История запрещенных заклинаний… История армалов… Первые заклинания: модификация в современности…

– Ты хочешь, чтобы я тебе помогла, но ничего не рассказываешь! А я, между прочим, могу что-то знать, – подруга просочилась в двери и сложила руки на груди, заглядывая в каталог.

– Ты что-нибудь знаешь про магию гааркирт?

– Гаар… что? – она нахмурилась. – Откуда ты это вообще взяла?

– Была в гостях у леди Ребекки. – В последнее время я стала на удивление просто врать. – Она разговаривала с лордом Фейбером, у них что-то такое проскользнуло в разговоре, и мне стало интересно… Это что-то, связанное со вхождением во сны.

– Вхождение во сны? – подруга нахмурилась еще сильнее. – Лотти, о чем ты вообще думаешь? У меня помолвка на этой неделе, а ты занимаешься какой-то ерундой.

– Это не ерунда! Поверь, для меня это очень важно, если бы это не было так, я бы не стала просить.

– Очень важно, но со мной ты поделиться не хочешь? – она вздернула брови.

– Лина, пожалуйста!

– Пожалуйста, пожалуйста… я всем с тобой делюсь, ты мне вообще ничего не рассказываешь.

– О чем? – спросила машинально, переворачивая страницу, и чуть не подскочила от неожиданности.

«Собрание древних практик в 3-х томах».

Что такое гааркирт, если не древняя практика?

– О ком! Лорд Ирвин Лэйн!

Об Ирвине мне сейчас хотелось говорить меньше всего.

– В детстве мы были очень дружны.

– Неужели? – подруга сложила руки на груди. – Поэтому ты так на него смотрела?

– Где этот сектор? – ткнула в указатель оглавления.

– Этот? Не знаю, – Лина пожала плечами.

– Посмотри за дверью! Пожалуйста!

Подруга надула губы и вышла. Артефакты вспыхивали, стоило мне подойти, и гасли за моей спиной. Как назло, нужный сектор оказался у самой дальней стены. Нет, я конечно понимаю, что магией сейчас никто не пользуется, но зачем запихивать все книги по ней на самые отдаленные и верхние полки? Хорошо хоть с этой лестницей пыхтеть не пришлось, а благодаря ковровой дорожке колесики даже не дребезжали по полу.

Вскарабкавшись до нужного уровня, я вытащила первый том и принялась просматривать его, стоя прямо на верхних ступеньках. Благо, здесь была удобная подставочка, а света артефактов хватало, чтобы рассмотреть все, что написано.

– Ну, нашла свой гааркакт?

Я чуть с лестницы не свалилась и уставилась на Лину: когда только успела подкрасться. Бесшумно, как любила делать мисс Дженни, когда охотилась на мои босые ноги. Впрочем, сегодня мисс Дженни все утро чем-то шуршала под кроватью, только благодаря ей я не проспала и вовремя успела на занятия с Илайджей.

– Пока нет, и не найду, если ты будешь меня постоянно дергать!

Это прозвучало резко, и подруга опешила.

– Фи, какая ты грубая, Лотти! Это на тебя так общение со всякими господами в масках влияет?

Едва удержала вертящуюся на языке колкость: ссориться с подругой не хотелось. Я прекрасно знала, что Лина умеет быть невыносимой, особенно когда что-то идет не по ее. Сейчас я отказывалась говорить о том, что ищу, и это шло вразрез с ее любопытством. Поэтому оставалось только одно – переключить внимание на что-нибудь другое. Желательно, далекое от гааркирт.

– Скажи, ее светлость герцогиня де Мортен правда была актрисой?

– О-о-о… да! – глаза Лины засверкали. – По этому поводу вчера здесь был самый настоящий скандал!

– Скандал?

– Мачеха требовала тебя рассчитать.

Я чуть не выронила книгу. Сегодня утром мы столкнулись с графиней у лестницы, и она едва на меня взглянула. Скупо, остро, пренебрежительно. Из чего я сделала вывод, что ее решение так скоро уйти с выставки было продиктовано не только безразличием к искусству, но… рассчитать? За что?! И при чем тут герцогиня де Мортен?

– И ты мне только сейчас об этом говоришь?!

– Тебя все равно не рассчитали, – отмахнулась подруга и оперлась о нижние ступеньки, побарабанила по ним тонкими пальчиками. – Зато мачеха закатила такую истерику, что полдома слышало… Пока папенька не опомнился и набросил полог безмолвия.

Полог безмолвия – одно из простейших заклинаний, которые ставят маги на приватные разговоры.

– Но до этого мне удалось кое-что узнать…

– Что?

– Сначала ты, Лотти, – Лина запрокинула голову, пристально глядя на меня. – Так что тебя связывает с лордом Лэйном? Это ради него ты копаешься в книжках по магии?

– Лина, он мне как брат.

– Вот только смотрел он на тебя совсем не как на сестру, Лотти.

Прежде чем я успела ответить, дверь в библиотеку распахнулась. Лина отпрянула от лестницы, а я чуть второй раз с нее не свалилась. Впрочем, лучше бы свалилась, честное слово: шаги графа отмеряли секунды в ритме ударов моего сердца. Тяжелый взгляд скользнул по мне и задержался на Лине.

– Эвелина, что здесь происходит?

– Папенька, я только вошла! Я говорила ей, что сюда нельзя! – воскликнула подруга, прижимая руки к груди. – Говорила, но она ничего не хотела слушать!

Осознание сказанных Линой слов заставило вцепиться в лестницу. Книга не упала только потому, что под ней удачно оказалась подставка. Одного взгляда на Лину, Лину, с расширенными глазами, в которых сверкали слезы, хватило, чтобы все мысли испарились. Сейчас мне отчаянно хотелось, чтобы все это оказалось сном.

– Эвелина, ступай к себе в комнату, – холодно произнес граф, – с тобой я переговорю позже.

Дважды просить не пришлось, подруга вылетела из библиотеки с неподобающей для леди скоростью, разве что двери прикрыла тихонечко.

– Мисс Руа, верните книгу на место и следуйте за мной.

Попадись мы у каталога, еще можно было бы что-нибудь сочинить (например, о том, что я хотела разобрать с Илайджей подробнее какую-нибудь тему), но увы. Я поставила книгу на полку, спустилась и направилась следом за графом. На этот раз он не потрудился пропустить меня вперед, лишь толкнул дверь, предоставив мне самой придержать ее и выйти в коридор. Расстояние до кабинета показалось бесконечным, особенно учитывая, что этот путь мы преодолели в молчании. Тишина, нарушаемая лишь звуком шагов, становилась все более тягостной.

У кабинета ситуация с дверью повторилась, разве что на этот раз она сама захлопнулась за моей спиной. Граф подошел к столу и обернулся: сдвинутые брови и раздутые ноздри однозначно говорили о том, что он не в самом лучшем расположении духа. Не говоря уже о том, что мне даже не предложили сесть.

– Я слушаю ваши объяснения, мисс Руа.

Слова застыли в груди: честно говоря, даже не представляла, за что

мне извиняться. По сути, я не сделала ничего плохого, просто воспользовалась его библиотекой. Всевидящий, да я даже не пыталась вынести книгу, но на меня смотрели, как на преступницу!

– Что вы делали в моей библиотеке? Да еще и в разделе магии?

Тяжелый взгляд лег мне на плечи, но вопреки всему я их расправила.

– Это личное.

Наверное, хуже было бы только, если бы я сообщила, что собиралась провести какой-нибудь ритуал из Темных времен или воспользоваться запрещенными заклинаниями. Брови графа сошлись на переносице так плотно, словно собирались врасти одна в другую.

– Поразительно! – произнес он. – Вы считаете возможным расхаживать по моему дому, где вам вздумается, и разговаривать со мной в таком тоне?!

– Со всем уважением, милорд, я не сказала и не сделала ничего оскорбительного.

– Не сделали ничего, мисс Руа? – язвительно произнес граф. – Тогда взгляните на это.

Он подхватил со стола «Светоч» (самую известную газету Лигенбурга, если не всей Энгерии) и вручил мне. Раскрытую на середине.

«В минувшую пятницу Королевский музей искусств открыл двери для начинающих, и, безусловно, перспективных живописцев, в будущем способных внести ощутимый вклад в развитие культуры Энгерии. К сожалению, далеко не все из юных дарований правильно понимают миссию, возложенную на искусство, и опасность свободомыслия. К таковым можно отнести и мисс Шарлотту Руа, представившую на экспозиции свой сюжет под названием «Девушка в цепях».

Я оторвалась от чтения лишь потому, что взгляд графа прилип к моему лицу. Настолько, что я ощущала его всей кожей, и чувство это было не из приятных.

«Безусловно, скандальным является сам факт того, что такое полотно пропустили на выставку. Не говоря уже о женском авторстве и о содержании: на картине представлена полураздетая особа, закованная в цепи и рвущаяся на свободу».

Строчки замельтешили перед глазами, путаясь и заплетаясь в косички. Скручиваясь в жгуты, и снова распускаясь в линеечки. Из чистого упрямства я дочитала статью до конца.

«Что это, если не насмешка над обществом и его ценностями? Ценностями, которые современные женщины впитывают со дня своего рождения и оберегают столь же трепетно, как и свою репутацию? Но

мисс Руа, видимо, эти понятия незнакомы. Неуемные амбиции, самовыражение – вот что эта женщина ставит на первый план. Самовыражение, граничащее с дерзостью, пошлостью и наплевательским отношением к нормам морали и нравственности. Самовыражение, ради которого она не стесняется использовать все возможные средства.

Если наше искусство станет таким, мы не сможем поручиться за устои и многовековые традиции, которые превратили Энгерию в великую державу».

С губ сорвался смешок. Нервный, не иначе.

– Вы находите это смешным? – холодно спросил граф.

– Нет, я…

Нахожу, что это бред. Да они разве что в экономическом кризисе меня не обвинили!

К счастью, я вовремя прикусила язык.

– Супруга уверяла меня, что ваша картина вульгарна.

– Граф, я не вкладывала в «Девушку» ничего такого, о чем написано зде…

– Помолчите. Она уверяла меня так же, что вы вели себя крайне недостойно. В обществе сына вашего опекуна, если не ошибаюсь, откровенно флиртовали с другим мужчиной.

От неожиданности задохнулась.

– Но… но это неправда!

– Разве? Сегодня я побывал на выставке, и вынужден согласиться с графиней. Ваша картина безнравственна. Кроме того, у меня состоялась неприятная беседа с мистером Ваттингом, который подтвердил беспардонное ходатайство за вас некоего… месье Ормана.

Я раскрыла рот, но тут же его закрыла.

Иногда лучше помолчать, потому что сказать мне хотелось многое. Ну очень многое. В частности, что мистер Ватттинг – трусливый шовинист, что Лина, которая в библиотеке выставила меня бессовестной нахалкой, в свое время обменивалась письмами с будущим женихом и тайком бегала к нему на свидания, во время которых вела себя отнюдь не как образец благопристойности. Впрочем, я бы себе скорее язык откусила, чем выдала чужие секреты, поэтому просто сцепила дрожащие руки за спиной. Внутри все переворачивалось от несправедливости обвинений: прочитанных и высказанных в лицо.

– Если бы я знал, ни за что бы не направил вас к мистеру Ваттингу. Но я думаю, что мы с вами можем это исправить. – Голос графа неожиданно смягчился, а взгляд потеплел. – Думаю, что все это произошло… как бы это

поточнее выразиться, от неопытности. Когда юная мисс оказывается одна, соблазны свободной жизни ложатся на ее плечи тяжким бременем. Я сам когда-то был молодым, поэтому не могу вас винить.

Если можно было сказать что-то более нелепое, то пока я не находила, что. Поэтому просто стояла и молча хлопала глазами.

– Разумеется, я не смогу сохранить за вами место, – с некоторым сожалением произнес граф, – но я могу обеспечить вам красивую жизнь. И даже больше, Шарлотта. Намного больше…

Фамильярность и смысл сказанных им слов ударили в сознание сильнее, чем прикосновение к руке, когда Вудворд попытался забрать у меня газету. Прежде чем я успела опомниться, широкая ладонь графа вольно легла чуть ниже моей талии, притягивая к себе.

С проворством, которого сама от себя не ожидала, я сунула между нами газету, и Вудворд смачно поцеловал типографский шрифт. В следующий миг листок выдрали из моей руки и отшвырнули в сторону.

– Отпустите! – рванулась изо всех сил, но он только плотнее притянул меня к себе.

– А вы с характером, мисс Руа. – Глаза графа сверкнули. – Люблю женщин с характером.

Прежде чем я успела опомниться, рука Вудворда легла мне на грудь, сминая через ткань платья.

– Нет! – прошептала задыхаясь, тщетно пытаясь вырваться из захвата. – Нет!

– Тише! – прошипел он, и широкая ладонь запечатала мне рот.

Воздуха не хватало, но я все равно вцепилась в нее зубами, вцепилась изо всех сил. Рот наполнил солоноватый привкус крови, граф взвыл, и щеку обожгла пощечина, от которой зазвенело в ушах. Я пошатнулась, с трудом удержавшись на ногах, кабинет поплыл перед глазами. Над нами прокатилась волна магии, на миг поглотившая все звуки: Вудворд накинул полог безмолвия. Бросилась к двери, но он перехватил меня и с силой швырнул к столу. Щелчок повернувшегося ключа прозвучал громче выстрела, а взбешенный граф шагнул ко мне.

– Поклясться могу, с месье Орманом вы были более покладистой…

– Нет.

Вудворд как-то странно дернулся, отпрянул от меня и захрипел. Лицо его дергалось и размывалось, поэтому в первый миг показалось, что у меня галлюцинации. Потому что Орман шагнул к нам прямо из… воздуха. Напоенного зеленью воздуха, от которого по коже тянуло холодом. Изумрудная плеть, обернувшаяся вокруг графского горла, шипела как

готовая ужалить змея, а сам граф замер, судорожно хватая ртом вдохи. Он попытался перехватить наброшенную петлю, но тут же вскрикнул и затряс рукой.

– Очень предусмотрительно с вашей стороны было поставить полог безмолвия, – заметил Орман, наматывая хлыст, совершенно не причинявший ему вреда, на запястье.

– Вы… вы кто такой… и что вы тут делаете? – прохрипел Вудворд.

– Я пришел за своей женщиной, которую вы, если меня не обманывает интуиция, только что собирались взять силой. И… – взгляд Ормана скользнул по моему лицу, задержавшись на пылающей щеке и превращаясь в угли, – если не ошибаюсь, вы ее ударили.

Я даже вздохнуть не успела, как граф согнулся пополам, а вывернутая за его спиной рука хрустнула, и глаза Вудворда вылезли из орбит. Он заорал так, что мне захотелось попятиться, вместо этого я отпрянула и наткнулась на стол. Моргнула, глядя на стоящего на коленях графа. Потом еще раз.

– Просите прощения, – жестко сказал Орман.

– Ч-что…

– Я сказал: просите прощения. Или сломаю вторую.

Не выпуская хлыста, перехватил руку графа, которой тот цеплялся за пол.

– Я прошу прощения! – выпалил Вудворд.

Глаза его сверкали от ненависти, будь у него возможность, он бы придушил нас обоих.

– Не верю. – Орман сильнее надавил на запястье, и граф взвыл. – Просите прощения выразительнее. Вы вели себя как перебравший матрос в таверне, это тоже не забудьте упомянуть.

В его голосе звучала плохо скрываемая издевка, нанизанная на металл.

– Прошу прощения, мисс Руа, – процедил Вудворд. – Я вел себя недостойно, и я это признаю.

– Чудно. – Хватка Ормана разжалась, хлыст с шипением растаял в воздухе. Не в силах поверить в то, что произошло, переводила взгляд с баюкающего руку графа на стоявшего напротив мужчину. – Потрудитесь прислать расчет и вещи мисс Руа по этому адресу.

Он сунул карточку в нагрудный карман Вудворда.

– Все уяснили?

– Вы пожалеете. Я вам устрою веселую жизнь, вам и вашей…

Полог безмолвия рухнул в одно мгновение: рассыпался тишиной, звенящей в ушах, чтобы потом все звуки стали несоизмеримо ярче.

– Не говорите того, о чем потом можете пожалеть, граф, – удивительно мягко сказал Орман, но эта мягкость сдавила шею не мягче магического хлыста. – В ваших же интересах, чтобы случившееся здесь осталось между нами. В противном случае все ваши визиты в дом удовольствий мисс Лизбет Рокман, все ваши маленькие пристрастия вроде наручников и исхлестанной задницы, станут достоянием общественности.

Он сложил пальцы на уровне подбородка, глядя на злющего графа.

– Хороший подарок дочери на помолвку, не так ли? Кстати, не уверен, что она состоится. После такого.

Прежде чем Вудворд успел ответить, Орман шагнул ко мне и накинул на плечи свое пальто.

– Пойдемте, мисс Руа.

– Никуда я с вами не пой…

Заканчивала фразу я уже на улице, в пустынном садике, окружавшем дом Вудвордов. Голова закружилась еще сильнее, прохладный воздух ожег легкие, заставив закашляться, и Орман плотнее запахнул пальто прямо на мне. Стоило подумать, что окна кабинета как раз выходят на этот самый садик, как мою ладонь сжали сильнее, увлекая за собой. Опомнилась только возле мобиля, когда передо мной распахнули дверцу.

– Вы ему руку сломали, – сказала хрипло.

– Пусть радуется, что не шею.

– Вы сломали ему руку! – повторила я, чувствуя, что на меня накатывает странное отупение.

– Он это заслужил, – Орман развернул меня к свету и нахмурился.

Стянул перчатку, легко коснувшись пылающей скулы пальцами, и в нее словно тысячи иголок вонзились. Рванулась, но он меня удержал – за талию, без малейших усилий.

– Тихо. Сейчас все пройдет.

Светлые глаза потемнели до черноты, и смотреться в них было странно. Особенно странно было стоять рядом с ним в его пальто, чувствуя, как немеет щека. Боль отступала, покалывание теперь ощущалось как через мягкую подушечку.

– Как вы вообще меня нашли… вы…

– Я приехал за вами, чтобы встретить после занятий, а вы долго не выходили. Потом сработала метка.

– Метка?

– Должники частенько пытаются свести счеты с жизнью, иногда с ними пытаются свести счеты другие заемщики. Метка предупреждает, когда возникает угроза… капиталовложениям. А теперь садитесь, мисс Руа.

Садитесь, – жестко повторил он. – Лучше не спорьте со мной. Не сейчас.

В глазах его плескалось что-то очень опасное, темное, как туман над непроходимой топью, и я подавилась возражением. Опустившись на сиденье, обхватила себя руками, пытаясь понять, что мне делать дальше. Не понималось. Голова вообще отказывалась работать, как если бы ее набили опилками. На этот раз мы не выезжали на обводную дорогу, ехали через весь город. Ехали гораздо медленнее, особенно через центр (из-за экипажей и снующих по городу пешеходов). На Ормана я не смотрела, его руки сжимали руль с такой силой, что в ушах то и дело звучал хруст. Хруст запястья Вудворда, из-за которого все внутри сжималось.

По салону тянулся туман, или у меня перед глазами стояла пелена – не знаю. Орман тоже хранил молчание, но в молчании этом было нечто гораздо более жуткое, чем даже в шипении изумрудной змеи. Сама не знаю, с чем это было связано, но мне хотелось толкнуть дверцу и выйти прямо на мостовую, а потом бежать без оглядки. Только его слова, сказанные отнюдь нешуточным тоном, словно утопили в сиденье.

Возможно, из-за этого странного тумана, а может быть, из-за оцепенения, в котором до сих пор пребывала, не сразу поняла, что мы свернули в другую сторону. В себя пришла, лишь когда позади остались шумные, принарядившиеся в первые огоньки улочки, и замельтешили более узкие, где едва мог развернуться один экипаж.

– Куда мы едем?! – резко повернулась к Орману.

Он едва взглянул в мою сторону. Зато ответ прозвучал четко, холодно и лаконично:

– Ко мне.

4

До Дэрнса мы добирались в молчании. Я смотрела сквозь стекло, разглядывая фонари, лица прохожих, домики и улочки, сменявшие одна другую. Отмечала, как они становятся более широкими, как раздаются особняки, заполняя собой облетевшие, но по-прежнему ухоженные сады. Только когда впереди замаячила набережная Ирты, подавила желание вцепиться в сиденье. Мысль о том, что придется снова перед ним раздеваться, была невыносимой. Равно как и о том, что выбора у меня нет.

Какой выбор у любимой игрушки с долговой меткой?

Навалилось странное отупение: пожалуй, впервые в жизни я не чувствовала ничего. Поэтому молча вложила руку в его ладонь и так же молча поднялась по ступеням к знакомым уже дверям. Казалось, что со вчерашнего дня прошла целая вечность, за которую моя жизнь превратилась в странную череду событий, сменяющих одно другое с

головокружительной скоростью.

Как и в прошлый раз, нас вышел встречать Тхай-Лао. Орман перекинул пальто с моих плеч ему на руки.

– Займись ужином, Тхай. Я провожу мисс Руа сам.

Иньфаец поклонился и скрылся где-то в недрах этого бесконечного дома, а Орман указал мне на лестницу.

– Не утруждайтесь, – сказала холодно. – Я помню дорогу.

– Не сомневаюсь в вашей памяти, – произнес он. – Но для начала вам стоит привести себя в порядок. Не находите?

«Не нахожу», – хотела сказать я, вместо этого подхватила юбки и направилась наверх. Орман даже в ботинках вышагивал бесшумно, как Тхай-Лао в своих сандалиях. Не представляю, где он этому научился, сейчас уже сложно было вспоминать первое впечатление от этого мужчины в Музее искусств. Тяжелый, чеканный шаг, чуть замедленный из-за хромоты. Внимательный, цепкий взгляд, опущенные плечи, сжимающиеся на набалдашнике пальцы.

Стоило вспомнить про его… многофункциональную трость, внутри все перевернулось. С трудом справившись с желанием опрометью броситься вниз, шагнула к повороту лестницы на третий этаж, но Орман меня удержал. Наверное, точнее будет сказать, придержал. Мягко, за локоть, но мягкость совершенно не вязалась с его образом, поэтому я отмела это определение, как совершенно бессмысленное.

– Привести себя в порядок, – напомнил он, направляя меня в соседний коридор.

Просторный, отмеченный светильниками-артефактами, как на третьем этаже. Они загорались, стоило нам приблизиться и гасли, когда мы удалялись. Здесь тоже было прохладно, с каждым шагом я все больше уверялась в том, что здесь никто не живет. Никто, кроме Ормана, иньфайца, и… я вдруг поняла, что не помню здесь женских голосов. Совсем. То есть прислугу, особенно в таких домах, разумеется учат быть незаметной, но он даже ужином приказал заняться Тхай-Лао. Не отдать распоряжение по поводу, а именно заняться. Мысль о том, что нас здесь всего трое, сейчас показалась особенно дикой. И пугающей.

– Зачем вам такой большой дом? – не удержалась от шпильки. – Каждый день спите в новой комнате?

– Храню тела неугодных. Вроде графа Вудворда. – Орман неожиданно остановился и толкнул дверь. – А еще прячу маленьких гувернанток, которые отказываются отдавать долги и смотрят на меня, как на чудовище.

От того, как это прозвучало, у меня напрочь отшибло всякое желание

продолжать разговор. Впрочем, Орман тоже не горел желанием его продолжать: мы оказались в комнате, где от растопленного камина исходило тепло. Настолько манящее, что стоило немалых усилий удержаться в дверях и не шагнуть к нему, протягивая огню озябшие ладони. Впрочем, вряд ли сейчас меня что-то могло согреть: несмотря на тепло, кожа покрылась мурашками. Я чувствовала накатывающую волнами дрожь и надеялась только на то, что она накроет меня, когда Орман уйдет.

– Ванная, – он указал на приоткрытую дверь, – к вашим услугам. Приводите себя в порядок, переодевайтесь (там есть халат), и выходите. Я вернусь через час.

Через… через час?!

– Будете меня при свечах рисовать?

– Предпочитаю магические светильники.

Дверь за Орманом закрылась, и я осталась одна.

Ну и что мне здесь делать? Одной, целый час.

Я медленно приблизилась к камину: старинному, в мраморе, украшенному узорной лепниной. На полке стояли тяжелые часы в бронзе, больше не было ничего. Это вообще была на удивление безликая комната, совсем как во сне, только цвета другие. Темно-синее мешалось с серебром и черным, придавая спальне давящей мрачности. Тем не менее несколько минут я потратила, бездумно стоя у камина. Жар, тянущийся по комнате, бликами играл на обивке кресел и нижних покрывал, оживляющих комнату, а вот зеркала здесь не было.

Оставив за спиной спальню, шагнула за дверь, и оказалась в самой роскошной ванной комнате, в которой мне доводилось бывать. Жемчужно-кремовый кафель, рядом с огромной белоснежной ванной – занавешенное шторками небольшое окно. Окно, за которым вечер уже наливался сумеречной синевой. Шкафчик со множеством полочек и ящичков, где стояли самые разные пузырьки, к зеркалу у туалетного столика придвинуто кресло. Обещанный халат цеплялся вешалкой-плечиками за поблескивающий в свете артефактов крючок. Под ногами лежал настил: мягкий, на который я не решилась ступить в ботинках.

В доме виконта мне дозволялось пользоваться ванной леди Ребекки, но она была значительно теснее и не в пример проще, не говоря уже об общей ванной на этаже. Осознание окружающей меня роскоши встало комом у горла, особенно когда я вспомнила Вудворда. Его руки на моем теле: жадные, сминающие грудь. Статью, в которой «Девушку» назвали скандальной насмешкой над ценностями общества, призванной разрушать все достойное, что есть в Энгерии.

Что подумает леди Ребекка? Виконт Фейбер наверняка привезет из города «Светоч» с последними новостями. Или уже привез, перед клубом он обычно заезжает на поздний чай.

«Знаете ли вы, моя дорогая, что учудила ваша воспитанница?» – скажет он светским тоном. Тем тоном, которым всегда обращается к супруге.

И протянет листок.

Я представила, как она берет в руки газету, как пробегает взглядом строчки, как меняется в лице.

А ведь на выставку леди Ребекка так и не пришла. Я отдала ей билеты, но она не пришла.

И Эби не отпустила, ее тоже не было в день открытия. Все потому, что после того ужасного сна я забыла за нее попросить.

Интересно, долговая метка убивает быстро?

Эта мысль подействовала на меня, как пощечина, всколыхнув нездоровую злость. На себя, на Ормана, на все, что в моей жизни случилось по его милости. Я вылетела из ванной, а следом и из комнаты, промчалась по этажу к лестнице и ухватилась за перила, чтобы удачнее затормозить. Набрала в грудь побольше воздуха и заорала:

– Месье Орман! Месье Орман! Месье Орма-а-а-а-ан!!!

Эхо подхватило мой крик, разнесло его по пустому особняку. Судя по тишине, особняк был по-настоящему пустой, потому что ни шагов, ни шорохов, ни ответа я не услышала. Скатившись с лестницы (чуть ли не буквально, потому что на середине умудрилась споткнуться), я выровняла дыхание и рявкнула снова:

– Месье Орман!!!!

Вышло настолько громко, что даже у меня зазвенело в ушах.

Тхай-Лао и хозяин дома нарисовались одновременно: один из недр пожирающего звуки особняка, второй – за моей спиной, на лестнице. Это я поняла, проследив взгляд иньфайца.

Медленно обернувшись, сложила руки на груди, встречая потемневший взгляд из прорезей маски. Интересно, сейчас-то она ему зачем?!

– Хотели меня видеть, мисс Руа?

Он неспешно спускался по лестнице: подтянутый и опасный, но в эту минуту мне точно не было дела до его опасности.

– Хотела, – я вытянула руку с долговой меткой, – снимите это. Немедленно! Или…

– Или что? – Голос Ормана звучал вкрадчиво, если не сказать мягко, но

под этой мягкостью рождались рычащие нотки, от которых в любой другой день у меня бы волосы встали дыбом. К счастью, сегодня моим волосам было не до этого.

Он остановился в двух шагах от меня, и я спокойно встретила его взгляд.

– Или я выйду за эту дверь, – холодно припечатала я, – а завтра мое тело найдут на вашем пороге.

– Не найдут, – сообщил Орман. – Мы же с вами уже обсудили, что я умею избавляться от тел.

Мысль о том, что я проиграла, даже не успев сказать первое слово, оглушила. Глядя ему в глаза, отчетливо поняла, что через час меня снова разденут и свяжут. После чего сон, превративший меня в порочную марионетку, повторится, только на этот раз наяву. Осознание этого ударило сильнее пощечины Вудворда, и я бросилась к двери. Бросилась отчаянно, яростно, сражаясь за свою жизнь и свободу, за то немногое, что у меня еще оставалось. Рванула тяжелую ручку на себя, падая в напоенный морозом воздух. Холод впился в шею и в руки, холод живой, не магический: воздух облепил тело ледяной коркой, заматывая в кокон стужи. Я бежала, не разбирая дороги, просто летела – до той минуты, как меня перехватили и рывком дернули назад.

– Пустите! Пустите! Пустите! – Я колотила Ормана кулаками по груди, насколько позволяли стальные объятия. Брыкалась, царапалась, кусалась, пока холод не скользнул внутрь.

Упала ему на руки безвольной куклой, понимая, что не могу даже пошевелиться. Не то что пошевелиться, слова ему сказать: мое тело больше мне не принадлежало. Сердце гулко стучало в ушах, пока он нес меня по улице, пока поднимался на крыльцо, и когда шагнул внутрь. Увы, единственное, что я могла, это смотреть: как мимо плывет смазанный быстрой ходьбой окружающий мир. Голова казалась тяжелой, перевернутый холл дергался перед глазами туда-сюда. Равно как и лицо Тхай-Лао (в котором я на миг уловила сожаление), и его спина, когда иньфаец шагнул к двери, чтобы ее прикрыть.

Орман поднимался по лестнице, а я считала столбики и мгновения до того, когда он снимет с меня заклинание. Столбики закончились, пошли артефакты, шаги Ормана грохотом отдавались в ушах в такт бешено колотящемуся сердцу. Руки подо мной были напряженными, если не сказать каменными.

Дверь он открыл плечом, а в ванную комнату меня втащил, даже не потрудившись снять ботинки. Втащил и усадил в кресло к туалетному

столику, опираясь ладонями о подлокотники и нависая надо мной. В сумрачную темень взгляда вплетался раскаленный золотой ободок, почему-то именно сейчас пугающий меня до дрожи.

– Правило первое, мисс Руа. Никогда не смейте повышать на меня голос или мне приказывать.

Он коснулся моей щеки, и я невольно взглянула на свое отражение. Волосы выбились из строгого пучка и торчали спутанными прядями, на бледном лице выделялись глаза и левая скула – огромным красным пятном. Там, где пальцы Ормана дотрагивались до оставленного ладонью Вудворда следа, не было больно. Прикосновение ощущалось, как через плотную ткань.

– Правило второе. За плохое поведение полагается наказание.

Наказание?

За что?! За то, что не хочу становиться его куклой?!

Попыталась рвануться, но тщетно: тело по-прежнему отказывалось мне подчиняться. Не только тело, но и язык, потому что когда я попыталась высказать Орману все, что о нем думаю (не стесняясь в выражениях), у меня это не получилось.

– Какой взгляд! Право-слово, когда женщина молчит, она становится еще более привлекательной.

Орман оттолкнулся ладонями от подлокотников и стянул перчатки. За ними последовал жилет (он лег на спинку кресла), а Орман закатал рукава и шагнул к шкафчику возле ванной. Видеть, что там происходит, я не могла, но звук выдвигаемого ящика хлестнул наотмашь. Так же, как легкий шорох и звяканье, донесшиеся с той стороны.

Чувства обострились до предела, особенно когда вода с силой ударила в ванную. Наверное, если бы я могла повернуться и посмотреть (пусть даже увидеть очередную веревку), стало бы легче, но я не могла. Даже моргать не могла. Ни пошевелиться, ни слова сказать, сковавший тело холод слабее не становился. Наоборот, он становился сильнее, когда я пыталась ему воспротивиться – вонзался иголочками в тело, словно предупреждая.

Я билась в захвате заклинания, по-прежнему оставаясь неподвижной, с каждой минутой все отчетливее ощущая свою беспомощность.

– Сидите смирно, мисс Руа?

Издевка прозвучала совсем рядом, и я мысленно вздрогнула: из-за шума воды даже не расслышала, как он подошел.

– Тогда начнем.

Я бы зажмурилась, но увы. Со стороны могло показаться, что я просто

устала и прилегла отдохнуть в кресло, особенно когда его пальцы невесомо погладили шею. Отражение рисовало растрепанную меня и Ормана, склонявшегося надо мной, расстегивающего пуговицу за пуговицей. Я могла лишь смотреть, как раскрывается воротник платья, затем лиф (длинной вереницей выскальзывающих из петель перламутровых капелек, уходящих на талию).

Почему-то закончив с ними, он не стал снимать платье. Опустился на одно колено, мягко подхватил мою ногу, освобождая из плена грубых осенних туфель. Краска залила щеки, когда я вспомнила, на что похожи мои каблуки, особенно на левой – совсем стерся. Впрочем, на каблуки Орман не смотрел: медленно стянул сначала одну, затем другую. Отставил в сторону, провел пальцами от лодыжки к колену – и обратно, после чего мягко опустил мою ногу на пол.

– Знаете, почему важны наказания? – произнес он, глядя на меня снизу вверх. – Чтобы плохие поступки запоминались не только тем, кому они причинили боль. Но и тем, кто их совершил.

«Какую боль?!» – хотелось закричать мне, вместо этого я только мысленно уронила на голову Ормана курительницу. Благо, стояла она совсем рядом, и услаждала мой взор своей тяжестью. По ванной плыл аромат, от которого кружилась голова, цветочный, с легкой травяной горчинкой. Исходил он, правда, не от нее, а от чего, я понять пока не могла.

– Вижу, вы совсем не раскаиваетесь, мисс Руа.

В чем я должна раскаиваться?!

Орман поднялся и ногой подвинул к креслу вазу. Высокую вазу, в которой стояли бамбуковые стебли, завершающие обстановку ванной комнаты. В прошлый раз я не обратила на нее внимания, потому что она была придвинута к стене, но сейчас… Сейчас мне стало дурно, особенно когда он вытянул один стебель и мягко провел им по ладони. Положил на туалетный столик, и меня бросило в холодный пот.

Нет. Нет-нет-нет-нет-нет.

Пожалуйста, только не это!

В следующий миг Орман легко вздернул меня на ноги: на миг притягивая к себе, чтобы заглянуть в глаза. Надеюсь, ему сполна хватило ненависти и презрения, которые я вложила во взгляд. Судя по тому, как потемнели его глаза, подчеркнутые золотой каймой радужки, хватило. Правда легче от этого не становилось.

– Совершенно не раскаиваетесь.

Мерзавец, сволочь, урод, шантажист!

Только отпусти меня, только сбрось свое заклинание, и я тебе так

раскаюсь, что мало не покажется!

– Приступим, – безэмоционально сообщил Орман и перекинул меня через подлокотник.

Аккуратно, надо отдать этому гаду должное, потому что я не ткнулась лицом в сиденье, а просто легла на него щекой. Правда, сути это не меняло: я оказалась лежащей на кресле с задранной пятой точкой, но что самое ужасное, в зеркале все отлично просматривалось. Щеки горели от беспомощности и унижения, холод пронзал тело металлическим стержнем, иглы которого расползались по каждой клеточке. Мысленно осыпая Ормана проклятиями, я смотрела, как он задирает мне платье вместе с сорочкой.

Если он это сделает, если ударит меня хотя бы раз, я… его никогда не прощу! Мелькнувшая в сознании мысль показалась донельзя нелепой. Очень ему нужно твое прощение, Шарлотта. Он наиграется и забудет.

– Хотите считать, Шарлотта?

Воспоминания о линейке и мисс Хэвидж были настолько яркими, что сердце дернулось, а потом забилось как сумасшедшее.

Сволочь, какая же он сволочь!

Как же я его ненавижу!!!

На глаза наворачивались злые слезы, особенно когда он скользнул ладонями мне под бедра и потянул панталоны вниз, повторяя пальцами каждый участок горящей кожи. Когда в руку лег стебель бамбука, перед глазами потемнело. Я не представляла, каково это – быть отхлестанной вот таким, уж точно больнее чем линейкой. Теперь жгло не только глаза, но и грудь, жгло почему-то холодом, так, что дыхание прерывалось. С какой радостью я бы вырвала эту палку у него из рук, а потом…

Я и сама не представляла, что будет потом.

– Судя по вашему лицу, не хотите. По удару за каждую ступеньку, итого тридцать шесть, – озвучили мне мое наказание. – Так уж и быть, только за те, что в доме, крыльцо не считаем.

Тридцать… шесть?!

Бамбук коснулся моих ягодиц, поглаживая и цепляя кожу неровностями на стебле. Который подчиняясь движению Ормана взвился в воздух, а потом обрушился вниз, с хлестким звуком рассекая воздух.

Мерзавец, сволочь, чудовище…

– Ненавижу!!! – Мой крик разорвал сочный удар.

Боли я не почувствовала, но в тот же миг мир резко утратил краски. Залитая теплым светом комната рухнула в пепельно-серую хмарь, с ладоней сорвались страшные черные ленты. Вскрикнула, и, почувствовав свободу, вскочила. Отпрянула, едва не запутавшись в белье, ленты

вспороли воздух, с глухим шипением вгрызаясь в кресло и в пол. Миг – и золотая вспышка поглотила их без остатка. Инстинктивно зажмурилась, а когда вновь открыла глаза, напоминающее яркий солнечный свет сияние уже померкло. Отражение подернулось рябью, и в этом отражении живой осталась только инеевая прядь в волосах Ормана.

Точнее… только она смотрелась здесь настоящей, все остальное…

Было мертво.

Я медленно перевела на него взгляд: на бесцветном лице выделялись только глаза, наполненные кипящим золотом. В ледяной, растерявшей цвета ванной, вокруг Ормана змеились странные черные нити. Они тянулись к нему из ниоткуда, трепетали, как паутина на ветру. Если так можно выразиться об искрящей черными брызгами дряни, от которой по коже шел мороз.

– Что это? – прошептала я непослушными губами. – Что это, что это, что это, что это?

– Это твой дар, – негромко произнес он. – И мое проклятие, Шарлотта. Смерть.

5

Смерть? Дар? Проклятие?

Я смотрела на то, как цвет возвращается в ванную: расплывается акварельными кляксами на бесцветном холсте. Кляксы становились все больше, стирая пугающий серый тлен, возвращая в привычный мир красок. Здесь стоявший напротив меня Орман уже не напоминал призрака, но главное – исчезли эти жутковатые черные нити.

Я глубоко вздохнула и вцепилась в спинку кресла, поперек которого меня недавно перекинули, чтобы выпороть.

– О чем вы говорите?

– Магия смерти, – произнес он. – Твоя магия, Шарлотта.

Магия? Смерти?!

– У меня не может быть магии!

Мои родители были простыми людьми, в них не было ни капли магии. Мама работала горничной в доме леди Ребекки, когда она жила в Вэлее у океана, чтобы поправить хрупкое здоровье. А отец был моряком, он соблазнил маму и бросил беременной. Она хотела отдать меня в приют, но леди Ребекка так ко мне привязалась, что решила взять на себя мое воспитание. Поэтому привезла меня в Энгерию, и ее отец был неизмеримо добр, когда согласился принять в свой дом воспитанницу дочери.

– Тем не менее она у тебя есть, Шарлотта. – Орман по-прежнему сжимал злосчастный бамбук. – Тебе нужна была встряска, чтобы она

проснулась.

– И вы решили меня выпороть?! – выдохнула, сжимая кулаки и чувствуя, как бешено колотится сердце. – Вы…

– Если бы я решил тебя выпороть, ты бы это почувствовала.

Только сейчас поняла, что он меня не ударил: от такого удара ягодицы должны были гореть огнем, но они не горели. Больше того, я вообще не чувствовала боли, а вот хлесткий жуткий звук помнила хорошо. Но если он не ударил меня, тогда…

Перевела взгляд на его руки – стебель плотно лежал в ладони, подставленной снизу.

Кажется, в эту минуту во мне кончились слова. А те, что остались, застыли в груди. Особенно когда я взглянула в сторону кресла: под ним на полу чернели полосы, словно кто-то прошелся по нему огненным хлыстом. С магическими теориями и направлениями я была почти не знакома, знала только, что некромантов в наше время можно по пальцам руки перечесть. Если даже стихия слабеет, переходя на уровень бытовой магии, то откуда взяться столь невостребованной, забытой и пугающей силе?

– С твоей магией все очень и очень странно, – заметил Орман. – Она настолько глубоко скрыта, что даже я не почувствовал ее сразу.

– А должны были?

– Магию смерти? Да.

– Почему?! – вырвалось у меня. – Вы тоже владеете ею?

Я не могла отвести глаза от его ладони, на которой из-под стебля отчетливо проступала красная полоса. Орман проследил мой взгляд и нахмурился.

– Нет, – отрезал он.

– Но тогда как…

– Поговорим за ужином, когда ты придешь в себя. Ванная к твоим услугам.

Прежде чем я успела ответить, он вернул бамбук на место и вышел.

Повернувшись к ванной, растерянно смотрела на поднимающуюся вместе с водой пену: именно она источала этот сладко-горький полевой аромат. Почему полевой, я и сама сказать не могла. В цветах и травах на просторах и на склонах гор Фартона, где прошло мое детство, было куда больше сладости, но эта горчинка казалась мне смутно знакомой.

Раздевшись, приблизилась к шкафу, на котором стоял флакончик, оставленный Орманом. На этикетке был изображен ослепительно-белый цветок, надпись на оборотной стороне обещала «нежность масла аламьены, вобравшего последнее тепло осени».

– Аламьена… – произнесла это слово, пробуя на вкус.

Странное чувство: раньше мне не приходилось видеть этот цветок, но перед глазами вдруг мелькнули загорелые руки. Ладони, сомкнутые лодочками, медленно раскрывались, а в них под солнцем мерцали ослепительно-белые лепестки. Белее их был разве что мел, даже тонкие прожилки и сердцевинка были цветом как бумага высшего сорта.

Моргнув, перевела взгляд на лежащее рядом с пузырьком мыло в дорогой обертке, пахнущее не менее приятно, чем пена. А потом шагнула в ванную, и вода сомкнулась надо мной мягким, пушистым покрывалом. Сейчас я при всем желании не могла думать ни о чем, кроме случившегося несколько минут назад. Перед глазами стояла погруженная в бесцветную хмарь ванная комната. Орман сказал, что у меня есть магия…

Магия смерти.

По коже прошел мороз, и я неосознанно сползла пониже, в тепло. Ойкнула: вода впиталась в неразобранные волосы, которые мигом отяжелели. Вздохнула и принялась распускать прическу, одну прядь за другой. Тело тоже становилось тяжелым, глаза закрывались сами собой, но я упорно их открывала, чтобы продолжить.

Как так вообще могло получиться?

Несмотря на слабеющую в мире магию, просыпалась она в детстве, и если малышей брались обучать, с каждым годом становилась сильнее. Женщин в наше время в принципе не обучали, да и раньше тоже не особо, поэтому магия у женщин Энгерии была на уровне свечу зажечь или зелье для красоты навести. Не говоря уже о том, что в моем возрасте она не пробуждалась. Если наделенный магией человек не практиковался, со временем она в нем просто отмирала. Любой навык нужно развивать, как ходьбу, чтение или письмо.

Кажется, Орману придется многое мне объяснить.

Последняя мысль была какой-то ленивой, с каждой минутой веки становились все более тяжелыми, поэтому я быстро прополоскала волосы и вылезла из ванной. Завернулась в теплое, приятно пахнущее полотенце, чтобы дойти до халата. Шелк коснулся согревшейся кожи такой удивительно-нежной лаской, что я едва не застонала от наслаждения.

В таком странно-плывущем состоянии вышла в комнату и устроилась в кресле, поближе к камину. Пламя тянулось ввысь, чтобы снова и снова облизать языками и без того раскаленный камень. Глядя на его танец, я на минуточку прикрыла глаза.

Пауль Орман

Шарлотта спала: по-детски трогательно сползла в объятия кресла,

потемневшие от воды рыжие волосы рассыпались по плечам. Халат немного распахнулся, делая вырез глубже, невольно притягивая взгляд к ложбинке между упругих полушарий груди. Пламя согревало молочно-светлую кожу, добавляя ей теплых оттенков.

Подхватив девушку на руки, шагнул к кровати.

Она даже не пошевелилась: ни когда он укладывал ее в постель, ни когда укутывал мягким пуховым покрывалом. Впрочем, сейчас Шарлотта не могла проснуться – зелье на основе иньфайских трав (аромат которого мягко вплетался в горчинку аламьены) работало быстро и безотказно. В Иньфае отлично развито целительство, основной упор делается на природную магию. Ту, от которой берет начало любая жизнь.

Жизнь…

Природа явно ошиблась, наградив эту удивительно светлую девочку магией смерти.

Он чувствовал изнанку мира с той самой минуты, когда в отцовском замке смерть протянула к нему свои лапы. Тереза вытащила его в жизнь, но от смерти не избавила: он понял это спустя несколько месяцев после случившегося. Путешествие в Иньфай (его, как сына заговорщика, выслали из страны) было долгим и непростым. В пьяной драке на корабле один из матросов ударил другого ножом под ребра, и тогда ему впервые открылась Грань. Бесцветная суть Смерти, которую Шарлотта увидела в ванной, обратная сторона жизни. Он увидел сгусток эмоций, отделившийся от оседающего тела. Сгусток ярости и боли, отголосок насильственной гибели. То, что обычные люди называют призраками. То, что дано видеть только некромагам и некромантам.

И ему.

Первое время это происходило внезапно, его просто выбрасывало из красок жизни в вязкие серые туманы. Потом научился этим управлять: не магией смерти, нет, она была ему неподвластна. Этими переходами, которые сводили с ума, особенно когда он смотрел в зеркало, на щупальца тянущейся к нему Смерти. Поначалу эту пугало, так же, как и ледяной холод у сердца. Потом… стало легче.

Когда смиряешься с чем-то, всегда становится легче.

Но эта девочка…

Банка с заживляющим зельем уже стояла на тумбочке. Отложив крышку в сторону, коснулся густого лекарства пальцами и принялся мягко втирать в следы жестокости Вудворда. Кожа была шелковистой и горячей, скула и щека полыхали до сих пор. Горели, отдавая пульсацией в подушечки, хотя боли Шарлотта сейчас не чувствовала. Сегодня он был

близок к тому, чтобы схватить графа за волосы и бить головой о стену: до тех пор, пока нос не сплющится, а Вудворд не начнет скулить.

За то, что поднял на нее руку. За то, что посмел на нее посягнуть. За то, что сделал ей больно.

Впрочем, он и сам делал.

Когда считал Шарлотту распутной девицей, скрывающейся под маской невинности.

Демонова маска!

Сорвать бы ее, отшвырнуть в сторону, и никогда больше не надевать. Вместо этого он смотрел на спящую девушку. Девушку, которую хотелось касаться – щекой к щеке, губами, ладонями, всем телом. Целовать нежные мягкие губы, сходя с ума, дурея от ее хрупкости и невинности. Вместо этого раскрыл ладонь, где горела ярко-красная припухшая полоса. Горела и саднила после удара, на который он не пожалел сил.

Гораздо больнее был ее взгляд: яростный, дикий, отчаянный.

Взгляд, полный веры в то, что он может ее ударить. Впрочем, разве не этого он добивался?

Вытащить ее магию через потрясение – когда Шарлотта с пылающими глазами сбежала вниз по лестнице, наверное, именно тогда он принял это решение. А может быть, в ту минуту, когда сумасшедшая девчонка бросилась на улицу, зная, что долговая метка ее убьет. Разумеется, она не могла причинить ей вреда (потому что рисовать ее он не собирался), но Шарлотта этого не знала.

Пожалуй, в тот миг он действительно захотел ее выпороть.

За то, что рисковала собой.

Артефакт в кармане брюк отозвался легким мелодичным звучанием, и он нахмурился. Гостей здесь не ждали, случайных визитеров в Дэрнсе не бывает. Не удержался, на прощание коснулся пальцами щеки, где стремительно таяло пламенеющее пятно, ненадолго задержал короткую ласку и вышел из комнаты.

Тхай-Лао уже встречал гостя в холле.

Гостя, при виде которого уснувшая было ярость поднялась с новой силой: напротив иньфайца стоял лорд Ирвин Лэйн. Дело было даже не в том, что выправкой и манерой держаться (размахом плеч, сверкающим яростью взглядом) он до одури напоминал Анри. Хотя… может быть и в этом.

– Чем обязан? – поинтересовался, не утруждая себя приветствиями.

Лэйн вскинул голову, в глазах его читалась непримиримая решимость.

– Я бы предпочел переговорить с вами наедине.

– Оставь нас.

Шаг, каждый шаг, отдавался мучительной, ноющей жаждой расправы. Не над Вудвордом – так над ним, над этим сосунком, возомнившим, что может являться в его дом с претензиями. Тишину, воцарившуюся в холле после ухода Тхая, можно было резать ножом. А вот натянувшийся канат взглядов разрубить могло только лезвие шаанха: заточке иньфайских мечей в мире нет равных.

– Я к вашим услугам.

– Мы будем разговаривать здесь?

– Не вижу причин приглашать вас дальше порога.

Это было сказано достаточно мягко, и в то же время оскорбительно. Настолько, что лицо Лэйна закаменело.

– Вы специально демонстрируете полное отсутствие манер, или просто им не обучены?

– Не люблю лицемерить.

– Шарлотта у вас?

– У меня, – ответил, не без удовлетворения отмечая, как темнеют глаза Лэйна. – Но она спит, и будить ее я не стану.

Лэйн прищурился.

– Вас совершенно не волнует ее репутация?

– Ее репутация никоим образом не пострадает. Разве что вы пожелаете рассказать об этом всем и каждому.

Потемневшие глаза сверкнули молниями.

– Вы нарываетесь, месье Орман.

– Разве? – Губы тронула злая улыбка. – Если вас так волнует ее репутация, почему вы оставили нас наедине?

Удар достиг цели: даже на смуглой коже проступил румянец.

– Я требую, чтобы вы оставили Шарлотту в покое, – холодно произнес Лэйн.

Не будь он настолько зол, непременно посмеялся бы.

– Требуйте, этого я не вправе вам запретить.

– Но вы не оставите, верно?

– Поразительная догадливость.

– А я не оставлю в покое вас. – Лэйн шагнул к нему вплотную, намеренно сокращая дистанцию. – Зачем вы носите маску, месье Орман?

– Это запрещено?

Он давно научился разговаривать с теми, кто хочет заставить смотреть на себя снизу вверх: достаточно скользнуть по лицу жестким ледяным взглядом. Настолько, что стоящий напротив по меньшей мере почувствует

себя неуютно, по большей – испугается рассыпаться осколками. Лэйн не испугался: улыбнулся, в тон снова посветлевшим до морозного снега глазам.

– Вовсе нет. Не запрещено иметь два дома в Лигенбурге, один из которых оформлен на вашего слугу, Тхай-Лао Хонга. – Лэйн приподнял брови. – Но если я найду что-то, касающееся вас, что-то, что все-таки запрещено… Она будет первой, кто об этом узнает.

Хлопнула дверь: лорд Лэйн вышел на улицу. Он смотрел ему вслед – как тот идет к кэбу, как садится в него, как извозчик пускает волну по поводьям. Смотрел, но в сковавшем тело холоде видел только лицо Джинхэя. От разлетающихся ледяных брызг мокрыми становились даже ресницы, сквозь полупрозрачный полог воды плыли очертания леса. Только когда разум вернулся в исходную точку, он вернулся в холл особняка в Дэрнсе. Опустил взгляд и увидел рождающуюся на пальцах смертоносную зелень, которую погасил щелчком пальцев.

Коснулся вызывающего артефакта, кивнул Тхай-Лао.

– Подай пальто и трость.

Едва сгиба локтя коснулась коверкотовая ткань, распахнул дверь и шагнул в стягивающийся над городом вечер.

6

Меня разбудил запах кофе. С кофе всегда начинался день леди Ребекки, она пила его без сливок (хотя без сливок это гадость редкостная), а еще его подавали на завтрак у Вудвордов. Столовалась я у них, за исключением ужина, поэтому со временем даже привыкла к густой черной жиже, большая часть которой оставалась в моей чашке…

Вудворды!

Воспоминания окатили похлеще ледяной воды. Я подскочила на кровати и покрывало поползло вниз, по оголенной коже: за ночь халат лишился пояса, поэтому распахнулся так, что дальше некуда. Утонченную мрачность обстановки не спасал даже дневной свет, камин погасили, из-за чего в комнате было довольно прохладно. Впрочем, замерзнуть мне не грозило – наткнувшись взглядом на Ормана, я мигом вспыхнула и натянула одеяло до подбородка.

– Выспалась? – поинтересовался он как ни в чем не бывало и поставил столик-поднос рядом со мной.

– Как…

– Снотворное, которое ты так любишь, Шарлотта. Я решил, что тебе стоит отдохнуть.

– Вы что, меня усыпили?!

События вчерашнего вечера сыпались на меня, как конфетки из кулька на Праздник Зимы.

Вот я сбегаю по лестнице, бросаюсь на улицу…

Орман перехватывает меня у крыльца, набрасывает заклинание и тащит назад, как куклу.

Звук рассекающего воздух бамбука…

Магия смерти, ванная, мягкое кресло…

Темнота.

Мамочки! Я что, у него ночевала?!

– Мисс Дженни!

Орман приподнял бровь.

– Это моя кошка!!! Она осталась одна!

– Ты невероятная женщина, Шарлотта. Вчера в тебе проснулась магия смерти, а ты думаешь, что у тебя кошка осталась одна.

Вообще-то я думала о том, что я у него ночевала.

И я действительно у него ночевала.

А еще…

– Меня рассчитали.

Это я зачем-то сказала вслух.

– Радоваться надо, – заметил Орман.

– Я сама решу, чему мне радоваться, а чему нет, – буркнула себе под нос.

– Ну разумеется. Только сначала ты позавтракаешь.

– Не стану я завтракать! Мне надо домой. Немедленно!

Желудок протестующе заурчал, не просто заурчал – зарычал. Особенно когда Орман приоткрыл крышку, и по спальне потянулись ароматы: хрустящего бекона, такого аппетитного, с корочкой, яичницы, а еще сдобы (свежей, присыпанной сахарной пудрой). Рядом с рогаликами стояла вазочка с джемом, соусница, сливки и кофейник. Несмотря на всю мою нелюбовь к кофе, сейчас я хотела есть так, что готова была высосать все через носик, а еду запихивать в рот руками. Вместо этого плотнее завернулась в халат под покрывалом и вылезла из постели. Вздернула подбородок и направилась в ванную комнату, чтобы обнаружить, что…

Моя одежда исчезла.

Вся, целиком: ботинки, панталоны, чулки, нижнее и верхнее платье.

– Месье Орман! – прошипела я, выглядывая из ванной. – Верните мне мою одежду! Сейчас же!

– После завтрака – непременно, – отозвался Орман. – Неужели ты думаешь, что я просто так тебя отпущу? После того, что случилось?

Подумать времени у меня не было, ни вчера, ни сегодня. Поэтому я с треском захлопнула дверь и уселась на бортик ванной, вцепившись в него пальцами. По-хорошему, он был прав: эту ночь я все равно провела в его доме, за время завтрака ничего существенно не изменится. Гувернанткой мне больше не быть, художницей (после такой статьи) – тоже.

А кем быть? Натурщицей месье Ормана?

Решительно откинув эту мысль на потом, вернулась к магии.

О случившемся до сих пор напоминала подпалина на ковре и очень похожее пятно на кресле. Медленно приблизилась и опустилась на корточки рядом, коснулась пальцами обугленных краев, и те рассыпались прахом. Подавив желание отпрянуть, выпрямилась и поднялась.

Что, если бы такое случилось на улице?

Или, скажем, у Вудворда? Орман говорил, что нарочно устроил мне встряску – значит, такое больше не повторится? В смысле, я больше никого не подпалю этими жуткими черными хлыстами?

Не подпалю, не испепелю… как это правильно называется?

Ладно, если уж все так получилось, надо извлечь из этой ситуации как можно больше выгоды. В частности, обо всем его расспросить. После завтрака мне вернут одежду, и я поеду к леди Ребекке. Нужно узнать, откуда во мне такая жуткая магия.

После праха обивки руки мыла особенно тщательно, а еще быстренько привела себя в порядок. Быстренько – не для того, чтобы побыстрее увидеть Ормана и даже не потому, что мне отчаянно хотелось засыпать его вопросами. Просто запах бекона до сих пор будоражил воображение. Бекона, а еще булочек, которые в отличие от бекона не остынут… Но он же тоже не успеет остыть, правда?

Бекон.

Я даже на себя в зеркало едва взглянула: было бы на что там смотреть, правда. Торчащие в разные стороны волосы (которые наспех пригладила невесть откуда взявшейся у зеркала совершенно новенькой щеткой), и удивительно посвежевшее лицо. Чувство было такое, что отоспалась я за последние полгода, по крайней мере, уже давно не ощущала себя настолько свежей и полной сил. На щеке не осталось и следа после пощечины Вудворда: я даже потыкала в нее пальцем, чтобы убедиться, что глаза меня не обманывают. Не обманывали, потому что больно не было ни капельки.

Все так же, с высоко поднятым подбородком вернулась в спальню.

– Хорошо, – сложила руки на груди, с вызовом глядя на него. – Я согласна позавтракать, если вы ответите на мои вопросы.

Орман, стоявший у окна, обернулся. Поклясться могу, что уголки его

губ дрогнули.

Ну и ладно, ну и пусть глумится! Главное сейчас – получить ответы.

– И много у тебя вопросов, Шарлотта?

– Много, – сказала я, медленно двигаясь к кровати. – В частности, давно мы с вами стали на «ты»?

– Со вчерашнего вечера.

Без маски он выглядел не таким… далеким, что ли. А еще мне почему-то очень хотелось коснуться серебряной пряди в его волосах. Почувствовать, действительно ли она настолько инеевая, как кажется.

Мысленно отругала себя за такие идеи и неспешно приблизилась к кровати. На которую взобралась и закуталась в покрывало, после чего подтянула столик к себе.

– Я настаиваю, чтобы вы обращались ко мне на «вы».

– Настаивай, – заметил он, приближаясь к постели. – Я не против.

– Стойте там! – Я вскинула вилку, которая как-то незаметно оказалась в моей руке.

– Это моя спальня, Шарлотта.

Что-о-о-о?!

– Сегодня я уступил ее тебе, но это ничего не меняет. Стоять я буду, где пожелаю. И сидеть тоже. – Он опустился рядом со мной, подхватил столик и поставил его между нами. – Ешь, пожалуйста. Мысль о том, что ты голодная и гордая, не дает мне покоя.

– Я не голодная и не гордая!

Желудок снова предательски заурчал, и под этот аккомпанемент до меня дошло, что я только что сказала. Уточнять – значит, лишний раз привлекать внимание к своей оплошности, поэтому я молча сняла крышку и сделала вид, что еда меня совсем не интересует. Вот ни капельки. Ни разу. Даже если учесть, что в последний раз я ела бекон очень давно: у Вудвордов слугам давали овсянку, иногда яйца и сыр. Ну и хлеб, разумеется.

– Так и будете глазеть? – вложила в свой голос как можно больше холода и взяла нож.

– Буду, – мягко сообщил он. – А если будешь изображать из себя невесть что, еще и покормлю. С ложечки.

Я дернулась, когда рука его потянулась к подносу, но Орман всего лишь взял кофейник, чтобы наполнить мне чашку. Глубоко вздохнула и медленно отпилила кусочек бекона с яичницей. Леди Ребекка учила, что мисс должна есть понемножку. А в гостях – всегда отказываться от добавки, но никогда не оставлять ни крошки, потому что это может

намекнуть хозяевам на то, что блюдо не удалось. И уж тем более мисс не должна есть быстро, нужно медленно и аккуратно поднести кусочек ко рту…

Бекон оказался превосходным: на миг забывшись, подумала о том, что никогда не ела ничего вкуснее.

– Сливки и сахар добавишь по вкусу, – произнес Орман, наблюдая за мной со странным выражением на лице. – Кстати, можешь называть меня Пауль.

Спасибо воспитанию леди Ребекки, именно благодаря ему я сейчас не поперхнулась: нечем было.

– Могу, но не стану, – ответила я. – Во-первых, мы с вами недостаточно хорошо знакомы.

– А во-вторых?

– А во-вторых, это имя вам не идет.

После такого леди Ребекка упала бы в обморок, но ее здесь не было. Тем более что имя и правда ему не шло, оно было приляпано к его образу с изяществом карнавальной маски на званом ужине.

После этого замечания Орман посмотрел на меня с еще большим интересом.

– Возможно потому, что оно не мое.

От такой откровенности я чуть не поперхнулась повторно.

– Вот как?

– Это имя мне дали в Иньфае, мой наставник. Пау-Лин в переводе с иньфайского означает «одухотворенный».

Он смотрел мне в глаза, и от этого взгляда становилось жарко. По-настоящему жарко, не как от пламени в камине: этот жар рождался внутри, а не снаружи. Не согревающий, но будоражащий, заставляющий тянуться к нему, как бабочка к огню. А с бабочками, которые тянутся к огню, ничего хорошего обычно не происходит. Потом от них остаются только крылышки.

Сама не знаю, почему у меня возникло такое чувство, но именно оно встряхнуло и заставило первой отвести взгляд. Этот разговор сам по себе переходил все допустимые грани. Даже не приличий, а чего именно, я пока сказать не могла. И не уверена, что хочу это знать.

– Вы обещали ответить на мои вопросы, – напомнила я, возвращаясь к завтраку.

Теперь уже намеренно избегая встречаться с ним взглядом, потому что в сумасшедшем светло-сером перламутре его глаз было нечто гипнотическое. Притягательное, пугающее и отталкивающее одновременно. Особенно когда вокруг радужки раскалялся золотой ободок,

втекающий в ее цвет солнечными прожилками.

– Спрашивай. – Голос его снова звучал небрежно.

Равнодушно и отстраненно, совсем не так, как минуту назад. Наверное, так будет лучше.

– Что вчера произошло в ванной?

– Ты ушла на Грань.

– На Грань?

– Так называют переходное состояние некроманта или некромага, когда он находится между жизнью и смертью. Это взгляд на мир со стороны смерти, если можно так выразиться. С него начинается взаимодействие с магией. Такие как ты, Шарлотта, черпают силу из небытия.

От меня не укрылось, что он сказал «такие, как ты».

– Вы раньше встречали некромагов?

– Встречал. – Орман поднялся и подошел к окну, позволяя мне вздохнуть свободно.

Теперь, когда его не было рядом, можно было спокойно есть, не опасаясь подавиться беконом. А еще смотреть на него: когда он стоял вот так, сложив руки за спиной и глядя на улицу. Так проще, чем когда каждое неосторожное движение может привести к прикосновению, которого мне отчаянно хотелось избежать.

Усилием воли заставила себя вернуться к тому, от чего мы ушли. То есть к магии смерти.

– А кресло и настил в ванной? Что произошло с ними?

– Суть твоей магии. Глубинная Тьма.

Глубинная – что? От самих этих слов по коже прошел мороз.

– То есть…

– То есть Смерть. – Он повернулся в самый неподходящий момент: я по-простому полезла рогаликом в джем и макнула туда пальцы.

Случайно, разумеется, просто на слове «Смерть» рука дрогнула.

Воспоминания о текущем сквозь меня холоде были настолько неживыми, что на миг показалось, будто сердце перестало биться. Я вспомнила сорвавшиеся с рук черные ленты и мысленно содрогнулась.

– Что будет, если такое повторится? – спросила внезапно севшим голосом.

– Не повторится, если ты научишься этим управлять.

Управлять? Как я научусь этим управлять, ведь я – женщина! Даже если каким-то образом леди Ребекке удастся найти (через связи мужа) практикующего некроманта (что само по себе невероятно), вряд ли он

захочет меня обучать. Честно говоря, я вообще смутно себе представляла, что леди Ребекка захочет говорить о таком. Виконтесса всегда была очень практичной и терпеть не могла магию. Что толку тратить время на то, что не приносит никакой пользы?

– Думаете, кто-то возьмется меня учить? – с губ сорвался смешок.

– Я.

Прежде чем я успела что-либо ответить на это (заявление? предложение?) – Орман шагнул ко мне и перехватил мою руку, мягко отнимая рогалик. Вздохнуть не успела, как его губы коснулись моих пальцев, а в следующее мгновение он удивительно мягко втянул один из них в рот.

Из груди разом выбило воздух, а меня выбило из реальности.

Я чувствовала только прикосновение губ к кончикам пальцев. Губ, а еще языка, медленно скользящего по коже. От бесстыжей ласки бросило в жар, я не успела перехватить сорвавшийся с губ протестующий вскрик, который прозвучал как стон. Широко раскрытыми глазами смотрела, как Орман медленно выпускает изо рта мой палец, позволяя прохладе коснуться пылающей подушечки. Скольжение языка по кончику другого пальца отозвалось пронзительным удовольствием в самом низу живота. Содрогнувшись от короткой умопомрачительной вспышки, закусила губу.

– Сладкая, – произнес он и медленно облизнул губы. – Какая же ты сладкая, Шарлотта…

– Это не я. Это джем.

– Именно ты.

«Именно ты» его низким хриплым голосом обрушилось на меня с такой силой, что я отдернула руку.

– Не смейте! – сказала яростно, с трудом сдерживая прерывающееся в такт колотящемуся сердцу дыхание. – Не смейте ко мне прикасаться!

– Ты правда этого хочешь, Шарлотта? Хочешь, чтобы я никогда больше к тебе не прикасался?

Переход с запястья в ладонь пульсировал и горел. Казалось, я все еще чувствую его пальцы там, где они раскаляли мою кожу. И не только там, но и внизу… воспоминания о сне нахлынули, увлекая за собой, воскрешая бессовестно-властные движения, терзающие и дарящие удовольствие.

Удовольствие, которого я не желала!

– Я правда хочу, чтобы вы оставили меня в покое, – сказала ледяным голосом. Подтянула рукав халата, открывая спящий узор. – Все, что нас связывает, месье Орман, находится здесь. Чем раньше вы это поймете, тем лучше.

Золотая вспышка в глазах заставила отшатнуться: я дернулась так, что чудом не опрокинула столик. Он придержал его, а потом поднялся – стремительно, как летом набегает гроза. Сверкнувшая во взгляде молния напомнила о солнечной пелене, растекающейся в бесцветии Грани.

– Вы обещали вернуть мне одежду, – напомнила.

– Тебе ее принесут. – Орман направился к двери, задержавшись у нее лишь чтобы добавить: – Но она не потребуется. Потому что после завтрака мы продолжим.

7

В мастерскую, которая так меня поразила, я вошла с высоко поднятой головой. В конце концов, ничего хуже веревок Орман уже не придумает (ведь не придумает же?), а к этому я была готова. Если к такому в принципе можно подготовиться, потому что превращающие мое тело в сгусток желания путы до сих пор вызывали не самые приятные воспоминания. Или наоборот слишком приятные, я пока не определилась. Я вообще смутно определилась с тем, что испытываю, когда вижу этого мужчину.

– Твоя маска. – Орман шагнул мне навстречу, но едва я протянула к ней руку, скомандовал: – Повернись.

– Я вполне способна справиться с этим сама.

– Не сомневаюсь, Шарлотта.

Не дожидаясь, пока я выполню приказ, мягко развернул меня спиной и приложил маску к моему лицу.

– Подними волосы.

– Вы не можете просто написать мой портрет?

– Нет. Просто не могу. – Его пальцы коснулись шеи, и я вздрогнула. Теперь, когда он не надевал перчатки (я была почти уверена, что нарочно), каждое прикосновение несло в себе будоражаще-острое воспоминание. Щелчок застежки прозвучал как выстрел. – И не хочу. Потому что я хочу тебя, Шарлотта.

– Хотеть не вредно, – заметила я, отступая, пожалуй, слишком поспешно.

Он говорил непристойные вещи с той же легкостью, что и дышал, и я не была уверена, что это не заразно. Потому что сегодня, когда Орман целовал мои пальцы, мне не хотелось их отнимать. Хотелось тянуться за его поцелуями, продлевая порочные ласки, а еще до безумия хотелось попробовать его губы. Коснуться подушечками пальцев, повторить плавный контур… или резкую линию. Проверить, действительно ли они настолько мягкие, как невесомые прикосновения к моей коже, или же грубые и жесткие, как в минуты, когда он отдавал приказы.

Какие они на самом деле?

Хорошо, что Орман не может читать мысли, хорошо, что я стояла к нему спиной. Впрочем, сейчас, когда мое лицо было надежно прикрыто маской, мне было немного проще. Даже позволять себе такие мысли, о которых никто не узнает.

Никто.

Никогда.

Поспешно шагнула к кровати, пальцы почти не дрожали, когда я развязывала пояс.

– На лацианских карнавалах многие носят маски без креплений, – он шагнул следом.

– Неужели? И как же им это удается?

Может быть и не дрожали, но пояс развязываться не хотел. Об этом я пожалела в ту же минуту, как руки Ормана накрыли мои и мягко развели в стороны.

– Я помогу.

Пальцы едва скользнули по затянутому узлу, и он просто разомкнулся сам собой, словно подчиняясь его немому приказу.

– Удается по-разному, – заметил Орман, положив ладони мне на плечи и мягко стягивая халат.

Я выскользнула из него, как горошина из стручка, и тут же обхватила себя руками.

Бессмысленно, но ничего поделать с собой не могла.

– Лацианские карнавалы – это не только праздники и представления, это своеобразная игра. Каждый играет в нее так, как пожелает. Есть маски, которые держат наряды: лишишься шляпы или высокого воротника – лишишься маски. А есть такие, которые женщины держат губами…

Он сделал акцент на последнее слово, воскрешая мои недавние мысли.

– Как же они разговаривают? – тихо спросила я.

Чтобы не выдать сбившееся дыхание.

– Никак. Пока им не разрешат. – Орман обошел меня и направился к мольберту. – Ложись, Шарлотта.

Я обернулась: он невозмутимо раскладывал палитру, даже не смотрел в мою сторону.

– Что, веревок не будет? – вырвалось у меня.

– А тебе хочется?

Он бросил на меня такой взгляд (небрежной лаской огладивший лицо, обнаженную спину и ягодицы), что мне мигом расхотелось разговаривать. Не только разговаривать, но и дышать: мне казалось, что я делаю это

слишком громко. В его присутствии я все делаю слишком громко. Даже думаю.

Без веревок было немногим, но все же спокойнее. Я больше не чувствовала себя марионеткой, которую ниточки превращают в непристойную усладу для чьих-то глаз. Только вот эти глаза были ничуть не лучше веревок: касаясь моего обнаженного тела взглядом, Орман разжигал на коже костры, погасить которые было не так-то просто.

Чтобы избавиться от этого дикого чувства, уставилась на подвязанный балдахин. Балдахин себе как балдахин, но он ни с того ни с сего напомнил мне похожий, только воздушно-кремовый, в спальне подруги. То есть теперь уже наверное бывшей подруги. Воспоминание о Лине, метнувшейся к выходу из библиотеки, о ее словах, впилось в сердце ржавой иглой. Наверное, если бы она не сбежала, все могло бы получиться иначе.

Совсем недавно я представляла, как мы будем болтать обо всем, пока нам делают прически и помогают одеваться (подумать только, мне, совсем как леди!). Представляла, как войду в бальную залу, в самом настоящем бальном платье. Как Лина с Ричардом откроют бал, и как они его продолжат (помолвка и свадьба – единственная возможность танцевать вместе более пяти танцев, чтобы это не сочли непристойным), как пары будут кружиться под звуки вальса или мельтешить в неугомонной кантрели…

Теперь ничего этого не будет.

Ни бала.

Ни дружбы с Линой, ни болтовни (урывками, между занятиями с Илайджей, во время которого мы делились самым сокровенным). Хотя делилась преимущественно Лина, мне было особо нечем, разве что рассказами о своих сюжетах.

Теперь уже и не будет.

Больше этого не будет никогда.

Закусила губу: теперь уже смотреть на балдахин было необходимостью. Стоящий в горле ком грозил вот-вот прорваться слезами, а это совсем некстати. Плакать в присутствии кого бы то ни было – само по себе дурной тон. Плакать в присутствии Ормана – гораздо хуже. Намного, намного хуже.

Да и слезами вряд ли поможешь тому, что уже не исправить.

Сейчас мне нужно подумать о том, как найти работу. Возможно, получится устроиться в школу для девочек, если уж место гувернантки мне не светит. Правда, времени на рисование там не будет совсем.

Эта мысль оказалась настолько острой, что на миг оглушила.

А следом оглушил голос Ормана, пробивший вязкую паутину опутывающих меня страхов.

– Эрик.

– Что?

Еще до того, как он ответил, я поняла. Возможно потому, что этому имени маски были не нужны.

– Меня зовут Эрик, Шарлотта.

Имя Эрик ему шло. Несмотря на обманчивую мягкость, было в нем что-то неуловимо темное и хищное.

– Зачем вы мне это говорите?

– Ты же сказала мне.

– Что?

– Что Пауль мне не идет. Ты так хорошо разбираешься в людях, Шарлотта?

Если бы я хорошо разбиралась в людях, ни за что не пошла бы за вами в Музее искусств.

– Не в людях, а в образах. Я же художница.

Ну или вроде того.

Возвращение домой вдруг представилось ужасающе ясно. Холодная комната и мольберт с чистым холстом, на который я не уронила ни штриха за последние несколько дней. Большее, на что меня хватало – это наброски. Мастер Викс говорил, что в жизни бывают важные сюжеты, после которых нужно время, чтобы прийти в себя.

«Самое главное – не начать слишком рано и не упустить момент, – говорил он. – Поймать мгновение, почувствовать, когда искра в сердце снова разгорится в костер, чтобы сложиться в новую историю, которую ты захочешь показать миру».

«Девушка» стала для меня именно такой.

А для общества – «дерзостью, пошлостью, наплевательским отношением к морали и нравственности». Вспомнилось, как я засыпала у мольберта с улыбкой, а просыпаясь посреди ночи, еще чуть-чуть не гасила лампу, расходуя драгоценный артефакт, чтобы почувствовать картину и добавить несколько штрихов. Вспомнилось, и на глаза снова навернулись слезы.

Так, дыши ровно, Шарлотта. Дыши ровно.

И на балдахин не смотри.

– Где ты училась рисовать?

– Ко мне приходил мастер Викс.

– Мастер Викс?

– Мой учитель.

– Он где-нибудь выставлялся?

– Нет.

– Не хотел? Или даже не пробовал?

– Для него это было неважно. Он обучал живописи, давал частные уроки…

Орман хмыкнул, на мгновение оторвавшись от мольберта.

– Интересно, чему может научить человек, начисто лишенный амбиций?

– Рисованию?

– Скорее, как быть голодным.

Я поразилась насмешке, прозвучавшей в его голосе. Поразилась и разозлилась.

– Мастер Викс был чудесным человеком. Он научил меня всему, что я знаю, подарил мне возможность писать. Ничего плохого в том, что он посвятил свою жизнь обучению детей, я не вижу.

– Что хорошего в том, чтобы умереть в забвении?

– Вы ничего о нем не знаете.

– Ну разумеется. Никто не знает. И не узнает, смею предположить.

– Я всегда буду его помнить! – воскликнула, сжимая руки в кулаки.

Злиться, когда ты обнажена, как-то… противоестественно, но я злилась. Не просто злилась, мне хотелось высказать Орману все, что я о нем думаю.

– Только ты и будешь. И еще парочка-другая учеников, между делом, когда взгрустнется.

Задохнувшись, приподнялась на постели. Но прежде чем мне в голову пришел достойный ответ, Орман произнес:

– Сколько ты хочешь за «Девушку в цепях»?

От неожиданности замерла. Сама мысль о том, чтобы ее продать, показалась кощунственной, но ведь это разом решило бы мои проблемы. Не все, разумеется, но на время, что я буду искать работу, поможет оплатить жилье. Не голодать и даже выкупить подарок леди Ребекки, который достанется владельцу ломбарда, если я не найду деньги за пару недель. Даже если Орман мне предложит половину суммы, что предлагала герцогиня, даже если он предложит мне треть или четверть, это стало бы моим спасением. Но…

Продать «Девушку»?

Продать ее этому порочному, развращенному типу, привыкшему получать все?!

– Нисколько, – сказала я. – Эта картина не продается.

– В этом мире продается все.

Я спокойно посмотрела ему в глаза:

– Вы ошибаетесь.

Он приподнял бровь.

– Сто тысяч.

– Чего? – Я моргнула.

– Сто тысяч анталов, Шарлотта.

Слова во мне кончились. Как-то разом.

Сто тысяч анталов – сумасшедшие деньги, приданое Лины (она сказала по большому секрету) оценивали в сто пятьдесят. На них можно не только снять жилье подороже и безбедно жить несколько лет, на них я смогу открыть художественный салон. Свой салон, первый в Лигенбурге салон искусств, который будет содержать женщина. Салон, где я смогу выставлять свои картины без насмешек и снисходительных взглядов, без разворотов в сторону двери.

Не знаю, что было хуже – сама мысль о такой возможности или то, что я ее допустила. А может быть, моя заминка, отразившаяся в его глазах откровенной насмешкой. Стоило немалых усилий остаться спокойной и выдержать этот взгляд.

– Она не продается, – повторила я, откинувшись на подушки.

– Двести.

Всевидящий!

– Зачем она вам?!

– Для коллекции.

– Девушек?

Орман усмехнулся.

– А ты учишься кусаться, Шарлотта.

Сказал тот, кто одним ударом лапы может оторвать голову. То есть руки, конечно, но сути это не меняет.

– Это плохо? – приподняла бровь.

– Это чудесно. – Он пристально посмотрел на меня. – Я хочу твою картину, Шарлотта, потому что она уникальна. Таких больше нет. Подумай об этом.

На такое я даже не нашлась, что ответить. Орман вернулся к своему занятию, а я пыталась понять, что мне делать с его предложением. Расставаться с «Девушкой» не хотелось, ни за какие деньги, но… Есть ли у меня сейчас выбор? Идти к леди Ребекке, просить ее о помощи – и о какой? Если представить, что Орман не шутит, я могла бы…

Нет, об этом лучше не думать.

Нет, нет, нет!

Мы больше не разговаривали, но за время, что Орман меня писал, сделали несколько перерывов. Он выходил из мастерской, а я бродила по ней, разминаясь и представляя, что у меня может быть такая же. Такая же, если я соглашусь, приму его предложение.

Но что толку писать, если моих картин никто не увидит?

Художественный салон Шарлотты Руа станут обходить стороной, и уж точно никто не захочет там выставляться.

Надо признаться, отчасти Орман все-таки прав. Наверное, я бы не смогла как мастер Викс, всю жизнь писать только для себя или для ограниченного круга тех, кому можно показать свои сюжеты. Какой в этом смысл, если они не украсят ни гостиную, ни спальню, ни даже коридор. Если никто не взглянет, не улыбнется или не отметит вложенных в них чувств? Само по себе произведение искусства нелепо, любое, даже самое прекрасное – если оно сокрыто от людей.

Но есть ли у меня будущее после такой статьи?

Поднялась на второй этаж мастерской, где стоял шкаф с книгами по искусству. Здесь был и анатомический атлас Фериха Зильберта в двух томах, о котором я могла только мечтать. Огромные тяжеленные фолианты. Книги, посвященные разным техникам, дорогие, написанные на разных языках – вэлейском, маэлонском, на нашем.

Провела пальцами по корешкам, представляя, что точно такие же могли бы принадлежать мне. Подумала об этом – и снова разозлилась, еще сильнее. На Ормана с его предложением, на себя за такие глупые мечты. Ловушка красивой жизни захлопнется, не успею даже вздохнуть. Или…

– Моя библиотека к твоим услугам.

Вздрогнула и обернулась: Орман смотрел на меня снизу вверх. Точнее, с первого этажа на второй, положив руку на ленту перил.

– И та, что касается магии, тоже. Спускайся, Шарлотта. Продолжим.

И мы продолжали. До той минуты, пока он не отложил кисть.

Признаться, к этому моменту у меня перед глазами уже плавал хрустящий бекон. Не представляю, почему: никогда не была прожорливой, но то ли бекон оказался слишком вкусным, то ли организм от пережитых потрясений пытался оправиться таким вот экстравагантным образом.

«Как бы там ни было, милый, – сказала я ему, – придется потерпеть. Нам еще надо добраться до города, и…»

– Хочешь взглянуть?

Я замерла, как была: рука тянется за халатом, взгляд на натянутой

привязи пристального внимания Ормана. Сама мысль о том, чтобы посмотреть на набросок, показалась обжигающе-острой.

Увидеть себя его глазами.

Такой…

Порочной, распутной, бесстыжей?

Полог замешательства рухнул в ту же секунду.

– Нет, – ответила решительно.

Не хочу я смотреть на… это.

– Как пожелаешь. Значит, пойдем обедать.

– Вы обещали меня отпустить после завтрака!

– Разве? Я обещал, что после завтрака тебе вернут одежду. Сегодня у меня свободный день, и я хочу основательно с тобой поработать.

Мои желания, конечно, в расчет не принимаются. Ну да ладно. Чем быстрее он закончит, тем быстрее я избавлюсь от долговой метки и его общества. И от наваждения, накатывающего в его присутствии. Мисс Дженни придется до вечера погулять, но к счастью, она умеет о себе позаботиться: пару раз приносила домой толстеньких крыс (их в Лигенбурге очень много), а однажды – придушенного голубя. Осознав, что добыча меня в восторг не приводит, перестала таскать их в дом. Несколько дней подулась за неоцененные усилия, а потом забыла. Что с нас, с людишек, взять.

– Где находится столовая? Дайте мне двадцать минут, и я к вам присоединюсь.

– Я провожу, – Орман протянул руку.

– Мне нужно одеться и привести себя в порядок, – напомнила я. – Или вы хотите, чтобы я села за стол в халате?

Он усмехнулся и покачал головой:

– Там, где мы будем есть, халата более чем достаточно.

Вспомнила завтрак, и мне как-то резко стало не по себе.

– Я не стану обедать в спальне.

– В спальне мы точно обедать не будем.

– Тогда где? – Я сложила руки на груди, подозревая, что ответ мне не понравится.

– Всегда все уточняешь заранее?

– Это вы меня научили, – заметила я. – Уточнять все заранее, чтобы потом не возникло непредвиденных… обстоятельств.

Орман хмыкнул и кивнул на дверь.

– Лично я собираюсь на обед, Шарлотта. Ты можешь решать, пойдешь со мной, или дождаться здесь.

От такого выбора желудок предательски сжался. Мне не привыкать к пропущенному завтраку или ужину, но сейчас, когда предстояло позировать ему обнаженной еще несколько часов, голодать не хотелось. Глазеть на меня здесь некому (кроме Ормана, но он, кажется, видел больше меня), так что пройти по коридору в халате – не самое страшное. В конце концов, если мне что-то не понравится, ничто не мешает развернуться и уйти. Немедленно.

Я плотнее запахнула халат, настолько, что сейчас он выглядел целомудреннее моего платья, и кивнула. Мы направились к двери, но на полпути меня осенило еще одним немаловажным вопросом, а именно вопросом обуви. Стоило представить себя в халате и осенних туфлях, уголки губ поползли вверх. С трудом справившись с приступом совершенно неуместного веселья, серьезно поинтересовалась:

– По коридорам мы тоже пойдем босиком?

– Говорю же, что ты любишь забегать вперед. – Орман распахнул передо мной дверь.

Наша обувь была аккуратно отодвинута в сторону, совсем рядом стояли плетеные сандалии, наподобие тех, что были на Тхай-Лао. Две пары, одна поменьше и поизящнее, другая побольше.

– Примерь.

Выглядели сандалии грубовато, но стоило их надеть, ремешки мягко оплели ноги. Я сделала несколько шагов и оценила все преимущества иньфайской обуви: она не жала нигде. Разве что по ногам тянуло прохладой, но летом такие сандалии были бы незаменимы… наверное. К сожалению, оголять ноги в Энгерии считалось верхом распущенности, даже в самую отчаянную жару леди и мисс парились в чулках и туфельках, натирали мозоли и обмахивались веерами до покраснения. Буквально. То есть краснели они не от вееров, а от жары, разумеется.

– Жаль, что в нашей стране женщины не могут такое носить.

– Возможно, я тебя разочарую, но в Иньфае женщины тоже не могут такое носить.

О…

– И не только женщины, это обувь крестьян и простолюдинов.

– А что же носят благородные особы?

Орман поморщился.

– Жесткие туфельки, гораздо жестче тех, что тебе когда-нибудь доводилось носить, чем-то похожие на пуанты. Девочкам утягивают ступни лентами, чтобы те оставались небольшими, из-за этого стопы порой превращаются непонятно во что.

– Какой кошмар!

– Настоящий кошмар – это варварские традиции в стиле Темных времен. В большинстве провинций до сих все решает единое слово господина-наместника Императора.

Хотела спросить, о чем он, но Орман решительно направился к лестнице. Вслед за ним я спустилась на первый этаж, а в холле мы свернули налево. Коридоры и галереи в этом доме существенно не отличались, чего не скажешь о комнате, куда меня привели. То, что это малый обеденный зал, я поняла исключительно по стоявшему в центре столу. Если так можно обозвать плоский блин, приподнимающийся над полом от силы на десять дюймов. На блине, то есть на столе, возвышался еще один блин, на котором расставили странные прямоугольные блюда, и то, что на них лежало, было мне знакомо весьма отдаленно. Впрочем, кое-что знакомое там все же было. Рис.

– Садись, Шарлотта. – Орман указал на разбросанные вокруг стола подушки.

Да, к такому я точно была не готова.

Сидеть на полу, подогнув под себя ноги…

Впрочем, почему бы и нет.

Подтянула подушку поближе к столу и устроилась на ней. Она оказалась удивительно мягкой, несмотря на небольшую толщину. Пусть это было необычно, зато гораздо удобнее, чем сидеть на стуле неестественно прямо, словно ты проглотила палку. И при этом не забывать оттопыривать мизинец.

– Любите иньфайскую культуру? – спросила, когда Орман сел рядом со мной.

– Скажем так, в ней много всего интересного. – Он коснулся блина на блине, и тот закружился волчком.

Прежде чем я успела ответить, на моей тарелке уже лежало много всего странного. Орман снял крышку с чугунного горшочка, и оттуда повалил пар.

– Национальное иньфайское блюдо. Суп с рисом, водорослями и соусом из водорослей и вайанского перца.

– Не слишком ли много остроты? – поинтересовалась, осторожно поднося ложку к носу.

– Слишком много – это не про иньфайцев. Они умерены. Во всем.

Суп действительно оказался в меру острым. Необычным, равно как и все, что мне довелось попробовать во время обеда. За это время я узнала про иньфайскую кухню столько, сколько не узнала бы никогда в жизни.

Орман рассказывал о рисовых лепешках и десертах из риса, о рыбных и мясных блюдах, о традициях застолья, а я рассматривала комнату. Интерьер в красных оттенках, приглушенных соломенными вставками на окнах. Очень необычными, напоминающими тканое полотно во всю величину рам. В тон им был настил на полу, круглые фонарики под потолком: вроде тех, которыми украшали Лигенбург к Празднику Лета. Потолок был расписан иньфайскими узорами, в самом центре, у квадратного светильника, пламенел иероглиф.

– Что он означает?

– Это напоминание.

– Напоминание?

– Сам иероглиф означает опасность. Черту. Границу, которую не стоит переходить.

– Несколько необычно размещать такое в столовой, вы не находите?

– Почему же?

– Ну представьте: ваши гости поднимают голову, а у вас на потолке опасность.

Орман на миг прикрыл глаза, словно пытаясь справиться с дрогнувшими уголками губ. Интересно, почему он не позволяет себе улыбаться? Усмешка, холод, жесткость, даже та единственная полуулыбка, когда я сказала про страшный сон – пожалуйста. Но только не веселье. Не смех.

Поймав себя на такой мысли, немедленно уткнулась в тарелку, а когда подняла глаза, Орман пристально смотрел на меня.

– У меня не бывает гостей.

– Не бывает? Совсем? Никогда?

Вот сейчас я искренне удивилась. Лина говорила, что Орман не любит публичность, но представить, что в таком огромном доме не бывает гостей, что здесь не проводятся приемы, не звучит смех, не мельтешат пестрые платья леди и строгие фраки джентльменов на балах, было странно. Но даже если представить, что это так, где же тогда он встречает деловых партнеров?

– Как я уже говорил, никогда – это слишком долго.

Снова подняла голову: иероглиф кроваво-красным впивался в бледное спокойствие потолка. Опасность, черта, граница…

Грань.

– Откуда во мне магия смерти, месье Орман? Мои родители самые обычные люди.

– Ты в этом так уверена, Шарлотта?

Что? Конечно же, я в этом уверена.

– Разумеется.

Орман неопределенно приподнял брови.

– На что вы намекаете? – холодно спросила я. – Женщина, которая меня вырастила, знала мою маму, мама работала у нее горничной. Мой отец был простым моряком.

– Почему твоя фамилия Руа?

– Потому что так звали мою маму. Жюстин Руа.

– Ты родилась в Вэлее? – уточнил он.

– Да. Какое это вообще имеет отношение к делу?

– Большое, Шарлотта. Очень большое.

– Я решительно не понимаю, к чему вы клоните, – отложила пахнущее мятой полотенце (которое здесь исполняло роль салфетки) и поднялась. – Если не возражаете, давайте продолжим.

– А я решительно не понимаю: неужели тебе совсем не интересно твое прошлое?

Орман выпрямился и оказался лицом к лицу со мной.

– Твои корни. Твоя магия.

– Сейчас мне гораздо интереснее побыстрее закончить. Насколько вам известно, месье Орман, в ближайшем будущем мне предстоит искать новую работу, и не уверена, что это получится быстро. Мне надо платить за жилье, и…

– Кормить мисс Дженни, – насмешливо произнес он.

– Не вижу в этом ничего смешного.

– Да, тут уже не до смеха. – Орман кивнул на дверь. – Ты хочешь и дальше быть гувернанткой?

– Вряд ли у меня это получится, – заметила я, когда мы вышли в коридор.

– Вот и замечательно. Это совершенно не твое.

– Неужели? – я почувствовала легкий укол раздражения. – А что, по-вашему, мое? Лежать обнаженной на простынях?!

Это прозвучало настолько двусмысленно, что у меня вспыхнули щеки. Незамедлительно ускорила шаг, искренне надеясь, что он оставит это замечание без комментариев. Потому что если не оставит, то… то я сама не знаю, что сделаю.

– Никогда ни перед кем не оправдывайся, Шарлотта, – неожиданно произнес он. – Что бы ни произошло. Ты имеешь право поступать так, как тебе вздумается, и жить так, как тебе того хочется.

– Вас послушать, так стыд и совесть – совершенно излишни.

– Стыд и совесть – всего лишь гордыня. Желание казаться хорошим. Чаще всего, в глазах окружающих, большинству из которых нет до тебя никакого дела. Не считая тех, кто привык осуждать всех подряд.

– Удивительно, что с таким отношением к людям вы решили меценатствовать, – заметила я.

– В этом нет ничего удивительного, – он усмехнулся. – В наш век калекам и сиротам готовы помогать все. Чего не скажешь о людях искусства.

– Цинично.

– Но это правда.

Я плотно сжала губы и решила, что до конца сеанса больше с ним не заговорю. Тем более что говорить не хотелось, особенно после его заявления. Вопрос только в том, которого из.

«Ты в этом так уверена, Шарлотта?»

Слова Ормана не шли у меня из головы.

Виконтесса Фейбер много раз повторяла эту историю, про бедную девочку Жюстин, оставшуюся одну с ребенком.

В молодости леди Ребекка была слаба здоровьем, поэтому отец отправил ее в Вэлею, к океану. Он снял ей домик, нанял прислугу и дуэнью, чтобы сопровождала ее повсюду, поскольку в те годы матери леди Ребекки уже не было в живых, а дела требовали его неотложного присутствия в Фартоне. Жюстин была очаровательной девушкой, разве что немного вольной в поведении (впрочем, в Вэлее нравы гораздо свободнее, чем в Энгерии), это и привело к трагедии.

Ну, если так можно назвать мое появление на свет.

«Ты была такая милая, Шарлотта, – говорила она, и взгляд ее туманился, как раннее утро по осени, – и уж точно ты не была виновата в грехах этой запутавшейся девочки. Я просто не могла позволит Жюстин отдать тебя в приют. Там о детях совершенно не заботятся, а я хотела дать тебе гораздо больше, чем просто образование. Любовь и тепло семейного очага».

Впрочем, про любовь и тепло семейного очага мы частенько говорили в Фартоне. После переезда в Лигенбург у меня появилась гувернантка (та самая мисс Хэвидж), и леди Ребекка проводила со мной все меньше времени. С каждым днем мы все больше отдалялись друг от друга. Особенно когда у молодоженов родилась дочь, Миралинда.

После этого леди Ребекка даже не всегда заходила пожелать мне доброй ночи, раз в год (на рожденье) дарила мне кукол или краски, при встрече справлялась о здоровье и хорошо ли я себя чувствую. Иногда мы

выбирались в Милуотский парк: няня толкала коляску с вопящей Миралиндой, и леди Ребекка очень сильно от этого раздражалась. Она терпеть не могла брать дочь на руки, особенно когда та голосила до покраснения крохотного личика.

В те годы Миралинда казалась мне противной, потому что она отнимала у меня леди Ребекку. Я ревновала и терпеть не могла этого крохотного младенца, даже не старалась делать вид, что восхищаюсь сморщенными крохотными ручками и ножками, вечно красным от надрывного плача лицом и носиком, задранным как у виконта.

«Ну точно в отца пошла, – говорила Эби. – Такая же курносая и все время орет».

Над этим я смеялась до колик, потому что виконт и правда любил повысить голос.

Со временем детская ревность прошла, но наши с леди Ребеккой отношения уже были далеки от тех, что связывали нас в Фартоне. По большей части, тогда я общалась только с Эби и другими слугами, ну и еще с Ирвином.

Ирвин…

Воспоминания о нем снова укололи сердце.

Я подавила желание сжаться на кровати, завернуться в простыни, в одну за другой, словно в кокон. Разговор с Линой, мои слова: «Он мне как брат», – были самообманом. Самой что ни на есть чистейшей воды ложью, как те слова, что я сказала ему на лестнице.

В минувшее воскресенье он касался меня совсем не по-братски, вот только даже братом и сестрой мы вряд ли могли бы быть. Ослепленная радостью новой встречи, я даже не задумывалась о том, что у маленькой Шарлотты и взрослеющего лорда еще могло быть что-то общее. А что общего между мисс Шарлоттой Руа, свободной художницей и гувернанткой, и лордом Ирвином Лэйном, аристократом, офицером королевской гвардии?

Ничего, кроме теплых воспоминаний из детства.

Мысль об этом оказалась оглушающей и острой. Настолько острой, что я не заметила, как подошел Орман.

– Ни на минуту тебя нельзя оставить, Шарлотта, – произнес он, наклоняясь ко мне. – Ну, что опять случилось?

В этом «что опять случилось» было столько странной, теплой насмешки (как если бы он обращался к ребенку, у которого сломалась игрушка), что я на миг растерялась.

А потом дико, отчаянно разозлилась.

За то, что вынуждена лежать перед ним обнаженной.

За Ирвина.

За все!

– Вы что-то хотели, месье Орман?! – процедила, плотно сжимая губы.

Он не изменился в лице.

– Сказать, что на сегодня мы закончили.

– Чудесно. – Я села на постели и завела руки за спину, чтобы расстегнуть маску. – В таком случае я немедленно вас покидаю.

– Немедленно не получится. Мне как минимум нужно переодеться.

– Я бы предпочла экипаж.

А вот теперь изменился: в светло-серые глаза ворвался холод тумана. Не приветливо-осеннего, после которого еще может разогреть, а ночного, ледяного, пугающего. Этот туман скользнул по моему лицу, напоминая о жутком сне. Самом первом сне, в котором он стоял в мансарде и рассматривал мой набросок.

«Почему ты не спишь, Шарлотта-а-а?!»

– Экипаж придется ждать еще дольше. – В тон холодному жемчугу глаз его голос стал хлестким, продирающим до костей.

Пробуждающим желание снова завернуться в простыни, только на этот раз по другой причине.

– Встретимся в холле, – рядом со мной легли карманные часы. – Через полчаса.

Прежде чем я успела ответить, он развернулся и вышел, унося с собой маску.

Что и говорить, оделась я гораздо быстрее, но желание разгуливать по мастерской ушло. Просторное светлое помещение, так поразившее меня в первый раз, больше не вызывало восторга. Не хотелось даже подняться наверх, чтобы полистать книги, поэтому я просто сидела на кровати, отмеряя время по оставленным часам. Мольберт так и притягивал взгляд, но я упорно оставалась на месте. Поклялась себе не смотреть на дело рук Ормана – значит, не буду!

Ожидание всегда тянется долго, поэтому искренне обрадовалась, когда до назначенного времени осталось пять минут. Быстро прошла по коридорам и спустилась минута в минуту. Орман уже дожидался меня: с перекинутым через руку пальто. Моим пальто.

– Передали от графа Вудворда, – невозмутимо пояснил он, – и это тоже.

В мою ладонь лег конверт с нехитрым заработком за вчера. Орман помог мне одеться, подхватил пакет с моими книгами, перевязанными

бечевкой, и мы вместе прошли к мобилю. Я думала о том, что должна что-то сказать, но пока думала, мы уже сели в машину. Мобиль сорвался с места, оставляя позади Дэрнс с его красотами. Слова благодарности жгли губы, но кажется, однажды я его уже благодарила, и ничем хорошим это не кончилось.

Поэтому молчала до той минуты, пока мы не приехали в центр, только тогда попросила его высадить меня в паре кварталов от дома леди Ребекки.

– Завтра в десять я буду у вас, – произнес Орман. – Будьте готовы к этому времени.

Похоже, это было вместо прощания: глядя вслед мобилю, я не понимала, что и думать.

А впрочем, подумать мне и так было о чем: предстоящий разговор с леди Ребеккой не давал покоя. Я не представляла, с чего начать и как объяснить случившееся. Несмотря на отчужденность, виконтесса действительно сделала для меня очень и очень много, я могла бы расти в приюте, в которых (будем честны) далеко не все воспитанницы доживали до совершеннолетия из-за скудной еды и отвратительных условий. Она дала мне не только дом, крышу над головой и несколько лет безраздельного внимания, она…

Я сунула пальцы в карман, ойкнула.

Медленно вытащила руку, разжала ладонь и уставилась на серьги. Те, что я заложила пару дней назад.

8

На серьги я смотрела, пока меня не толкнул мужчина в залатанной куртке – так, что я чуть не улетела в размазанную копытами лошадей, колесами мобилей и экипажей грязь. Зато оказалась чуть ближе к рассыпающему теплый свет фонарю и окончательно убедилась, что глаза меня не обманывают. Это действительно подарок леди Ребекки, и вывод напрашивается только один: Орман их выкупил. Но… как?

Стоять посреди дороги и дальше было не вариант: в лучшем случае меня просто обходили стороной, отпуская не совсем лестные эпитеты. Поэтому я убрала драгоценности в сумку и решительно зашагала к дому леди Ребекки. Мысли крутились самые разные, и преимущественно – о том, откуда Орман вообще о них узнал. Я ведь ему не рассказывала об этом.

Он что, за мной… следил?!

Вспомнились его слова Ваттингу: «Все очень просто. Я шел за ней».

Обернулась, но за спиной никого не увидела. Точнее, не увидела Ормана: на позади, ни на противоположной стороне улицы. Людской поток меня обтекал и ручейками расходился в разные стороны, будничная

вечерняя суета была в самом разгаре. В этой суете, поминутно оглядываясь и озираясь по сторонам, я дошла до дома леди Ребекки. Ничего подозрительного, впрочем, так и не заметила: даже если Орман наблюдал за мной вечером в воскресенье, сейчас его поблизости не было.

Стук дверного молоточка эхом разлетелся по дому, и, вторя ему, полилась легкая мелодия артефакта. Эти музыкальные артефакты придумали, чтобы хозяева дома тоже были в курсе неожиданных или долгожданных визитов.

Только сейчас поняла, что мой визит, кажется, снова неожиданный. Наверное, стоило послать леди Ребекке записку, но я так спешила с ней поговорить, что напрочь забыла обо всем. Уходить было уже поздно: за дверью раздались шаги, и на пороге предстал дворецкий. В неярком свете холла его худощавая фигура вырастала надо мной туанэйской сосной.

– Добрый день, Джон, – я улыбнулась. – Леди Ребекка дома?

– Вечер, мисс Руа, – подчеркнул он холодно. Голос его скрипел, как несмазанная дверь: Джон достаточно часто простужался, и в такие дни начинал либо лаять, либо скрипеть. – Да, леди Фейбер дома, но я не могу гарантировать, что она вас примет. Ждите здесь.

Он указал мне в сторону вешалки, и я опешила.

Не столько от его заявления о том, что меня не смогу принять, сколько от жеста. Обычно мне хотя бы предлагали зайти в дом или подождать на кухне у Эби, только не сегодня.

Неужели все дело в «Девушке»?

Поставила стопку книг на пол, сняла шляпку и осторожно опустилась на край кушетки, но тут же поднялась. Подошла к зеркалу, бросила взгляд на свое отражение, и ужаснулась: моя прическа оставляла желать лучшего. Собирая волосы в привычный пучок, я торопилась (хотя времени было предостаточно), и вот теперь моя спешка отразилась наполовину вылезшими шпильками. Закусив губу, принялась запихивать их обратно, кое-как заталкивая вместе с ними торчащие пряди. Вроде бы мне даже это удалось, но что-то все равно было не так.

Что-то не так с лицом? Нет, с лицом все в порядке.

Вгляделась в отражение пристальнее.

– О-о-о-о…

Ничего более осознанного с губ не сорвалось, когда я поняла, в чем дело.

Пальто было чистым, без единого пятнышка. Таким, я видела его всего три раза – в магазине, когда принесла домой и когда собиралась на встречу с мистером Ваттингом.

– М-м-м-м…

Не знаю, до чего еще я бы дошла в своих глубокомысленных умозаключениях, но в холле снова появился Джон.

– Леди Фейбер вас примет, – проскрипел он. – Позвольте ваше пальто.

Я позволила и покорно пошла за ним в гостиную, где леди Ребекка дожидалась меня в своем любимом кресле: ни приветствия, ни хотя бы улыбки. Идеальные темные волосы уложены крупным локонами и подняты наверх, брови застыли, словно ее довольно примечательное лицо превратилось в маску. Ни предложения сесть, ни предложения присоединиться к ней за чаем тоже не последовало, хотя на столике стояли чашечки, дымящийся чайничек и вазочки с угощеньями.

– Явилась, – произнесла она, наконец. Сквозь скупо сжатые губы.

– Леди Ребекка, я…

– Я посылала за тобой вечером, – сухо произнесла она. – Посыльный дожидался тебя несколько часов, но ты так и не соизволила появиться.

От ее уничижительного, резкого тона, на миг опешила, а виконтесса сверкнула глазами и поднялась.

– Мало того, что тебя совершенно не беспокоит моя репутация. – Леди Ребекка шагнула ко мне с несвойственной благородным особам прытью, взметнув воздух пышными юбками. – Мало того, что своей ужасной, оскорбляющей любого приличного человека картиной ты выставила всех нас на посмешище, так еще и непонятно где шляешься вечерами. Хочешь окончательно погубить мое доброе имя, Шарлотта?!

– Леди Ребекка, я даже не представляла, что все так случится. Поверьте, я бы ни за что не навредила вам нарочно. Просто…

– Просто! – передразнила она. – Нет, моя милая, в твоем случае уже ничего просто не будет. Я получила гневное письмо от графа Вудворда. В нем он говорит, что тебя нужно держать подальше от детей, особенно от неискушенных девочек, и объясняет, почему.

Замерла: неужели Вудворд обо всем рассказал? Только потом дошло, что признаться в собственной неполноценности (читай в том, как Орман его скрутил), особенно виконтессе, он мог только под угрозой смерти. Нет, наверняка граф расписал в письме все, что услышал от директора музея: что я распутная, что попала на выставку благодаря мужчине сомнительных моральных качеств и так далее, и тому подобное.

Но если от графа такого можно было ожидать, то от слов леди Ребекки стало больно. По-настоящему больно.

– Кто такой месье Орман?

Глаза ее полыхали так, что им могло позавидовать пламя в камине.

Щеки пошли красными пятнами, чего я никогда раньше за ней не замечала. Виконтесса сложила руки на груди и окатила меня таким презрением, что на миг стало холодно, а затем очень жарко. Никогда раньше леди Ребекка не смотрела на меня так, никогда раньше со мной так не разговаривала.

Всевидящий, да она даже не спросила о том, как я себя чувствую после той идиотской статьи. После того как меня и «Девушку», которая мне безумно дорога, несколько язвительных фраз какого-то озлобленного шовиниста низвели до чего-то непотребного, постыдного, отвратительного.

– Где ты была вчера вечером?! Отвечай!

От визгливых ноток в ее голосе стало не по себе.

В противовес резкости леди Ребекки в памяти неожиданно прозвучал спокойный голос Ормана: «Никогда ни перед кем не оправдывайся, Шарлотта».

Если до этого я еще готова была объясниться, то сейчас слова оправданий рассыпались прахом. Как обивка кресла под ударом глубинной тьмы.

– Это не имеет никакого отношения к цели моего визита, – сказала я в тон ей, жестко и холодно.

Глаза леди Ребекки расширились, красных пятен на щеках стало больше.

– Я пришла, чтобы поговорить с вами о своих родителях. И узнать, откуда у меня магия смерти.

– Что?! – с губ виконтессы сорвался смешок. – Что за чушь, Шарлотта?!

– Это не чушь, – заметила я. – Я видела все своими глазами. Точнее, я чуть было не испепелила комнату, а еще смотрела на мир со стороны смерти.

Леди Ребекка побледнела.

– Такого не может быть…

– И тем не менее оно было.

На миг повисла тишина, нарушаемая лишь шелестом пламени в камине. Несколько раз виконтесса порывалась что-то сказать, но не находила слов. Мне добавить, в общем-то, тоже было нечего. Я спокойно смотрела на нее и ждала – насколько вообще можно быть спокойной в такой ситуации.

– Я не понимаю, – произнесла она, наконец.

– Я тоже, – отвела руки за спину, чтобы сцепить заледеневшие пальцы. Всякое воспоминание о магии смерти отзывалось во мне противоестественным холодом.

Интересно, так и должно быть?

– Могла Жюстин обмануть?

Я редко называла горничную, что дала мне жизнь, мамой – сложно называть матерью ту, кто отказался от тебя еще во младенчестве.

– Обмануть? – переспросила леди Ребекка.

– Может быть, у нее был роман не с простым моряком, как она вам сказала?

– Нет, – пробормотала виконтесса. – Нет, это исключено, зачем ей это?

– Не знаю. Возможно, он ей угрожал? Не хотел, чтобы его интрижка с простой горничной стала достоянием общественности.

– Ты меня убиваешь, Шарлотта, – севшим голосом пробормотала леди Ребекка.

– Моя магия вполне способна убить, если с ней что-нибудь не сделать. Мне нужен тот, кто поможет с этим справиться, леди Ребекка. Помогите мне. Пожалуйста. Мне больше не к кому пойти.

Кандидатуру Ормана я решительно отмела: слишком много противоречий намешано в этом мужчине. Слишком много противоречий во мне, когда я нахожусь рядом с ним. Обучение магии явно займет больше времени, чем написание портрета, и потом, я не могу быть уверенной, что за свою помощь он не потребует что-нибудь еще. Меньше всего мне сейчас хотелось снова оказаться в зависимости от него.

– Не думаю, что… – начала было леди Ребекка, но тут же осеклась. – А впрочем, подожди здесь. Я переговорю с Оливером.

Виконтесса подхватила юбки и вышла за дверь, а я облегченно вздохнула. Сразу мне не отказали, уже хорошо. Возможно, найдется маг, который согласится мне помочь и научит владеть доставшимся мне страшным даром. Доставшимся непонятно каким образом, правда: судя по искреннему удивлению, леди Ребекка тоже не представляет, откуда у меня магия. Тем более такая.

Устроившись на диване, закусила губу, глядя на пляшущее в камине пламя.

Странно, но сейчас, когда появилась крохотная надежда, меня не оставляло ощущение неправильности происходящего. Беспокойное чувство, не позволяющее расслабиться. С другой стороны, какой у меня выбор? Леди Ребекка единственная знала моих родителей. Ходить с такой магией по улицам, не представляя, как с ней совладать тоже нельзя. Если она случайно прорвется, как произошло в ванной Ормана…

Впрочем, тогда он намеренно меня провоцировал, и это еще одна причина, по которой не стоит ему доверять. Да, он выкупил мои серьги, но

он же творил ужасные вещи. Слишком ужасные, чтобы можно было просто закрыть на это глаза.

Не знаю, сколько прошло времени, пока вернулась леди Ребекка: я уже успела перебрать все складки на платье справа налево и обратно по нескольку раз. Походить по гостиной, в которой все напоминало о детстве. Несмотря на отчужденность, леди Ребекка всегда была ко мне очень добра. Да, возможно у нее не хватало времени, чтобы проводить его со мной, но у нее появился муж и дочка, которые требовали ее внимания. А еще эти ужасные мигрени, доводящие ее до слез…

Подошла к камину и опустилась на корточки, чтобы поворошить угли. Сколько раз я сидела здесь с книгой, переворачивая одну страницу за другой, согреваясь под уютное потрескивание и зная, что меня ждет теплая постель. Вряд ли моя жизнь в приюте была бы такой же безоблачной.

Разумеется, леди Ребекка не оставит меня в беде. Просто она разозлилась из-за картины, и накричала она на меня именно поэтому. Еще неизвестно, что граф Вудворд написал в письме. Даже Ормана не забыл упомянуть! Надо было сразу рассказать леди Ребекке, что произошло в его кабинете, тогда бы она взглянула на все по-другому. Воодушевленная такими мыслями, улыбнулась и поднялась навстречу открывшейся двери.

– Я переговорила с мужем. – Леди Ребекка указала мне на диван. – Пойдем, Шарлотта. Присядем.

Вопреки обычаю она даже опустилась рядом со мной и принялась обмахиваться веером. Здесь и правда было достаточно жарко: мысль о том, чтобы прикрыть заслонку, пришла ко мне слишком поздно. Теперь оставалось только жалеть об отсутствии веера и ловить короткие перебежки воздуха между мной и леди Ребеккой.

– В этой, несомненно, непростой ситуации, Оливер согласился тебе помочь, – произнесла она, возможно, немного свысока, но это была ее привычная манера общаться. – Мы обсудили все случившееся и решили, что тебе стоит уехать. В Фартоне у тебя будет достаточно времени, чтобы оправиться ото всех глупостей, что ты наделала. И возможность начать новую жизнь.

Что?! Фартон?

От неожиданности я даже не сразу нашлась, что ответить: Фартон, несомненно, милый приморский городок, но мне нечего там делать. Я люблю его исключительно за воспоминания о детстве, о радостных днях с леди Ребеккой, о море. Впрочем, не исключено, что моя любовь к морю связана именно с детскими воспоминаниями, я ведь больше там не бывала.

– Я напишу отцу, – продолжала виконтесса, совершенно не замечая

моего настроения. – Пока не найдешь место, поживешь в поместье. Платы с тебя, разумеется, никто не возьмет, можешь помогать на кухне или в уборке. Билет до Фартона оплатит Оливер, поедешь третьим классом, но временные неудобства можно потерпеть…

– Я не поеду в Фартон.

Слова вырвались раньше, чем я успела их остановить, но если бы они вырвались позже, это ничего не изменило.

– Мне там нечего делать.

– Ошибаешься, – покачала головой леди Ребекка. – Туда не доходят новости такого толка, поэтому ты наверняка найдешь место гувернантки или устроишься в школу. Неподалеку от города есть неплохая школа для девочек.

– Но я не хочу!

Брови виконтессы подскочили наверх, а затем сошлись на переносице. Впрочем, она тут же глубоко вздохнула и подалась ко мне, мягко сжала мои руки.

– Ох, Шарлотта, – она заглянула мне в глаза, – в этом ведь есть и моя вина тоже. В том, что сейчас ты ведешь себя так вызывающе. Я растила тебя как свою дочь. Не делала разницы между тобой и Миралиндой, и возможно, позволила тебе считать, что так будет всегда.

Она внимательно посмотрела на меня: все ли я поняла. Поняла я отлично, вот только до сих пор не могла поверить в услышанное.

– Знаешь, когда я тебя увидела впервые, я поклялась, что у тебя будет все самое лучшее. – Голос ее задрожал, а глаза наполнились слезами. – Я отдала тебе свою любовь и свое сердце, мне очень нелегко с тобой расставаться… Но признай, так будет лучше для всех…

– Так будет лучше для вас! – выпалила я и отняла руки, чувствуя, что они мелко дрожат. – Для вас и для вашего мужа. Вы хотите упрятать меня в Фартон, чтобы замять скандал. Хотя по сути, никакого скандала и не было, просто один… недалекий тип написал в газете, что моя картина ужасна, а другой – что я распутна. Только потому, что я ему отказала в его домогательствах! Но для вас все это не имеет значения, верно? Главное, чтобы ваша репутация осталась чиста.

Ноздри леди Ребекки затрепетали, она наградила меня яростным взглядом и подалась назад.

– Как ты смеешь так со мной разговаривать?!

– Как? – уточнила. – Я пытаюсь вам объяснить, что во мне проснулась магия смерти, а вы отправляете меня учить детей. Что будет, если однажды с моих рук сорвется глубинная тьма, а напротив меня окажется малыш или

малышка?

– Не драматизируй, – сухо заметила она. – Глубинная тьма! Что за нелепость… Не знаю, кто тебя так запугал, но ты пришла за помощью, и я готова помочь. Даже если ты что-то и видела, вряд ли подобное повторится.

– Почему вы так в этом уверены?!

– Потому что неоткуда в тебе взяться сильной магии, и довольно об этом! Отправляйся к себе, собирай вещи. Через два дня идет поезд до Фартона…

– Я не поеду в Фартон, леди Ребекка! – Вскочила. – Меня там никто не ждет.

– А здесь ждут? – Она поднялась и оказалась лицом к лицу со мной. – Кто ждет тебя здесь, Шарлотта?

Я моргнула.

– Вы, – тихо сказала я.

– Я – разумеется. Но у моего терпения тоже есть предел. Я не могу вечно потакать твоему образу жизни, который разочаровывает меня до глубины души.

– Разочаровывает? Вы верите всем и всему, только не мне! – задыхаясь от переполнявших меня чувств, выпалила я. – Граф Вудворд, который прислал вам письмо, он… он хотел сделать меня содержанкой!

Пощечина, прозвучавшая в тишине как выстрел, отпечаталась на моей щеке. В воцарившейся тишине было слышно только мое дыхание.

– Граф Вудворд – уважаемый человек, – процедила леди Ребекка. – Он бы никогда себе такого не позволил, особенно по отношению к тебе. Ты была дружна с его дочерью, которая подтвердила, что в последнее время ты вела себя странно. Интересовалась неким месье Орманом, магией и позволяла себе всякие вольности вроде походов в их семейную библиотеку без спроса.

Не в силах что-либо сказать, просто молча смотрела на нее.

– Да, моя дорогая, да, – холодно произнесла виконтесса. – Получив такое письмо, я не могла просто поверить на слово. Сегодня Оливер ездил к графу, он принял его (несмотря на то, что сильно повредил запястье), и все разъяснил. Оказывается, ты неоднократно обращалась к нему за помощью через Эвелину, недвусмысленно намекая на то, что хочешь поблагодарить его лично. Скажешь, это не так?

Наверное, останься во мне слова, я бы что-нибудь сказала, но слов не осталось. Как же можно извратить простую искреннюю благодарность…

– Спасти твою репутацию получится, только если ты уедешь. Немедленно. Как я уже говорила, граф – достойный человек, он обещал

молчать, и…

– Моя репутация в спасении не нуждается, – спокойно встретила ее взгляд. – Мне жаль, что вы этого так и не поняли.

Не дожидаясь ответа, подхватила юбки и направилась к двери.

– Если ты выйдешь за эту дверь, Шарлотта, – виконтесса снова повысила голос, – если ты сейчас уйдешь, ты больше никогда не перешагнешь порог этого дома. Слышишь меня?!

Можно подумать, если не выйду, перешагну.

В Фартоне меня запрут либо в поместье отца леди Ребекки, либо в школе для девочек. Вряд ли я когда-нибудь вернусь в Лигенбург.

Щека горела огнем, но я шла, расправив плечи. Дверь за собой прикрыла, не оборачиваясь, ускорила шаг, направляясь в холл. Коснулась настенного артефакта, и спустя несколько минут Джон принес мне одежду, книги и сумку.

Попрощавшись с дворецким, я подхватила вещи и вышла на улицу.

В неизвестность.

9

Я проснулась от того, что мисс Дженни снова возится под кроватью. Мышь, что ли, глупенькая забежала?.. Приоткрыла глаза: мансарду заливала предрассветная синева, которая пока даже не думала светлеть. Повернулась на другой бок, повыше натянула одеяла, заворачиваясь в них с головой: вставать не хотелось. Вот только сегодня мне и не надо было никуда вставать. Если не считать встречи с Орманом.

Удивительно, но при мысли об этом я не почувствовала ничего. Ни стыда, ни желания избежать новой встречи, ни неприятия. По сути, мне было все равно, что случится. Что обо мне скажут и что подумают – какой смысл беспокоиться о том, чего нет, то есть о моей репутации. Вчера я просила леди Ребекку мне поверить, но поверила она Вудворду. Наверное, причина моего равнодушия крылась и в этом тоже.

Я понимала, что если начну плакать, остановиться уже не смогу.

В конверте, который мне передал Орман, оказалось месячное жалованье гувернантки. Этого требовали приличия: рассчитывая кого-то из прислуги в срочном порядке, полагалось дать сверху на время, что человек будет искать новое место. Не все так делали, но аристократы старой закалки предпочитали подчеркивать свое положение, добропорядочность и старые традиции. Возможно, не случись вчерашнего разговора с леди Ребеккой, я бы еще поверила в щедрость графа, но теперь…

Конверт с деньгами явно не от него.

А значит, и трогать эти деньги нельзя.

За вчерашний вечер я передумала слишком много всего. В частности, о том, что мне придется принять помощь Ормана – в том, что касается магии. Осознание этого пришло, когда я говорила о школе для девочек в Фартоне или о работе гувернантки. Пока моя магия ведет себя тихо, но не исключено, что сильное потрясение или испуг спровоцирует новый всплеск.

Вот и вторая причина, по которой я предпочитала держать чувства под замком.

Когда ты ходячая смерть, нельзя позволять себе ничего лишнего.

– Мисс Дженни, хватит! – Наклонилась и постучала ладонью по полу, уже понимая, что шуршание тут ни при чем.

Сна не было ни в одном глазу, и неудивительно: легла я вчера очень рано и заснула, стоило голове коснуться подушки. Видимо, сознание выбрало такой любезный способ избавить меня от мыслей о случившемся. Не позволить и дальше думать о том, что леди Ребекке собственная репутация оказалась важнее.

Важнее чего?

Так, все, хватит.

Решительно откинула одеяло и бодрячком проскакала к простенькому умывальнику, чтобы ополоснуть лицо. Умываться надо будет идти на этаж, но выходить за дверь немытой и нечесаной – дурной тон. Быстренько завернулась в теплый плед, лежащий на тахте специально для утренних пробуждений, зажгла лампу-артефакт и поднесла ее к зеркалу.

Благородная бледность и сонные глаза, которые с каждой минутой все больше расширяются от хватающего за пятки холода.

Расчесываясь, думала, что делать с волосами. Сегодня после позирования я пойду к ее светлости герцогине де Мортен, поэтому и прическа должна быть соответствующая. Как будет лучше – просто стянуть волосы в хвост или поднять наверх, попытаться соорудить что-то сложное? Нет, наверное все-таки первое, на сложное времени не хватит ни здесь, ни тем более у Ормана. К тому же, если начну наводить красоту у него, он обязательно задастся вопросом, что я задумала, а задумала я…

Продать «Девушку».

Если ее светлость согласится меня принять, и если картина ей все еще нужна…

При мысли об этом все внутри сжалось, но я тут же посоветовала этому всему уняться. Всяко лучше, если «Девушка» украсит гостиную или будуар герцогини, чем будет пылиться в моей мансарде до скончания века.

Вырученных денег мне хватит, чтобы продержаться, пока я буду

учиться управлять магией, хватит с лихвой и на оплату жилья и на безбедное существование, а потом найду себе новое место. Возможно, к тому времени скандал вокруг моего имени уже немного поутихнет.

– Мурр! – донеслось снизу, и о мои ноги приветливо потерлись.

– Сейчас покормлю, – наклонилась и потрепала полосатую разбойницу.

Когда мисс Дженни принялась есть, отправилась в душ. Надо будет еще успеть позавтракать перед приходом Ормана. Платье надену то самое, в котором была на выставке: все-таки на встречу с ее светлостью идти в обычном не стоит.

За время, что я бегала туда-сюда и приводила себя в порядок, рассвело. Выглянув в окно, ахнула: ночью пошел снег и укутал Лигенбург своей уютно-праздничной пелериной. Дома нахохлись пышными белыми шапочками, по улочкам словно расстелили тюль. Только река, запертая в гранит, выделялась темной неприветливой глубиной, обещающей холод. Странно, но у меня снег никогда не ассоциировался с холодом: скорее, с раскрасневшимися улыбчивыми лицами, огоньками в витринах, сверкающей мишурой и разноцветными шарами. Я все измеряю красками, а еще теплом… Никогда город не бывает таким теплым, как накануне Праздника зимы.

Традицию отмечать его подарками ввела ее величество Брианна, в те годы еще совсем юная, только что коронованная принцесса. С тех пор Лигенбург раскрывался соцветиями украшений, на площади Витэйра вырастали сувенирные лавочки, в одной из близлежащих деревушек устраивали крупную ярмарку, на которой местные жители продавали сладости и собственноручно расшитые шали. Дети лепили снеговиков, а еще там возводили огромную, в двухэтажный дом высотой горку. Я была там всего один раз, но лететь вниз, зажмурившись и вцепившись в спину Ирвина было так…

Оттолкнувшись ладонями от небольшого оконца, вернулась к столу. Цветы по-прежнему были там: у меня так и не поднялась рука их выкинуть. Засохшие розы съежились, часть лепестков уже осыпалась – возможно, именно ими шуршит под кроватью мисс Дженни, надо будет потом посмотреть. А сейчас… Подхватила некогда роскошный букет, на миг прижала к груди.

– Простите меня, – прошептала еле слышно, касаясь щекой лепестков, похожих на тоненькую бумагу. Стебельки под ладонью были совсем безжизненными.

Всевидящий, как бы я хотела их вернуть…

Руки, сжимающие букет, неожиданно потеплели. Обычно так они согревались у камина, когда по ладоням в кончики пальцев втекало тепло. Странное шуршание заставило взвизгнуть и подскочить: неужели и правда мышь?! Огляделась, но мисс Дженни спокойно сидела на тахте и умывалась, не проявляя ни к кому ни малейшего интереса. Не сразу поняла, почему букет потяжелел, а когда перевела на него взгляд, с трудом удержалась от повторного визга.

Белоснежные лепестки (те, что еще держались на стебельках), раскрылись. Стебли налились соком, а от благоухания на миг закружилась голова. Розы не просто ожили, они распустились и сияли жизнью. Сияли буквально: по тонким прожилкам внутри лепестков струилось едва уловимое мерцание. Не в силах поверить увиденному, дернула ленту, одну за другой сдирая слои оберточной бумаги. В палец впился острый налитой шип, я ойкнула и разжала руки.

Цветы упали к ногам, рассыпались, и в этот момент раздался стук в дверь.

Именно он, а еще быстрый взгляд на часы вернули в реальность. Метнулась к двери, потом назад, чтобы собрать цветы. Остановилась посередине, судорожно соображая, что говорить Орману, и стоит ли ему что-то говорить.

Магия смерти способна вернуть жизнь?!

О таком я слышала впервые, но в конце концов, о магии я знаю исключительно то, что она есть. Стук повторился, и я все-таки выбрала дверь, заслоняя собой рассыпанные по полу розы. Сама не знаю, зачем: мысль об этой странности меня посетила в тот миг, когда я оказалась лицом к лицу с Орманом.

Он нахмурился, и я поняла почему, только проследив его взгляд (он зацепился за царапину, на которой выступила капелька крови). Моя рука оказалась в его ладонях раньше, чем я успела вздохнуть, а в следующий миг Орман и вовсе сделал нечто странное: коснулся губами пальца, ранку на котором болезненно дергало. Попытка отнять руку ни к чему не привела, потому что мою ладонь придержали пальцами.

– Что случилось, Шарлотта?

Это вы меня спрашиваете?

– Я цветы уронила.

Ну должна же я была что-нибудь сказать.

Орман нахмурился еще сильнее, особенно когда заметил лежащие на полу розы. Взгляд его стал темным, как ночь, а потом он наконец-то отпустил мою руку и протянул платок. Этот жест словно отбросил в холл

Музея искусств, возвращая в день нашего знакомства. Воспоминание мигом отрезвило, я покачала головой и шагнула к умывальнику.

– Минуту.

Промыть палец – действительно минутное дело, а потом перетянуть собственным платком и потуже завязать узел зубами. Конверт с деньгами лежал в ящике стола, но забрать его не представлялось возможным: когда я обернулась, там уже стоял Орман.

– Миллес Даскер?

Ох, да, книжка. Книжка, которую я так и не вернула, вот только глядя в сверкающие в прорезях маски глаза мне совершенно не хотелось оправдываться. Сам же этому и научил.

– Вы что-то имеете против? – приподняла брови.

– Я? – Орман хмыкнул. – Ровным счетом ничего.

– Вы позволите? – кивнула на ящик стола, и когда он отступил в сторону, достала конверт. – Вот. Это ваше.

Он покрутил его в руках и бросил на стол.

– Нет, Шарлотта. Это твое. Собирайся.

Я сложила руки на груди и внимательно посмотрела ему в глаза.

– Это не мое и никогда моим не было. Зачем вы это сделали?!

– Передал вам жалованье от Вудворда?

– Вудворд здесь ни при чем, – заметила я. – И мы оба это прекрасно знаем.

Вот теперь Орман посмотрел на меня ну очень пристально. Настолько пристально, что мне разом стало не по себе. Я опустилась на корточки и собрала рассыпавшиеся розы, которыми отгородилась от него, как барьером.

– Я не возьму от вас деньги, месье Орман. Я не содержанка, и никогда ею не стану.

– Разве я давал тебе повод так считать?

– Как еще может считать женщина, которой предлагают конверт, набитый деньгами? – спросила я, чувствуя, как бешено колотится сердце. – Деньгами, которые она не заработала?

Взгляд его скользнул по цветам и стал ледяным.

– Считай это моральной компенсацией, Шарлотта, – бросил небрежно. – За причиненные неудобства.

За причиненные неудобства?!

Перед глазами одна за другой возникали картины: лицо Ирвина, который смотрел мне в глаза, вынужденный слушать мою ложь. Лина, выбегающая из библиотеки, где я оказалась исключительно чтобы

защитить себя от магии гааркирт. Леди Ребекка, отчитывающая за пренебрежение воспитанием и приличиями.

– Моральная компенсация?! – выдохнула я. – Считаете, что все можно искупить деньгами, да? Хотя именно так вы и считаете! Что все можно купить!!! Все и всех!!!

– Да. Именно так я и считаю.

Так вот, значит, зачем все это было. И выкупленные серьги, и вся эта роскошь Дэрнса. Слезы не навернулись на глаза исключительно потому, что я пообещала себе не плакать. Не знаю, почему это ударило так, ведь по сути я знала, что Орман – беспринципный, неотягощенный приличиями, не привыкший считаться с чувствами кого бы то ни было (пусть даже эти самые чувства для человека очень важны).

И вместе с тем он – единственный, кто может помочь мне не превратиться в ходячую смерть. Осознание этого нахлынуло так резко, что я отвернулась. Не хотела, чтобы он видел мое лицо, только не сейчас. Запоздало мелькнула мысль о том, что цветы надо бы все-таки поставить в воду, но прежде чем я успела ее додумать, мои руки решительно разомкнули. Орман выхватил розы, которые я прижимала к груди и шагнул к окну.

Почему в мансарде стало еще холоднее, поняла только когда розы взлетели в воздух и посыпались вниз.

– Вы… вы что наделали?! – ахнула я и бросилась к окну следом за ним.

– Решил проблему, – коротко отозвался он.

Я оттолкнула его руку, перегнулась через подоконник, но припорошивший улицы снег поглотил белые лепестки – рассмотреть что-либо внизу не представлялось возможным.

– Какую проблему?! – выдохнула я, обернувшись и сжимая кулаки. – Они что, вам мешали?!

– Мешали, – произнес он и захлопнул окно так, что взвизгнула рама.

От громкого звука мисс Дженни взвилась в воздух и сиганула под тахту.

– Еще как мешали, Шарлотта.

– Легче стало?!

– Значительно, – он попытался меня перехватить, но я бросилась к двери.

Нужно собрать цветы, пока они не замерзли. Нужно…

– Куда?!

Орман перехватил меня у двери и прижал к себе, я рванулась и

забилась в его руках. Добилась только того, что оказалась плотнее прижатой к нему, но попыток все равно не оставила. Знала, что ему не составит труда спеленать меня магией, как он уже сделал это однажды, но все равно продолжала рваться из стального захвата. Колотила руками по груди до тех пор, пока Орман не сжал мои запястья, вплавляя их в себя.

– Я действительно считаю, что большинство людей в этом мире можно купить…

– Рада за вас! – С силой дернулась, рискуя заработать вывих. – Пустите! Да пустите же!

– Только не тебя.

От неожиданности я даже вырываться перестала.

– Я не хочу тебя покупать, Шарлотта.

Он разжал руки, позволяя мне отступить. А потом неожиданно снял маску и отложил ее на стол, глядя мне в глаза.

– Я хочу, чтобы ты была моей.

От того, как это было сказано, я попятилась. Не столько потому, что глаза его сверкнули хищной жаждой обладания, сколько от того, как я сама на них отозвалась: дыхание перехватило, по телу прошла дрожь. Странная, пугающая и темная, не менее темная, чем его взгляд, удивительно контрастирующий с цветом его глаз. Цветом, напоминавшим туман в лунном свете – тот, что стелился ночью по моей комнате, скупой холодной лаской касаясь щеки.

В тот миг, когда я об этом подумала, Орман шагнул прямо ко мне.

Ладонь легла мне на шею, а губы накрыли мои. Яростно, сумрачно, властно.

Никогда бы не подумала, что мой первый поцелуй будет таким – сметающим все преграды, отрицающим все приличия. Откровенным, безумным, порочным. Орман целовал меня так, словно я уже была его, без обещаний и слов, просто раскрыл мои губы своими, выпивая сдавленный вздох. Затянутые в перчатку пальцы скользнули по моей щеке, вызывая короткий стон. Сама не знаю, почему эта невинная ласка отозвалась таким шквалом чувств, но дымчато-серые глаза потемнели. Потемнели так, словно в них плеснула сама глубинная тьма.

Осознание этого заставило упереться ладонями ему в грудь.

– Хватит! – выдохнула я.

– Хватит? – хрипло переспросил он. – Ты уверена, Шарлотта?

Нет, я не была уверена, и это пугало еще сильнее.

Не была уверена в том, что не хочу продолжения, не была уверена в том, что смогу остановиться, когда… когда что? Когда сон станет явью?

– Уверена, – прошептала я и добавила чуть громче: – Уверена! Я не из тех, кто…

– Ты не из тех, кто? – сейчас ладонь Ормана лежала на моей талии, не позволяя сбежать, но это прикосновение не шло ни в какое сравнение со взглядом, которым он меня ласкал. Откровенно и беззастенчиво, словно я была обнажена перед ним как во время позирования или как тогда, во сне. – Ты отзываешься на поцелуи, но отрицаешь это. Ты написала картину о свободе, но боишься свободы.

– Свобода не значит вседозволенность, месье Орман.

Пальцы легли на мои губы.

– Помолчи, Шарлотта. Хотя бы пару минут… Дай мне сказать то, что я вижу в тебе, а после решай, что будешь с этим делать.

От прикосновения перчаток к губам мутился разум. Особенно когда он мягко повторил ими контур моего рта.

– Ты невинная девочка, в которой полно нерастраченной чувственности. Чувственности, которая сводит меня с ума. Чувственности, которая в каждом твоем вздохе, в каждом взгляде. В каждом движении.

Он был прав: я отзывалась. Отзывалась не только на его прикосновения или поцелуи, даже на его слова. Дыхание сбилось, потому что в моих воспоминаниях его ладони скользили по моему телу, пробуждая отнюдь не невинные чувства. Ладони, а еще трость, касающаяся груди, живота и разведенных бедер. Осознание этого плеснуло на щеки краской, и если свои мысли я еще могла скрыть, то с этим ничего не могла поделать.

– Мне бы хотелось, чтобы ты поняла. – Он чуть надавил на мои губы, раскрывая их. – Все наши цепи – только в нашей душе.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Все ты понимаешь, милая.

«Милая» прозвучало так жестко, что я на мгновение содрогнулась. От власти его голоса, от неприкрытого желания, порочного, и… безумно-притягательного.

– Отпустите немедленно! – сказала, вложив в свой голос всю твердость, которая во мне еще оставалась.

Получилось как-то неубедительно, особенно под таким взглядом. Угли в его глазах обожгли мои губы, и краска, начинавшая было уступать привычному цвету кожи, плеснула в лицо с удвоенной силой. Пальцы Ормана повторили мою скулу и легли на подбородок.

– Когда ты так краснеешь, – хрипло произнес он, – мне хочется делать с тобой ужасные вещи, Шарлотта.

От того, как это было сказано, у меня сел голос. По крайней мере, мое:

– Ужасные? – прозвучало еле слышно на выдохе.

Сейчас в мое тело словно снова вплетались веревки. Веревки, рождающее в каждой точке бесстыдное, накатывающее волнами наслаждение.

– И приятные. Безумно приятные.

Орман отстранился только для того, чтобы стянуть перчатки, я даже опомниться не успела, как его пальцы вплелись в мои волосы, а губы снова скользнули по моим. Обжигающе-нежно, я сама не поняла, когда потянулась за продолжением, за прикосновением языка, разомкнувшего их. Он ласкал мой рот так бесстыдно и так умопомрачительно-остро, что сопротивляться просто не было сил. Собрал мои пряди в горсть и чуть потянул, заставляя запрокинуть голову.

Сердце билось рывками, между вздохами. Когда Орман на миг прерывал поцелуй, чтобы позволить холодному воздуху скользнуть по губам, а затем снова сжимал зубы, обжигая короткой, пронзительной болью. Касался горящей кожи кончиком языка, снова и снова заставляя дрожать. Эта дрожь отдавалась в его руках, перетекала в кончики его пальцев и возвращалась ко мне, отзываясь внизу живота.

Пальцы Ормана скользнули по шее, легли на замыкавшую воротничок камею. Меня вжимали в себя так плотно, что я чувствовала биение его сердца, отдающееся в моей груди, и… не только. Твердость его желания ощущалась даже через ткань его брюк и мои платья, от непристойности происходящего щеки вспыхнули еще сильнее.

– Нет, – прошептала я, чувствуя, что задыхаюсь, что еще мгновение – и я позволю ему все, а после от меня самой ничего не останется. – Нет, не надо… Месье Орман, пожалуйста! Эрик!

Он вздрогнул и замер, по-прежнему прижимая меня к себе. Прижимая так крепко, что я боялась лишний раз вздохнуть.

А потом медленно разомкнул руки и отступил.

Теперь, когда Орман, наконец, оторвался от моих губ, они горели.

Не просто горели, полыхали огнем: чувствительные, как никогда раньше. Это я поняла, когда попыталась закусить нижнюю и вздрогнула от пронзившего тело чувственного удовольствия. Хриплый выдох отозвался золотым ободком в его глазах, Орман подхватил перчатки, маску и трость.

– Жду тебя внизу, Шарлотта.

Он вышел за дверь, оставив меня наедине с мыслями, в которых было слишком много всего.

Его поцелуй не был похож ни на что: ни на рассказы Лины о Ричарде («Мокро и никак, – говорила она, – но мужчинам такое нравится, а я могу

потерпеть»). Ни на книги, которые мне доводилось читать, в них глубокие поцелуи обычно описывались как нечто порицаемое и непристойное. Большее, что могла себе позволить приличная мисс или леди – легкое прикосновение плотно сомкнутых губ на венчании, целомудренное и не вызывающее неприличных желаний.

Вряд ли то, что произошло между нами, можно было назвать целомудренным, но…

Лина и Ричард были единственной парой, отношения которой были более-менее мне известны. Письма Ричарда к ней (его признаниями Лина изредка делилась со мной), по большей части содержали восторженные заверения в любви и пожелания увидеться как можно скорее. Поцелуи – те самые, которые «мокро и никак» – были единственной вольностью, которую Лина позволяла жениху.

Беседы с леди Ребеккой так и вовсе ограничивались перечнем «нельзя» и «потом».

– Когда ты соберешься замуж, Шарлотта, мы с тобой побеседуем, – говорила она, – а пока это тебе ни к чему.

Невольно покосилась на книгу Миллес Даскер, лежащую на столе, и заметила конверт.

Это и вытряхнуло из головы всякие ненужные мысли.

Я привела в порядок прическу, старательно не глядя на припухшие от поцелуев губы. Надела пальто и шляпку, подхватила конверт и вышла за дверь.

Не хочет брать деньги назад по-хорошему – оставлю их в его мастерской.

10

На улице было тепло: снег смягчил холода. Завтра ведь уже первый день зимы, а там и до Праздника недалеко. В прошлом году мы собирались в доме виконта, обменивались подарками. Леди Ребекка подарила мне отрез ткани на платье (то самое, которое сейчас на мне), а я ей – вписанные в скромный медальон миниатюры виконта и Миралинды. Над миниатюрами работать в разы сложнее, но она, кажется, даже ни разу его не надела. А впрочем, медальон и впрямь был слишком простенький, к чему ей его надевать?

Но в этом году мне не придется думать про подарки. Разве что для мисс Дженни и для Эби (если получится с ней увидеться в праздничную неделю, потому что в эти дни у кухарки работы много).

Задумавшись об этом, споткнулась, но Орман меня поддержал.

Заглянул мне в лицо, но ничего не спросил, и сейчас я была ему за это

искренне благодарна. Молча устроилась на сиденье мобиля и стала смотреть в окно. На привычно мелькающие за стеклом пейзажи, которые смазанными картинками проносились перед глазами. Когда мы выехали на обводную дорогу, отвернулась и уставилась на свои руки. Желание надвинуть на лицо шляпку – так, чтобы полы скрыли от всего мира истинные чувства и мое лицо хотя бы наполовину, неожиданно навело на странную мысль. Под маской очень легко спрятаться.

Отгородиться ото всего мира, если не хочешь быть застигнутым врасплох.

От кого же вы бежите, месье Орман? От кого или от чего?

Молчание, выросшее между нами стеной, становилось все гуще. Как туман (дался мне этот туман!), но я не могла придумать ни слова, с которого начать разговор. Почему молчал он, оставалось только догадываться. Как бы там ни было, все имеет обыкновение заканчиваться. Даже молчание.

– Ты о чем-то хочешь спросить, Шарлотта?

– Я уже спрашивала, но вы не ответили. Про маску.

– Про маску, – он усмехнулся. – Почему она не дает тебе покоя?

Я пожала плечами.

– По-моему, она не дает покоя вам.

Чтобы взглянуть на меня, он на миг оторвался от дороги, на которой мы были одни-одинешеньки. Мы, да еще поземка, порывами ветра расстилающаяся по земле. Только сейчас поняла, что Лигенбург должен уже оказаться с моей стороны, но он по-прежнему со стороны Ормана. Больше того, с каждой минутой город становился все более крохотным, застывшим на островке посреди метущего снега.

– Куда вы меня везете?

– Хочу показать одно место. Тебе понравится.

– Вы так в этом уверены?

– Уверен. Ты же художница.

Мобиль вспарывал снежную пелену с той же легкостью, как ножницы умелой портнихи – ткань. Наверное, мне нужно было потребовать, чтобы он развернулся, но я молчала. Молчала, потому что мы с ним и так оставались наедине в полупустом… хм, будем честны, в пустом доме. К тому же, мне стало любопытно: отсутствие вдохновения измучило меня, как жажда караванщика, затерявшегося в пустынных барханах. Вместо того чтобы писать я либо смотрела на пустой холст, либо думала о случившемся. Если раньше меня терзала только долговая метка Ормана, то теперь…

Смогу ли я вообще писать после того, как все, что было мне дорого, рухнуло из-за дорогой моему сердцу «Девушки»?

После того, как мне придется ее продать.

Мысли оборвались, когда нас слегка подбросило: Орман свернул с дороги и остановил мобиль. Слева раскинулось бескрайнее поле, нетронутое ни единым следом, как лист дорогущей писчей бумаги или чистый холст. Справа – тоже, разве что вдалеке теперь виднелся озябший лес, собравшийся густым темным пятном под полоской тяжелого неба. Вместо гладкого, присыпанного снежной крупой полотна, впереди раздалась глубокая колея, по которой разве что конный экипаж мог пройти. Больше того, колея эта была густо заметена снегом, что в путешествии очень и очень опасно – никогда не угадаешь, что под ним скрывается.

– Похоже, нам придется вернуться, – заметила я.

– Ты так думаешь?

– Вы же не поедете туда? Там ничего не видно.

Вместо ответа Орман вышел из мобиля, даже не потрудившись закрыть дверцу. Порыв ветра подхватил полы его распахнутого пальто, а потом снег взметнулся ввысь, словно пошел от земли к небу. От плеснувшей с пальцев Ормана магии захватило дух, сердце пропустило удар и забилось как сумасшедшее. Как зачарованная, я наблюдала за искрящейся изумрудной волной, прокатившейся от поля до леса, оставляя за собой ровнехонький след и послевкусие могущественной магии. От нее покалывало виски и кружилась голова.

– Основная проблема мобилей в том, что для них нет нормальных дорог, – хмыкнул Орман, возвращаясь на сиденье и захлопывая дверцу. – Мы производим транспортное средство, способное преодолеть расстояние в разы быстрее даже самого скорого поезда, но не можем обеспечить ему нормальную проходимость между городами.

– Вы там травку сожгли, – это было большее, на что меня хватило.

Потому что я до сих пор сидела с широко распахнутыми глазами, вспоминая изумрудный шторм.

– Нет, просто слегка подравнял дорогу. Новой траве до весны ничего не грозит, а этой уже без разницы.

Я глянула на пожухший обугленный клочочек в снегу и моргнула.

– Что это была за магия? – спросила, когда наконец, обрела дар речи.

– Магия искажений.

– Искажений?

– Древняя магия, суть которой ложится в основу любых мало-мальски серьезных заклинаний. В большинстве своем, упрощенных донельзя. Я бы

сказал, до примитива в сравнении с изначальными.

– Но вы знакомы с изначальными?

Орман кивнул.

– Откуда?

– Неважно. – Он взглянул на меня, словно собираясь что-то добавить, но промолчал.

Что же, если я собираюсь учиться у него, сейчас самое время об этом сказать. Не только сказать, но и сразу все обсудить. Пока я не передумала.

– Я намерена принять ваше предложение, месье Орман.

Затянутые в перчатку пальцы, постукивающие по рулю, замерли.

– Но у меня есть условия. Первое – вы больше никогда не станете делать так. – Я достала злосчастный конверт с деньгами. – И второе: наше общение будет связано только с учебой и с магией.

– Нет.

– Нет?

– Нет, Шарлотта. Меня такие условия не устраивают.

– В таком случае…

– В таком случае тебе остается только выслушать мои. Первое – ты будешь рассказывать мне обо всем, что чувствуешь во время занятий – о малейшей детали.

– Даже если у меня зачешется ухо? – хмыкнула я.

– Особенно если у тебя зачешется ухо. Второе: ты будешь сопровождать меня на прогулки и туда, куда я пожелаю.

Открыла рот, чтобы возразить, но он меня перебил.

– И третье. Ты переедешь ко мне.

Переехать к нему?!

– Вы, должно быть, шутите.

– Отнюдь.

Ах, да, я и забыла. У него же нет чувства юмора.

– Боюсь, что последнее условие совершенно невыполнимо, месье Орман.

По-хорошему, и второе тоже. Моя репутация и без того превратилась в лохмотья, но превращать ее в лоскутки я точно не собираюсь.

– Тем не менее оно обязательно. Когда мы начнем раскрывать твою магию, Шарлотта, она может вести себя крайне непредсказуемо.

Она уже ведет себя крайне непредсказуемо. Например, оживляет розы.

– Поэтому мне придется постоянно быть рядом. В любое время дня и ночи, чтобы суметь предотвратить всплеск. Или разобраться с последствиями.

– А кто разберется с последствиями моего у вас проживания?! – вырвалось у меня.

– Разве с ними надо разбираться?

Дорога, расчищенная магией, тоже кончилась. Орман заглушил двигатель и вышел из мобиля, чтобы обойти его, распахнуть дверцу и подать мне руку.

– Дальше пойдем пешком.

Ну что я могу сказать? Оставалось только порадоваться, что снегопад не был сильным и не намело сугробов, потому что зимних сапожек у меня не было. В городе я справлялась, натягивая плотные носки под осенние туфли, а вот здесь… Случись снегу лечь основательно, я бы просто утонула. Или нет?

Орман стянул перчатку, запуская легкую магическую волну и расчищая нам путь. С той, предыдущей, конечно было не сравнить, но я все равно не могла оторваться от текущей с его пальцев зелени, искрами падающей на снег. В том, что с магией он на «ты», сомневаться не приходилось, я никогда в жизни не видела никого, кто с такой легкостью управлялся с забытой современниками силой. Забытой или отвергнутой? Почему-то сейчас, рядом с ним, более точным казалось второе слово. Ведь по сути, магия многое упрощает.

– Размышляешь над моим непристойным предложением? – В голосе его звучала насмешка.

– Нет. Думаю, почему мы отказались от магии.

– Мы? – хмыкнул Орман.

– Да, мы. Наши современники.

– Потому что так проще и безопаснее. Не нужно нести ответственность за силу, что сокрыта внутри тебя. Если взорвется артефакт, отвечать будет производитель. Если взорвешься ты…

Я представила себе эту картину, и мне как-то резко поплохело.

– Магия – это постоянный контроль, Шарлотта. Постоянное внимание к тому, что происходит внутри, особенно в первое время.

Вот мы и вернулись к тому, от чего ушли. Интересно, он всерьез считает, что я могу просто взять и переехать к нему? Неужели не понимает, как это отразится на моей репутации? Или ему просто все равно? Скорее всего.

– Я не смогу к вам переехать, – повторила я.

Мы петляли между деревьями, все дальше уходя от мобиля. Я даже оглянулась: отсюда он казался совсем маленьким, размером с игрушечную каталку-пони.

– Должно же быть какое-то заклинание, которое ее запирает. Что-то, что помешает магии вырваться, когда вас не будет рядом.

– Запирать магию нельзя. Особенно ту, которая не поддается объяснениям. Особенно магию смерти.

– Почему?

– Потому что она будет отравлять тебя изнутри, тянуть жизнь и рваться наружу. Не остановится, пока не выпьет всю тебя и не превратит твое тело в сосуд.

В лесу и так было не жарко, но сейчас стало еще холоднее.

– А потом?

– А потом, когда ты уже не сможешь сопротивляться, вырвется в мир.

Искры на его пальцах погасли, он остановился и развернул меня лицом к себе.

– Рядом со мной ничего такого не случится.

Рядом с вами может случиться гораздо худшее. Вслух я этого не сказала, но решительно отняла руку и отвернулась. Орману действительно все равно, во что превратится моя жизнь. Когда мы закончим обучение, мне не останется ничего другого, кроме как идти в содержанки.

– Снова думаешь глупости, Шарлотта? – поинтересовался он.

– Для вас это глупости, месье Орман? Глупости, что я, незамужняя девушка, стану жить под вашей крышей и сопровождать вас повсюду? Как вы предлагаете мне это потом объяснять?

– Будь ты замужней, объяснить это было бы гораздо сложнее.

Нет, он еще и издевается!

– Давайте вернемся, – я указала на мобиль.

– Ну уж нет. Я не для этого привез тебя сюда.

Меня подхватили под локоть и легко подтолкнули вперед.

– А для чего же? Показать живописно растущие деревья?

– Затащить тебя поглубже в лес и гнусно надругаться в грязи и снегу, разумеется.

Разговаривать с ним – себе дороже. Я молча пошла вперед, в звенящую тишину, нарушаемую лишь нашими шагами, да изредка шорохом веток и листьев, которые пощадила магия. Чуть подальше к этим звукам присоединился тонкий, пока что едва различимый звук бегущей воды. Дорога неожиданно пошла в горку, и Орман снова подал мне руку. Недолгий подъем закончился так же неожиданно, как и начался, а впереди, в окружении небольших холмиков и узких пологих берегов, притаилась заводь.

– Ирта, – произнес Орман. – Далеко забралась.

«По-моему, это мы далеко забрались», – хотела сказать я.

Хотела, но не сказала, потому что вода, которая зимой обычно либо черная, либо свинцовая, как ненастное небо, здесь была льдисто-голубой. Отражающиеся в прозрачной (едва тронутой легкой рябью) речной глади деревья расплывались, как краски под опрокинутым стаканом воды. Я подняла голову, чтобы взглянуть на кусочек неба, а после снова бросила взгляд на Ирту. В окружении берегов и занавеса укутанных снегом ветвей мы словно оказались отрезанными ото всего и ото всех. Это действительно было очень красивое место, даже сейчас. Могу только представить, какое оно летом.

Обернулась, чтобы сказать об этом Орману, но его здесь не было. Точнее, его не было со мной: стоя в двух шагах, он смотрел сквозь меня, сквозь этот лес, куда-то неизмеримо далеко. В этот момент меня посетила странная мысль, что иней его пряди удивительно сочетается с маленьким миром, в котором мы оказались. Где из звуков – только тихий шелест реки и наше дыхание. Я потерла начинавшие подмерзать руки, искренне жалея о том, что не надела шарф потеплее.

Почувствовав мой взгляд, он тоже посмотрел на меня. Посмотрел отрешенно, а потом шагнул ближе, стянул пальто и набросил поверх моего. Тепло и сандал окутали мягким шлейфом, это первое замешательство стоило мне возможности отстраниться. В следующий миг кольцо рук сомкнулось на моей талии, и тепла стало еще больше.

– Вы простудитесь, – почему-то хрипло сказала я.

– Мне это не грозит.

«Из-за магии?» – хотела спросить, но не успела: Орман снова меня поцеловал. В отличие от того, что было в мансарде, это вышло удивительно нежно. Сначала рта коснулось согревающее дыхание, и только затем – губы. Не пытающиеся подчинять, ласкающие невесомо и мягко. Тем ярче вышло прикосновение ледяной маски, я вздрогнула, когда холодный узор скользнул по щеке.

– И тебе тоже, Шарлотта, – произнес он, глядя мне в глаза. – Я не позволю тебе замерзнуть.

Сейчас.

Но что будет, когда мое обучение закончится?

Мысль об этом оказалась настолько острой, что я замерла. Ни один донельзя откровенный поцелуй, ни один даже самый порочный сон в мире не сравнится с осознанием того, на что я только что готова была согласиться.

Или уже согласилась?..

Желание поддаться мимолетному, яркому и пьянящему чувству было столь велико, что мне стало по-настоящему страшно.

– Давайте вернемся в город. – Я вывернулась из его объятий, оставляя в руках Ормана такое уютное пальто.

В лесу как будто стало холоднее: даже мягкий, кружащийся между деревьев снег больше не казался красивым. Обратно мы возвращались в молчании, но это и к лучшему. Мне нужно было подумать над условиями, принять которые я никак не могла. Ни коим образом, но что же тогда делать с магией? К кому обратиться еще?

Мысль пришла как озарение.

Сегодня я собиралась к герцогине де Мортен. Сама идея заговорить с ней о таком казалась чересчур дерзкой, но в моем положении выбирать не приходится. Ее светлость была актрисой, а значит, существует возможность, что герцогиня хотя бы согласится меня выслушать. В свое время на ее долю наверняка пришлось много несправедливых упреков о недостойном поведении и прочем. Да и ее совет снять картину с выставки теперь предстал совершенно в ином свете. Если кто-то и может меня понять, это она.

Воодушевление, которое нахлынуло на меня сейчас, было сравнимо разве что с радостью, когда я шла с «Девушкой» в музей. Напомнила себе о том, что произошло позже и посоветовала заранее не обольщаться, но все равно не могла скрыть охватившего меня волнения. Ладони вспотели, я даже зашагала быстрее, окрыленная возможностью избежать новых оков, которые мне предлагал Орман.

Оков, которые окончательно превратят меня в его любимую игрушку.

А любимые игрушки имеют обыкновение рано или поздно надоедать.

Я села в машину, едва он распахнул передо мной дверцу. Стоило нам выехать на дорогу, с трудом удержалась чтобы не попросить его прибавить скорость. Чем быстрее мы окажемся в Дэрнсе, чем быстрее закончим, тем быстрее я попаду к ее светлости. Желательно, чтобы это произошло после чая[1], так у меня больше всего шансов застать герцогиню дома.

Никогда бы не подумала, что стану так стремиться в мастерскую. Напряженно поглядывала в окно мобиля и думая о том, как все пройдет. Разумеется, я не могу быть уверенной, что ее светлость согласится мне помочь, но пока… пока буду верить в лучшее.

Погруженная в свои мысли даже не заметила, как мы снова проскочили поворот на обводную дорогу и въехали в город. Когда под колесами загрохотала неровная брусчатка окраин (кое-где выщербленная как гнилые зубы), а за окном зашумела Бельта, бьющаяся о гранит берегов,

перевела недоуменный взгляд на Ормана.

– Вы же говорили, что в Дэрнс гораздо проще попасть по обводной дороге?

– Сегодня мы не поедем в Дэрнс.

Не поедем?! Но мне надо в Дэрнс! Именно в Дэрнс, именно сегодня, как можно скорее!

– То есть вы передумали меня рисовать?!

– А тебе этого хочется?

– Да! – это вырвалось раньше, чем я успела прикусить губу. Впрочем, под пристальным взглядом тут же добавила: – Этот долг мне уже порядком надоел, месье Орман. Я уже говорила вам, что хочу, чтобы все поскорее закончилось.

– Придется немного потерпеть, Шарлотта. – Его голос стал ледяным.

– Придется? – уточнила я, чувствуя, что у меня холодеют руки. – Нет, не придется, месье Орман. Я должна вам позировать, и я сполна возвращаю вам долг. Сопровождать вас в увеселительных прогулках я не обязана, и не стану. Так что либо мы едем к вам, либо я возвращаюсь домой. Немедленно.

Орман с такой силой вывернул руль, что мы едва вписались в поворот. Правда, он тут же сбросил скорость, пальцы заметно расслабились. На миг мне отчаянно захотелось извиниться, сказать, что я не то имела в виду, но Орман меня опередил.

– Как пожелаешь, – жестко произнес он. – Маленькая ханжа.

Что?!

– Не смейте меня оскорблять! – выдохнула я.

– Оскорблять? – Орман хмыкнул. – Я говорю правду.

– Неужели? То, что ваше воспитание позволяет вам наплевательски относиться к мнению общества, еще не значит, что все должны вести себя так же.

– Ты определенно не должна вести себя так, как я. Но ты должна мне, и это неоспоримый факт.

Вот так, Шарлотта. Наверное, не будь этой донельзя странной прогулки и уютного поцелуя под пледом пальто, было бы проще, но он был. Так же, как яростный напор в мансарде, и веревки, плавящие тело, и сумасшедшая жажда прикосновений, которых я всеми силами старалась избежать. Тщетно. Ничего удивительного, если вспомнить все, что предшествовало этой поездке. Его ультиматум в нише, клеймо на запястье, сны, в которых он превратил меня в куклу. Желание извиниться за свою резкость растаяло без следа, я отвернулась и уставилась в окно.

Ехали мы через центр.

По какой-то причине Орман решил собрать все самые загруженные улицы, и, наверное, это к лучшему. Я смотрела на бесконечные вереницы домов, тянущихся за окном, на мельтешащих людей. На одной улочке мы наглухо встали, подпертые несколькими экипажами, продвигающимися в час по чайной ложке из-за оживленного ближе к обеду движения.

Смотреть здесь было особо не на что, сплошняком лавочки и магазины. Я рассматривала выставленный товар исключительно потому, что не хотела смотреть на Ормана. До тех пор, пока мобиль не поравнялся с огромной витриной, в которой я увидела платье. Это платье… оно было роскошно даже на манекене. Малахитовый цвет сглаживал откровенность фасона: открытые плечи и лиф без рукавов. Рукава к нему полагались, но они крепились отдельно – пышные, полупрозрачные и невесомые, из органзы. Собственно, эти рукава и были главным украшением платья, они, а еще бархотка со вшитой в нее камеей.

Платье было прекрасно, вот только боюсь, оно обречено стоять на витрине до скончания века. Или до той минуты, когда его сменит другое, более подходящее нашим модницам по стилю.

«Модный дом мадам Гренье», – гласила вывеска над дверью, и тут я вспомнила. Именно об этом магазине рассказывала Лина: кажется, его открыла вэлейская модистка, уже достаточно давно. «Не представляю, кто покупает у них наряды, и как они еще не разорились, – заявила подруга. – Ни одна уважающая себя леди или мисс не пойдет в магазин готового платья, тем более с такими откровенными фасонами». После нашего разговора я собиралась дойти и посмотреть магазин сама (как художницу меня вдохновляло все необычное), но как-то не представилось удобного случая.

Платье действительно было весьма откровенным, а еще…

Оно не вписывалось в нашу реальность, как моя «Девушка».

Мысль об этом показалась донельзя странной.

– Хочешь примерить? – насмешливо поинтересовался Орман, проследив мой взгляд.

– Вовсе нет.

– Ну разумеется. Другого ответа я и не ждал.

– Рада, что вы настолько хорошо меня изучили, – огрызнулась.

– Тебя не надо изучать, Шарлотта. Тебя можно читать как открытую книгу, вот только ты сама так и не удосужилась себя прочесть.

Как же меня раздражает эта его непробиваемая самоуверенность! Особенно в том, что касается меня.

– Возможно, у вас что-то со зрением, – парировала я и отвернулась.

– Возможно, – хмыкнул Орман.

И до самого Дэрнса больше не проронил ни слова.

11

К счастью, обедали мы сегодня не вместе: это избавило от возникшей неловкости, которой с лихвой хватит во время позирования (по крайней мере, в этом я была уверена). Холодная отчужденность Ормана почему-то цепляла сильнее, чем мне бы того хотелось. Он был таким разве что в самом начале нашего знакомства, вплоть до того сна, после которого я угодила сначала в библиотеку, потом в кабинет Вудворда, а затем и в особняк Ормана.

Обедать меня усадили в огромной столовой, где Тхай-Лао подал мне самый обычный суп (без иньфайских изысков), чему я тоже была несказанно рада. Нет, узнавать и пробовать новое мне всегда нравилось, но в сложившихся обстоятельствах чем меньше потрясений, тем лучше. Прокручивая в голове все случившееся, я то ругала себя за свою резкость, то напоминала о том, что даже магия во мне проснулась благодаря Орману. Если бы не его показательно-воспитательные методы, жила бы я сейчас спокойно и ни о чем не догадывалась. Точнее, жила бы как обычно…

Хотя что-то мне подсказывало, что как обычно уже не будет.

Просто потому, что «Девушка» расколола мой мир на «до» и «после», как в свое время я поступила с героиней сюжета. Я упорно гнала эти мысли прочь, но они все равно мешали наслаждаться обедом. В огромной столовой в спокойных кремово-золотистых тонах, еле слышно тикали часы. Тишину нарушали только они, да еще завывание ветра за окнами: метель усилилась, и в прогалинах раскрытых портьер метались снежные вихри.

С одной стороны, это было мне только на руку: наверняка в такую погоду ее светлость захочет остаться дома. С другой (это другое заставляло меня то и дело покусывать губы), между нами самая настоящая пропасть. Пропасть не только в положении или в возрасте, я ведь просто девочка, которую она видела один раз и которой дала совет. Которым эта девочка не воспользовалась.

Захочет ли она меня выслушать?

Нет, не так… согласится ли она вообще меня принять?

Мысли эти были гораздо более пугающими, чем мысли про «Девушку». И о том, что моя жизнь больше никогда не вернется в прежнюю колею. Поэтому когда спустя полчаса после подачи пудинга с ягодами (в котором я едва поковырялась ложечкой несмотря на умопомрачительный вкус) в столовую заглянул Тхай-Лао, я вскочила с

места с недостойной для мисс прытью. Готовая идти за ним куда угодно, лишь бы не оставаться одной, с этими мыслями наедине.

Орман уже был в мастерской, смешивал краски, и в мою сторону даже не взглянул. Словно я действительно была даже не натурщицей, а реквизитом, который можно переложить с места на место.

Пожалуй, так даже лучше.

Всяко лучше, чем когда он смотрит на меня так, словно раздевает взглядом, и этим же взглядом ласкает ярче, чем оплетающие мое тело веревки. И в разы лучше, чем когда он говорит, что я маленькая ханжа. Просто для него нормы приличия – нечто незначительное, через которое можно спокойно перешагнуть и идти дальше. Не представляю, какое у него воспитание, но уж кто-кто, а я точно не ханжа!

На этой мысли я чуть не порвала платье, когда выпутывалась из него. Просто дернула рукав слишком резко.

– Так торопишься раздеться, Шарлотта?

– А я уже успела порадоваться, что вы молчите, – хмыкнула я.

И отметила очень странный факт: к лицу даже краска не прилила. Привыкаю, наверное.

– Не могу молчать, когда ты так рьяно стремишься продолжить наше сотрудничество.

Вот почему у него даже слово «сотрудничество» звучит порочно?

– Между прочим, я не ханжа.

– О, так мой маленький выпад все-таки тебя задел.

– Меня задевает, когда обо мне судят поверхностно.

– Пора бы уже привыкнуть. Люди в большинстве своем судят поверхностно – по выражению лица, красоте или уродству, а еще по одежде.

Волосы распустила без сожаления: прическу проще не придумаешь, и придать ей прежний вид не составит труда. А вот платье осторожно сложила в изножье, чтобы не дай Всевидящий не помялось или не обзавелось лишними складками. В доме ее светлости мне надо выглядеть безупречно.

– Каюсь, подумал, что твой интересный вид был исключительно для меня.

– Что?

– Твой наряд, Шарлотта. Думал, что ты оделась так для меня.

Орман думал, что я наряжалась для него? От неожиданности даже замерла, пытаясь дотянуться до шнуровки корсета. Это платье без корсета смотрелось нелепо, а за несколько месяцев я научилась затягивать его сама.

Не так плотно, как если бы у меня была помощница, но у меня была только мисс Дженни. Шнуровка вызывала у нее исключительно кусательно-играительный интерес, не считая того, что мисс Дженни – кошка.

– Да, именно так я и подумал. – Он отвел мои руки в стороны. Сейчас в его прикосновениях не было нежности или мягкости, я даже вздрагивала, пока он распускал шнуровку. – Наивность свойственна не только юным особам.

Это он сейчас о чем говорит? На миг захотелось объяснить ему, *куда* я так наряжалась, а главное – почему. Я даже рот открыла, но Орман успел первым:

– Лучше молчи, Шарлотта. Искушение свернуть тому, к кому ты собираешься, шею, и так слишком велико.

Запоздало поняла, что он говорит об Ирвине. То есть о том, что я вот прямо после позирования оденусь, отряхну платьице и побегу к нему на свидание?! Но больше всего меня поразила угроза: угроза, высказанная тем небрежным тоном, которым принято отказываться от приглашения на чай.

– Не слишком ли многое вы себе позволяете? – сухо спросила я.

– Не больше чем ты, маленькая мисс Сама Благопристойность.

Он дернул шнуровку так, что она взвизгнула, а в следующий миг корсет чуть не свалился к моим ногам. Я прижала его к груди и резко обернулась.

– Если с головы Ирвина упадет хоть один волос…

– То – что? – Под маской лица не видно, но сейчас оно представлялось мне выточенным из мрамора.

– Я вам никогда этого не прощу!

– Думаешь, это имеет значение? – Сквозь стальные глаза сверкнула насмешка. – На кровать, Шарлотта.

Всевидящий!

Я всерьез собиралась принять помощь этого человека?!

Отвернулась, чтобы скрыть дурацкие, совершенно непонятные слезы. Плакать можно было из-за Ирвина или из-за леди Ребекки, но только не из-за этого беспринципного, жуткого, бессердечного монстра! Запуталась в нижнем платье, которое стягивала дрожащими руками. Белье привычно запихнула подальше, чтобы не оставлять на виду. Шагнула к кровати и только сейчас вспомнила.

– Маску, – сказала глухо, не оборачиваясь.

– Сегодня обойдешься без нее.

– Но мы договаривались…

– Мне принести веревки?

– Нет, – прошипела, понимая, что еще одного такого унижения просто не выдержу.

– Тогда располагайся.

Чувствуя, как все внутри мелко и противно дрожит, забралась на кровать и обхватила себя руками. Орман едва на меня взглянул, а я уже почувствовала, как горят щеки. Не представляю, как я выдержу позирование без маски. Не представляю, как переживу несколько часов, когда все эмоции будут отражаться на моем лице.

Он снова взглянул на меня, явно собираясь поинтересоваться, долго ли ему еще ждать. Я сжала зубы и откинулась на подушки, не позволяя отдать очередной приказ.

– Разведи бедра, Шарлотта.

Это прозвучало почти интимно.

– Вам недостаточно того, что уже есть?

– Недостаточно.

Прохладный атлас холодил пылающую щеку, когда я отвернулась и выполнила просьбу. Подавила желание прикрыть себя руками, потому что прикрывать все рук не хватит. Глубоко вздохнула, пытаясь сосредоточиться на мыслях о герцогине, чтобы отвлечься от происходящего. Если бы она узнала о том, чем я сейчас занята…

«Ее светлость, – неожиданно прозвучали в ушах словах графини Вудворд, – в свое время играла в очень откровенной постановке безобразного содержания».

Что она имела в виду?

В Энгерии очень строго смотрели на театральные постановки, как, впрочем, и на все. Наверное, графиня имела в виду другое. К актрисам отношение было чуть получше, чем к девушкам, которые продавали любовь за деньги, но граница этого «чуть» у каждого своя. Считалось, что женщины, выставляющие себя напоказ, легко доступны, вот только как ее светлость стала актрисой? Если она была именитой аристократкой, ее наверняка выдали бы замуж еще в юности. Случись ей родиться в обедневшем роду, она скорее стала бы гувернанткой, как я, чем играла в театре. Нет, скорее всего у нее просто не было титула.

Тогда возникает другой вопрос: как она стала герцогиней?

За поруганную репутацию высший свет карает нещадно, но принять в общество ту, кто им неровня по происхождению – немыслимо. Не в нашем мире. Не в Энгерии точно.

Размышления о судьбе ее светлости ненадолго выбили меня из реальности, в которой время тянулось невыносимо медленно. Или

наоборот, слишком быстро? Здесь не было часов, чтобы определить, а пасмурный зимний день не позволял даже приблизительно понять, сколько я уже так лежу.

Когда Орман объявил перерыв, сразу же потянулась к халату. Он поднялся, и я не удержалась от вопроса:

– Сколько сейчас времени?

– Куда-то торопишься, Шарлотта?

– Да, – мне было все равно, что он там себе думает.

– Сегодня мы с тобой немного задержимся. Так что лорду Ирвину Лэйну придется подождать.

Орман впечатал дверь в косяк с такой силой, что я вздрогнула.

Завернулась в халат, поднялась и подошла к окну. Желанное было в двух шагах, дом герцога де Мортена и его супруги – пройти, пробежать всего полквартала, и вот он. Так близко и в то же время так далеко, пока меня держит клятый орманов долг! Казалось бы, ничего не стоит сказать ему о своих истинных намерениях, вот только почему-то не оставляло чувство, что будет еще хуже. Зачем Орману потребовалось будить во мне магию? Разумеется, чтобы еще прочнее привязать к себе. Он наверняка представлял, что удерживать меня с помощью портрета и долговой метки вечно не сможет, а учитывая его любовь к играм…

Действительно, почему бы и нет.

Орман знал, что обратиться мне не к кому. Наверняка предположил, что леди Ребекка не сможет помочь, а значит… оставалось только одно.

«Тебя можно читать как открытую книгу».

Разумеется, он догадывался, что я захочу учиться, потому что подвергать опасности не только себя, но и тех кто рядом или кто случайно рядом окажется – верх безрассудства. Особенно обладая магией смерти. Он знал, что так я поступить не смогу, поэтому и притащил меня к себе, поэтому и замахнулся бамбуком – помня о том, что увидел во сне про мисс Хэвидж.

Непонятно только, к чему были поцелуи в мансарде, а потом… та нежность в лесу.

Казалось, я до сих пор чувствую аромат сандала и мягкое тепло, окутывающее меня его объятиями. Чтобы в них спустя несколько часов ворвалось: «Разведи бедра, Шарлотта».

Ненавижу!

Должно быть, последнее явственно читалось в моих глазах, потому что когда Орман шагнул в мастерскую, уголки его губ дрогнули в холодной усмешке.

– Вижу, без меня тебе нашлось о чем подумать.

– Без вас мне было хорошо, – отрезала я, сбрасывая халат и устраиваясь на постели.

Снова мучительно потекли минуты, в которые я просчитывала, на сколько он собирается меня задержать. Вчера мы закончили немногим позже чая, но что будет сегодня? С него станется продержать меня до самого вечера, чтобы испортить «свидание с Ирвином». Осознание этого почему-то отозвалось внутри такой яростью, что я с трудом удержала себя на постели. Зато прошло всякое желание смущаться, что не могло не радовать.

Каждый взгляд Ормана я встречала с вызовом, а во время перерывов хранила молчание. Впрочем, он тоже.

Лишь когда за окном, уплотненные снежной бурей, начали собираться ранние сумерки, пришло беспокойство. Беспокойство сродни тому, что испытываешь, когда понимаешь, что от тебя ничего не зависит. Была небольшая надежда на плохое освещение, но и она иссякла, когда Орман на миг отложил кисть. Подчиняясь движению его руки, в комнате одна за другой вспыхивали искры, облаченные в прозрачные шары. Шары расползались по комнате ожерельем, добавляя столько света, что писать можно было бы даже с закрытыми глазами.

В этот миг я отчетливо осознала, что он меня не отпустит.

Ни сейчас, ни позже – возможно, продержит здесь до глубокой ночи, когда идти к ее светлости будет уже бессмысленно. Завтра все повторится, и послезавтра, и… Наверное, кто-то сказал бы, что можно подождать, но ждать я не могла. У меня не так много денег (не считая тех, что вручил мне Орман, и которые я собиралась оставить здесь). Но если деньги еще могли подождать, то с магией нужно было что-то решать.

– Отпустите меня, – негромко сказала я, удивляясь тому, как послушно звучит мой голос.

Он же любит покорность, и сейчас я готова была ему ее дать. Все, что угодно, лишь бы вырваться из этой мастерской. Все, что угодно, чтобы обрести надежду на новое свободное завтра.

– Отпустить? – переспросил он, не отрываясь от работы. – Поверить не могу. Ты меня просишь, Шарлотта.

– Да, я прошу вас. – Голос срывался, но я села на постели, обхватив себя руками.

Волосы рассыпались по плечам, волосы, которые мне еще нужно успеть привести в порядок, как и себя.

– Я прошу вас меня отпустить. Сегодня, – посмотрела ему в глаза. –

Завтра я останусь у вас, на сколько вы захотите.

– Неужели? – Орман отложил кисть, темный взгляд, казалось, вобрал всю мощь глубинной тьмы. Или как она там называется.

– Да, – сказала твердо.

– Останешься на ночь, – сказал он.

– Вы…

– Останешься на ночь, Шарлотта – он усмехнулся. – Как в прошлый раз.

Я приложила ладони к пылающему лицу. Наверное, худшее, что он мог сделать – это предоставить мне такой выбор. С одной стороны, я уже ночевала у него, с другой – добровольно согласиться провести ночь под крышей мужчины… Но ведь именно этого он и добивается. Хочет, чтобы я перешагнула через свои принципы, чтобы отказалась от них.

Потому что для него это игра.

Потому что ему интересно посмотреть, как поведет себя его любимая игрушка.

Минуты бессмысленно утекали, и я выпрямилась.

– Хорошо, – отняла руки от лица. – Хорошо, я согласна.

Некоторое время (как мне казалось, мучительно долго), Орман просто смотрел на меня.

– Заманчиво, но… нет.

– Что – нет? – переспросила я.

– Нет, Шарлотта. Ты задержишься сегодня. Продолжаем.

Какое-то время я просто молча хлопала глазами, а потом запустила в него подушкой. Немного промахнулась: она с силой впечаталась в мольберт, а я взвилась на постели. Подхватила халат, заворачиваясь в него, глядя в сверкающие льдами севера глаза Ормана. Он обманчиво-мягко подхватил подушку с пола и шагнул ко мне.

– Вы! – выдохнула ему в лицо, даже не пытаясь сдерживать охватившие меня чувства. – Вы это сделали специально! Вы ведь не собирались меня отпускать!

– Не собирался, – подтвердил он. – Вернись на постель.

– А если нет? – сложила руки на груди, чувствуя, что меня трясет. – Я ухожу, месье Орман. Хотите вы того или нет, но на сегодня мы закончили. Я. Ухожу.

Развернувшись к нему спиной, подхватила белье.

– Мы оба прекрасно знаем, что без моего разрешения ты за эту дверь не выйдешь.

– Выйду, – сказала я. – И вы меня не остановите.

– Мне и не нужно. – Когда Орман коснулся моего запястья, поспешно отдернула руку. – Это сделает она.

Подушка упала на постель, и я резко обернулась. Сжимая кулаки, встречая его холодный жесткий взгляд.

– Что, просто будете смотреть, как она меня убивает?

– А ты проверь, Шарлотта.

Тонкая линия губ (как мне могло показаться, что они способны дарить нежность?), под маской – лицо хищника. Не зря на мобилях его производства эмблема ястреба, ему это удивительно подходит. Несложно было представить, что если я и правда попытаюсь выйти за дверь, долговая метка обожжет руку предупреждающей болью. Жаром растечется по телу, невыносимым, заставляющим кусать губы и тянуться за глотком воздуха. В лучшем случае я вернусь в эту мастерскую на коленях, в худшем – без сознания.

– Вы не чудовище, – прошептала дрожащими губами. – Вы – ничтожество!

Вытащила из ридикюля конверт и швырнула в него.

– Подавитесь!

Разумеется, Орман успел его поймать. Перехватил и прижал ладонью к груди, глядя на меня. В лице он не изменился, вот только взгляд… взгляд стал по-настоящему страшным. Не ястребиным, не хищным, это было нечто другое, до этой минуты мне незнакомое. Темное, жестокое, злое.

Настолько, что я отшатнулась и попятилась.

– Сегодня Тхай-Лао вызовет тебе экипаж, – это было последнее, что я готова была услышать от человека с нечеловеческим взглядом. В его взгляде клубилась тьма (не та осязаемая, которую можно увидеть, скорее та, которую чувствуешь кожей). Та, от которой бросает в холодный пот, от которой пальцы становятся ледяными и перехватывает дыхание. В противовес этому голос его звучал ровно, спокойно и неестественно-громко (или просто в мастерской стало тихо?). – Завтра приедешь сама. К двенадцати. Если у тебя есть возможность разбрасываться деньгами, у тебя есть возможность и добираться самостоятельно.

Орман небрежно швырнул конверт на постель, развернулся и вышел из мастерской. Только тогда я перевела дух и поняла, что в ноги впивается кушетка, а в ладони – ногти. Медленно разжала пальцы, потирая отпечатавшийся на ладонях узор и широко раскрытыми глазами глядя в сторону закрывшейся двери. Мне доводилось видеть Ормана разным, но таким… никогда.

Глубинная тьма, что сорвалась с моих рук, и то пугала гораздо меньше.

Меньше того, что я сейчас увидела в его глазах.

Дикое. Необузданное. Жуткое и жестокое.

Мне бы радоваться свободе, тому, что он ушел, но радоваться не получалось. Я вообще не понимала, что чувствую, и ото всего этого становилось настолько не по себе, насколько это вообще возможно. Ненормальное желание догнать Ормана, развернуть его лицом к себе и заглянуть в глаза, чтобы убедиться, что в них больше нет этой тьмы, сменилось осознанием того, что здесь произошло.

Потянулась было за бельем, но тут на улице раздался знакомый шум. Я подбежала к окну, чтобы увидеть, как от дома отъезжает мобиль. Хотя проще было бы сказать, отлетает, подхваченный надвигающейся ночью и метелью. Он скрылся из вида раньше, чем я осознала, что осталась одна. То есть с Тхай-Лао.

Орман уехал.

Я оделась и привела себя в порядок. Пригладила волосы щеткой, убрала ее в ридикюль. Зачем-то заплела и расплела волосы, хотя пальцы до сих пор слегка дрожали. Стоило вспомнить взгляд Ормана, как все внутри переворачивалось и хотелось бежать прочь из этого дома, из Дэрнса, все дальше и дальше, как можно дальше от этих жутких воспоминаний. Останавливало только одно: экипаж в такую погоду я здесь вряд ли найду, а идти сквозь непроглядную метель пусть даже по самому дорогому району столицы, идти непонятно сколько… Нет, даже я не готова на такие приключения.

Поэтому и сидела, мысленно отсчитывая минуты, пока не появился Тхай-Лао. Просто распахнул дверь, и, ни слова не говоря, посторонился. От прежней учтивости иньфайца не осталось следа, в мою сторону он даже не посмотрел. Пока мы спускались, он не проронил ни слова, молча подал мне пальто и распахнул дверь.

– Спасибо, – негромко произнесла я, но мужчина не ответил.

Стоило мне шагнуть в метель, к экипажу, над крышей которого от ветра покачивался фонарик, дверь за моей спиной захлопнулась.

Чувствуя себя невыносимо мерзко, я спустилась к карете.

– Остановите вон у того дома, – указала вознице на особняк де Мортена. – И подождете. Если будет нужно, я доплачу.

Тот покосился на меня как-то странно.

– Леди, мне заплатили столько, что я два раза могу прокатить вас кругом по всему Лигенбургу, – фыркнул он, спрыгивая с козел и открывая мне дверцу. – Залезайте.

Судя по его голосу, в то что я леди, он верил как в то, что подарки под

ель приносят светлые духи. Леди не выходят из дома одни в такое время, и уж тем более леди не ездят из Дэрнса на окраину по вечерам.

Оказавшись в экипаже, я почувствовала себя еще более мерзко.

У дома де Мортена постояла несколько минут, прислушиваясь к гулким глухим ударам сердца. Только когда со стороны улицы раздался кашель возницы, поднялась по ступенькам и взялась за дверной молоток. Подобно большинству современных домов, здесь стук тоже подхватил и усилил мелодичный звон артефакта, а спустя несколько мгновений дверь распахнулась.

Дворецкий был уже в возрасте: об этом говорили его полностью седые волосы, расчертившие лоб морщины и складки в уголках губ. Последнее так же говорило о не самом легком характере, равно как и цепкий, пристальный взгляд, которым меня окинули.

– Добрый вечер. Чем могу помочь?

– Добрый вечер, – произнесла я. – Мне нужно переговорить с ее светлостью герцогиней де Мортен. По поводу картины.

– Какой картины? – дворецкий скривился, словно я сказала про ведерко жаб.

Между тем как у них на дверном молотке – женщина, вместо волос у которой змеи! Бррр!

– Картины, которую она хотела приобрести. Меня зовут мисс Шарлотта Руа, я художница, и…

Дверь перед моим носом захлопнулась с непочтительным грохотом. Слегка опешив от такого, я пару секунд смотрела на вышеозначенную женщину с гнездом извивающихся тварей на голове, а потом схватилась за молоток снова. Выразительно стучала до тех пор, пока холл не превратился в музыкальную шкатулку, а снова распахнувший дверь дворецкий не прошипел мне в лицо:

– Что вам нужно?

– Я вам только что сказала, что мне нужно, – поражаясь собственной смелости, шагнула в дом так быстро, что он даже не успел меня задержать. – Ее светлость ждет моего ответа, так что будьте любезны доложить о моем визите. Если не ошибаюсь, это входит в ваши обязанности.

– Вам назначено? – процедил он.

– Нет, мы не оговаривали определенное время.

– Ее светлость не принимает без договоренности.

– Доложите обо мне, – с нажимом повторила я и уселась на кушетку.

Дворецкий открыл рот, но тут же его закрыл. Лицо стремительно

наливалось краской, как будто он на спор разжевал лимонный кругляш, но я не двинулась с места. Наверное, мне просто было нечего терять, в эту минуту я осознала это особенно четко.

Некоторое время он буравил меня взглядом, после чего с треском захлопнул дверь. Несколько попавших в западню снежинок тут же растаяли.

– Ждите здесь, – процедил он, – и если из дома что-нибудь пропадет…

– Боитесь, что я стащу вешалку? – поинтересовалась я, снимая шляпку.

В ответ на мою реплику что-то скрипнуло: не то зубы дворецкого, не то половица под его ногами. Не в моих правилах огрызаться на людей, но когда со мной разговаривают подобным образом, у кого угодно терпение лопнет. Дворецкий скрылся в недрах особняка, а я плотнее перехватила шляпку. Конечно, храбриться было куда проще, чем осознавать, что ответ ее светлости раз и навсегда изменит мою жизнь. Уставившись на узор винтажных обоев, старалась не думать о том, что услышу. Повезло, что герцогиня оказалась дома: за перепалкой с дворецким я как-то упустила этот момент и говорила с ним так, словно знаю, что она у себя.

Но… почему же так долго?

Минута.

Вторая.

Третья…

Они нанизывались, как бусины на нить, ожерельем. Сколько времени точно прошло, я не знала, знала только, что успела изучить каждый завиток на обоях и частично пересчитать капельки на роскошной люстре.

Сильнее вцепилась в шляпку, когда услышала шаги, с трудом подавила желание вскочить.

– Ее светлость вас примет, – сообщил дворецкий. Вид у него был такой, словно он заглотил не просто забытую на блюдце дольку, а лимон целиком.

В этот миг я поняла, что последние полминуты просто не дышала.

Совсем.

Воздух ворвался в легкие только когда я поднялась с кушетки и, оставив пальто и шляпку на вешалке, поспешила за ним.

12

Я ожидала, что меня проведут в кабинет, но даже не предполагала, что окажусь в гостиной, где первым делом ко мне под ноги выкатится мячик, вторым – рыжая девочка, а третьим – огромный черный дог. Уши и надбровные дуги у него были словно присыпаны инеем, длинные ресницы и бока – тоже, даже на лапах местами пробивалось серебро. Все (исключая

мячик, конечно) замерли и воззрились на меня. Волосы у девочки были как огонь, совсем как у ее светлости, а вот глаза темные, как кофе. Малышка смотрела с любопытством и я, не совсем отдавая отчет в том, что делаю, опустилась на корточки, подняла мячик и протянула ей.

– Что нужно сказать, Хлоя? – Герцогиня поднялась из кресла.

– Спасибо, мисс. – Девочка сделала книксен, наградила меня озорной улыбкой и убежала к матери.

Следом за ней с грохотом ускакал дог, собирая складочки на ковре. Дворецкий, опомнившись, вздернул подбородок и произнес (с такими интонациями, словно сомневался, стоит ли здесь кого-то кому-то представлять):

– Мисс Шарлотта Руа, ваша светлость.

«Ваша светлость» была сказана кислейшим лимонным тоном.

– Спасибо, Гилл, – герцогиня этого не заметила или сделала вид, что не заметила, – попроси принести нам чай и пришли Линдси. Шарлотта, прошу.

Она улыбнулась и кивнула, приглашая меня присоединиться к ним. Стоило отметить, что гостиная была в довольно мрачных тонах: темно-коричневый и бордовый, но ее с лихвой искупала солнечная улыбка ее светлости и смех девочки, которая теперь отнимала мячик у дога. Тот сопротивлялся, но больше для вида, порыкивая и потряхивая головой. Стоило мне подойти, он выпустил игрушку и немедленно потянулся к моим пальцам огромным мокрым носом.

– Не бойся. – Проследив мой взгляд, герцогиня похлопала по ноге, пес тут же оставил попытки познакомиться и подошел к ней. – Арк только с виду такой страшный, наш старичок.

– Старичок?

– Да, он настоящий долгожитель, – не без гордости произнесла ее светлость и указала мне на диван, стоявший прямо напротив огромного старинного камина.

– Папа говорит, что ты любого даже самого страшного зверя превратишь в неженку, – серьезно заявила Хлоя.

– Папе, конечно, виднее.

Я не смогла сдержать улыбки, особенно когда малышка подбежала к матери, а та подхватила ее на руки.

– Ой! Тяжелая!

– Я не тяжелая! – девочка залилась смехом. – На мне много одежды!

– Правильно, так всем и говори.

– Ваша светлость. – Я даже не заметила, как дверь за моей спиной

открылась, и в гостиную вошла молодая женщина. Миловидная, с длинными светлыми волосами, перехваченными лентой. Она сделала книксен, и тут только я вспомнила, что совершенно об этом забыла. Хотя наверное, мое приседание за мячиком сойдет за реверанс? Или нет? – Мне забрать Хлою?

– Да, пожалуйста.

Девочка насупилась, но на руки к няне пошла беспрекословно. Стоило им выйти, как ее светлость опустилась на диван, и я последовала за ней. Пламя играло на ее волосах живым огнем, и я снова подумала, что никогда раньше не видела настолько яркого цвета и настолько яркой женщины. Ее портрет я бы с удовольствием написала, но… ох, я даже толком не поздоровалась. Да что со мной такое творится?

– Ваша светлость, я бы хотела… – несмотря на близость камина руки холодели все сильнее, а я робела все больше. – Я бы хотела извиниться за то, что не воспользовалась вашим советом, и…

– Давай договоримся так, Шарлотта, – она коснулась моей руки. – Называй меня Луиза, я уже порядком устала ото всех этих церемоний. Хорошо?

Дождавшись, пока я кивну, продолжила:

– И никогда не жалей о том, что исправить уже нельзя.

– Но я действительно искренне сожалею о том, что вас тогда не послушала, – серьезно произнесла я. – Мне бы не хотелось, чтобы у вас сложилось обо мне мнение, как… о недалекой девице, которая зациклена на своих амбициях и нисколько не заботится о своей репутации.

– В амбициях нет ничего плохого. – Луиза внимательно посмотрела на меня. – Когда ты осознаешь, на что идешь, и чем готова поступиться. Признаюсь, я пыталась тебя переубедить именно поэтому.

– Из-за амбиций? – растерянно спросила я.

– Из-за того, что написали в газете.

Ох, ну да. Почему-то я не задумывалась о том, что ее светлость тоже читает газеты, и что она наверняка знает, как охарактеризовали «Девушку».

Всевидящий!

Я что, всерьез собираюсь предложить ей ее купить? После всего.

Мне вдруг стало невыносимо стыдно, особенно когда я подняла глаза и наткнулась на жесткий взгляд герцогини.

– Переставай смущаться и прятать глаза, Шарлотта, – неожиданно резко сказала она. Настолько резко, что даже дог поднял голову и дернул ушами. Она едва коснулась массивного лба, и пес, тяжело вздохнув, положил морду между лапами. – Ты написала картину и представила ее на

выставке. Ты пришла ко мне, и я даже не представляю, как, но прорвалась через Гилла без предварительной договоренности. Имей смелость все, что ты начинаешь делать, доводить до конца. Так о чем ты хотела со мной поговорить?

Немного опешив от такой отповеди, я тем не менее расправила платье и выпрямилась.

– Я хотела сказать, что если «Девушка» вас все еще интересует…

– Если? – Луиза приподняла бровь. – Никогда не ставь под сомнение интерес к тому, что ты делаешь.

– Но я вам отказала.

– Отказ только подогревает интерес к тому, что действительно интересно. – Она откинулась на спинку и подперла кулачком подбородок. – Особенно если он исходит от женщины.

Пока я моргала в ответ на такое откровение, герцогиня продолжила:

– Да, «Девушка» мне по-прежнему интересна, но только если ты готова с ней расстаться.

Готова ли я? С губ сорвался смешок.

– Я думаю, у вас ей будет лучше.

Почему-то перевела взгляд на картину над камином: там парусник рассекал море.

– Да, она сюда не вписывается, – ее светлость махнула рукой. – Картины здесь вообще меняются с завидной частотой, не приживаются как-то.

– Возможно, «Девушка» приживется?

А ведь она действительно будет неплохо смотреться в таком антураже.

– В сюжете присутствует некоторая мрачность, поэтому обстановку гостиной она только подчеркнет. Зато переход позволяет сделать акцент именно на яркой стороне сюжета, и давить картина не будет. Скорее наоборот, добавит этому месту красок. Думаю, здесь ей будет уютно.

Не знаю, кого я пыталась убедить, Луизу или себя. Вернулась из реальности интерьера в гостиную и встретила взгляд герцогини – задумчивый, отстраненный. Она смотрела на меня, или сквозь? Сколько она вообще слышала из того, что я говорила? С чего я вообще взяла, что ей интересно мое мнение о том, впишется ли картина в интерьер? Не представляя, о чем говорить дальше и как привлечь к себе внимание, замерла, но это и не потребовалось.

– Давай поступим так, Шарлотта. – Ее светлость постучала пальчиками по спинке дивана. – «Девушка» останется у тебя.

Я кивнула, стараясь ничем не выдать разочарования. В конце концов,

картина – не единственное, о чем я хотела с ней поговорить. На неделю-две денег мне хватит, а дальше… дальше я всегда могу пойти в горничные, для этого не нужна выдающаяся репутация.

– Но у меня к тебе встречное предложение. Я держу камерный театр в Лигенбурге. – Она внимательно взглянула на меня. – Как ты смотришь на должность помощницы художника-декоратора?

Должность помощницы художника-декоратора?

– Вы предлагаете мне место? – спросила, не в силах поверить в услышанное.

– Да, – Луиза кивнула. – Конечно, это не самая простая работа, и достаточно необычная, но я подумала, что тебе может быть интересен такой опыт. Если понравится и захочешь остаться – я буду рада. Ну а если нет… думаю, это в любом случае будет тебе полезно, не так ли?

Работа! У меня будет работа!!!

Не просто работа, я получу место, на котором смогу писать… создавать красочные декорации для спектаклей!!! Но это же…

– Я даже мечтать о таком не могла! – выдохнула, глядя ей в глаза. – Ваша светл… Луиза, спасибо большое!!! Конечно же мне интересно!

– Я так и думала, – она кивнула. – Что же, в таком случае я распоряжусь, чтобы с тобой побеседовали наш художник и антрепренер. Мы как раз готовим премьеру, она состоится в первый день весны, сейчас разрабатываются эскизы для декораций. Что касается оплаты, какие у тебя ожидания?

Какие ожидания у меня?

Вопрос ее светлости поставил меня в тупик: раньше не приходилось высказывать свои требования. То есть конечно, я их себе представляла, но жалованье всегда предлагал тот, кто предлагал место. Так поступали даже когда наниматься приходил мужчина, не говоря уже о женщинах. Это неизменное правило, так было у графа Вудворда, так было и с мистером Рингселом, который продавал мои картины. То есть с последним мы, конечно, еще поторговались, но мистер Рингсел работал на рынке, а выдвигать требования к положенному жалованью у нас было не принято.

– У меня есть время подумать?

– Разумеется. Будь готова ответить на этот вопрос, когда я договорюсь о встрече. У тебя получится подъехать в театр вечером в пятницу? Скажем, часам к шести?

Вспомнила про Ормана, но тут же отмела все сомнения. Если он попытается меня остановить – получит труп и милое общение с полицией. Долг я ему верну, но не в ущерб себе и своей жизни.

– Получится, – уверенно ответила я.

– Замечательно, – улыбнулась герцогиня. – Тогда я напишу тебе адрес.

Дверь открылась снова и на пороге появилась горничная. Пока она почти бесшумно ставила чашки и угощение на низенький столик, Арк ткнулся носом мне в ботинок. Я перехватила одобряющий взгляд ее светлости и потрепала дога по огромной голове.

– Ты ему понравилась, – заметила Луиза.

– Правда?

– Правда. Он достаточно дружелюбный пес, но скупо оказывает знаки внимания, особенно новым знакомым. Присматривается.

Я улыбнулась.

– Значит, ко мне уже присмотрелся?

– Выходит, что так.

Я снова погладила Арка и стянула перчатки: горничная вышла, а ее светлость уже разливала чай.

Осталось самое важное, магия, но в этот миг я осознала, что не могу выдавить из себя ни слова. Луиза была ко мне безгранично добра. Да что там, она и так уже сделала для меня слишком много, гораздо больше, чем я могла себе представить. Просить ее сейчас о чем-то еще – верх невоспитанности, но даже если отбросить мысли о воспитании… Захочет ли она, чтобы я работала в ее театре, если узнает о сути моей магии? Закусив губу, смотрела в донышко чашки, над которым в бронзовом озере чая искрили блики.

– Ты хотела спросить о чем-то еще, Шарлотта?

Вскинула голову и улыбнулась:

– Да. Вы хотели купить «Девушку», чтобы защитить меня от того, что случилось?

Спасительный вопрос пришел сам собой, но не сказать, чтобы я не хотела услышать на него ответ.

– Отчасти. – Луиза попробовала чай и вернула чашку на блюдце. – Но не только. Мне действительно понравилась картина. Как она пришла тебе в голову?

– Не знаю, – я пожала плечами, следуя ее примеру. – Просто однажды я проснулась и увидела ее. Как есть. Осталось только перенести на холст.

– Удивительно. – Она снова облокотилась на спинку дивана, совсем по-простому положила подбородок на запястье. – Мне всегда было интересно, как создаются картины, книги… В свое время я очень хотела побеседовать с Миллес Даскер, но она не стремится раскрывать настоящее имя.

– Ваш муж наверняка мог бы его узнать… Ой, простите.

– Все так. – Луиза ничуть не обиделась. – Но мне бы не хотелось нарушать границы ее свободы. Если она не хочет ни с кем встречаться, это ее право.

– Вам она нравится? Миллес Даскер?

– Да. У нее потрясающие истории. Дерзкие, смелые, временами чуточку наивные, но неизменно счастливые. Как сказки для взрослых.

– Разве взрослые читают сказки?

– Взрослым сказки нужнее, чем детям, – Луиза улыбнулась. – Ты наверняка читала «Сладкую горечь свободы»?

– Вообще-то нет, – я смутилась, вспоминая о лежащей на столе книге.

– Прочти обязательно. Мне кажется, тебе должно понравиться.

Странный у нас получался разговор. Я шла продать картину, а обрела надежду. Не просто надежду, крылья за спиной – ведь о месте помощницы художника-декоратора я даже мечтать не смела. Но даже если принять как данность, что герцогиня решила мне помочь из расположения, сейчас мы вообще беседовали, как давние подружки. О том, что неловкость сошла на нет, я задумалась только сейчас. Равно как и о том, что Луиза советует мне книгу, о которой леди Ребекка отзывалась весьма неприязненно.

Незаметно наш разговор перешел именно на меня, ее светлость расспрашивала, как создаются картины, а я с удовольствием рассказывала о том, чем дышу. Чем дальше, тем больше и отчаяннее мне хотелось в свою маленькую мастерскую. Зажечь лампу-артефакт, смешать краски и писать, писать, писать – всю ночь, совсем как в те дни, когда я работала над «Девушкой».

Единственное, что сейчас омрачало мое счастье – это мысли о магии и о несостоявшемся разговоре. В конце концов я успокоила себя тем, что сегодня с помощью своей магии оживила цветы. Наверное, все не настолько страшно, как мне казалось, и уж точно не страшно, если я поговорю об этом с Луизой чуточку позже. Не думаю, что за это время что-то случится.

Мы очень мило побеседовали, а потом она попросила горничную принести письменные принадлежности, и впрямь вручила мне листочек с адресом театра. Это было невероятно, но ее светлость даже провожала меня до дверей. Сама. Не позвала ни дворецкого, ни кого бы то ни было еще – просто вышла вместе со мной. Когда мы прощались, мне в голову неожиданно пришел сюжет.

Настолько неожиданно, что все прочие мысли вылетели из головы.

О том, что забыла надеть шляпку и что по-прежнему сжимаю ее в

руках, я вспомнила уже на улице: ветер сорвал ленту и хлестнул по щекам моими же волосами и колючим снегом. Я забралась в экипаж, возница прикрикнул на лошадей. Я смотрела на липнущие к стеклу снежинки, собирающиеся узорами, думая только о новой картине – о том, как лучше положить краски, чтобы передать то, что хочу. Когда карета дернулась и остановилась, даже вздрогнула от неожиданности.

– Приехали! – возница распахнул дверцу и помог мне выйти.

Поднимаясь по ступенькам, я вспомнила, что дома у меня только пара печенюшек и чай, но возвращаться на улицу – только время тратить. Тем более что лавочек в нашем районе нет, а непогода усиливалась с каждым часом. Поднимаясь по ступенькам, я прижимала ридикюль к груди и смотрела под ноги (ступеньки в нашем доме почему-то все были разные по размеру), но даже сквозь них видела сюжет, расцветающий на холсте красками. Так увлеклась, что даже не сразу расслышала едва различимый шорох и негромкие шаги.

Осознала это я уже когда ступила в коридорчик, ведущий к мансарде и подняла голову. Чтобы встретиться взглядом с леди Ребеккой.

13

К этой встрече я была не совсем готова, а если быть точной, не готова совсем. Видеть леди Ребекку не хотелось не столько потому, что она просто вышвырнула меня из дома, когда мне нужна была помощь, сколько потому, что я была уверена: меня пришли уговаривать уехать в Фартон. Вот только мое мнение не изменилось, а значит, и говорить нам не о чем. Особенно теперь, когда мне предложили место.

– Здравствуй, Шарлотта, – леди Ребекка первой нарушила молчание.

В неярком свете моего артефакта она выглядела чересчур бледной, а еще, пожалуй, взволнованной. В руках – перевязанная бечевкой коробочка и, судя по ванильно-коричному запаху, внутри булочки с мастикой. Мои любимые.

– Добрый вечер, – ответила я. – Не ожидала вас здесь увидеть.

Леди Ребекка явно ждала другого ответа.

– Почему же? – она поджала губы. – Мы вчера расстались не очень хорошо, и я не спала всю ночь.

– Сожалею, – сказала я.

Ну а что тут еще скажешь? Какая-то часть меня отчаянно хотела с ней помириться, но обида была сильнее. Обида, горечь от несправедливых упреков и обвинений, которыми она меня вчера забросала. В памяти были слишком свежи слова про Вудворда и уничижительный взгляд.

– Ты что же, даже не пригласишь меня зайти?

– Не знаю, будет ли вам у меня удобно.

– Шарлотта! – ахнула она.

– А чего вы хотели? – я сложила руки на груди. – Вчера вы выставили меня из дома…

– Из дома ты ушла сама.

– Да, но перед этим вы обвинили меня в том, что я вольно вела себя с графом. Хотя я пыталась объяснить, что произошло на самом деле, вы не стали меня даже слушать. Вы назвали мою репутацию загубленной и собирались отправить в глушь, где я должна буду прятаться просто потому что я – это я!

Леди Ребекка опешила, а я шагнула к двери и отперла ее.

– Не представляю, зачем вы пришли сейчас, но если не боитесь замараться о мою репутацию – заходите.

Я влетела в мансарду, с трудом сдерживая охватившие меня чувства. Те чувства и эмоции, что с утра казались запечатанными под пластами наносного спокойствия, сейчас вернулись. Обрушились на меня ураганом, заставляя сжимать и разжимать кулаки, чтобы не наговорить лишнего. Хотя сдается мне, я слишком много думаю о том, что мне говорить, а что нет. Слишком много думаю о чувствах других людей, которым до моих нет никакого дела!

За спиной раздались негромкие шаги: как раз в тот момент, когда я расстегивала пальто, леди Ребекка шагнула ко мне и порывисто меня обняла.

– Прости меня, Шарлотта.

– Что…

– Прости меня, – повторила она и всхлипнула, только крепче прижимая меня к себе. – Вчера я растерялась. Из-за всего случившегося, из-за этого ужасного письма… Шарлотта, ты даже не представляешь, что я почувствовала, я сама не представляла, что говорю… я так за тебя испугалась! За тебя и твою жизнь, которая может оказаться разрушенной из-за твоей детской прихоти…

Я вывернулась из ее рук и оказалась с ней лицом к лицу.

– Это не прихоть, леди Ребекка! – я чуть повысила голос. – Это моя жизнь. Творчество – это моя жизнь, и я никого не собиралась им оскорблять! Ничьи зашоренные умы, в которых творится непонятно что. Я просто хотела представить на выставке историю, из-за которой не спала ночами. Что в этом плохого?

– Ничего. Конечно же ничего, – примирительно сказала она. – Я не это хотела сказать.

– А что? – задыхаясь, выдохнула ей в лицо. – Что вы хотели сказать? Я ведь не железная, леди Ребекка, и вчера я пришла к вам за помощью! Пришла, потому что вы… вы мой единственный близкий человек… И что мне сказали вы?! Что я соблазняла графа!

Слез не было, но меня всю трясло. Я снова обхватила себя руками, хотя сейчас мне было даже жарко.

– Кажется, нам двоим нужно успокоиться, – пробормотала леди Ребекка и указала на стол, куда поставила коробочку. – Я принесла булочки с ванильной мастикой, как ты любишь. Может быть, выпьем чаю и поговорим?

– Я никуда не поеду! – выпалила я.

– И не надо, – она развязала шляпку. – Я здесь вовсе не за этим.

– Тогда зачем? – спросила, глядя ей в глаза. – Чтобы пить со мной чай?

– Ты невыносима, Шарлотта! – леди Ребекка повысила голос, но тут же снова смягчилась. – Оливер нашел того, кто готов обучать тебя магии.

Такого я точно не ожидала, поэтому замерла.

Обучать меня магии? Не может такого быть!

– И этот кто-то живет в Фартоне? – уточнила.

– Нет. Здесь, в Лигенбурге.

– Удивительно.

Виконтесса, которая уже начала расстегивать пальто, вздрогнула. Глаза ее сверкнули.

– Я поняла. Тебе гораздо интереснее лелеять свои обиды, чем сделать шаг к примирению, – сухо произнесла она. – Когда успокоишься и сможешь говорить нормально, дай мне знать.

Подхватив шляпку, леди Ребекка надела ее и принялась затягивать ленты. Она была так близко: чуть вздернутый подбородок, красивый нос, тень от длинных ресниц на щеках. Виконтесса завязывала бант, а в памяти яркой вспышкой оживала картина из детства.

Фартон, ранняя весна, мы собираемся прогуляться к морю. Я прижимаю к себе куклу, а леди Ребекка опустилась рядом со мной и перевязывает бант на моей шляпке (ей не понравилось, как няня его завязала). Она улыбается и смотрит на меня: светло-светло, как солнце, что заглядывает в узкие витражные окна. Здесь, в холле, холодно и мрачно, но за дверями совсем другая жизнь. Напоенная свежестью, пением птиц, просыпающейся после холодов природы.

– Вот так лучше, – говорит она и целует в щеку. – Теперь ты самая красивая девочка в мире. Самая-самая.

А потом подхватывает на руки, совсем как ее светлость свою

очаровательную дочку.

Леди Ребекка шагнула к дверям, и я бросилась за ней.

– Не уходите, – сказала тихо.

Она остановилась и обернулась – медленно, а потом протянула мне руки. Я шагнула к ней, и леди Ребекка заключила меня в объятия. Облако ее духов (сладких, как вата на празднике), окутало с головой. Удивительно, но я помнила совсем другой запах: цветочный, с мягкими нотками ванили и оттеняющей ее горечи. Совсем, как… аламьена.

– У вас раньше были другие духи, – сказала я, прижимаясь щекой к воротнику пальто и улыбаясь.

– Что?

– Другие духи. Когда мы жили в Фартоне.

– Странная ты, Шарлотта. – Леди Ребекка обнимала меня как-то неловко, словно забыла, как это делается. Не притягивая к себе, просто едва касаясь руками. – Ну так что, угостишь меня чаем? А я расскажу тебе об учителе, которого нашел виконт.

Я глубоко вздохнула, не желая ее отпускать. Это было забытое чувство из детства, забытое чувство нашей близости – когда можно нырнуть в объятия и знать, что в них так уютно. Когда на полях и на склонах холмов раскрывались цветы, и мы вместе собирали букеты. Когда она вплетала их в мои волосы и говорила, что я похожа на маленькую элленари, представительницу волшебного лесного народа, о котором в Энгерии слагали легенды.

– Конечно. Только мне надо спуститься за водой.

– Я подожду.

Она отстранилась и снова принялась развязывать шляпку. А я быстренько сбросила пальто, взяла чайник и отправилась на кухню, даже не сдерживая улыбку. Как же быстро все может перемениться! Еще утром мне казалось, что придется искать работу в школе для девочек, а пару часов назад герцогиня предложила мне помогать с созданием декораций. Еще утром я вынуждена была выбирать, соглашаться ли мне на условия Ормана или подвергать опасности себя и других, а сейчас леди Ребекка говорит, что виконт нашел для меня учителя. Да Всевидящий с ним, с учителем. Главное, что мы с ней помирились. Главное, что она меня любит. Любит, несмотря ни на что. Несмотря на все жестокие слова, которыми мы с ней обменялись, несмотря на пакость от Вудворда и эту дурацкую статью.

Дожидаясь, пока закипит вода, я смотрела в запотевшее кухонное оконце сквозь мутное стекло и разводы от ладони. Сейчас даже метель за окном напоминала снегопады в Фартоне: уютные, мягкие, после которых

снег если и ложится, то ненадолго, а потом очень быстро сходит. А как красиво, когда снежинки падают в море…

Взлетела наверх и обнаружила, что леди Ребекка стоит, приподняв подол. Заслышав мои шаги, она стремительно обернулась, с выражением нескрываемого ужаса на лице.

– Шарлотта, у тебя что, мыши?!

Прислушалась: под тахтой что-то шуршало.

– У меня кошка. – Я улыбнулась, вспомнив, что мисс Дженни сегодня весь день сидит дома. После ухода леди Ребекки надо будет ее покормить и выпустить прогуляться перед сном.

– Кошка?! – Она приподняла брови, а вот подол опустила. – Тебе разрешили держать кошку?

– Ну… не совсем, – я водрузила чайник на подставку.

Только сейчас заметила, что Миллес Даскер все еще лежит на столе, поспешно загородила книжку собой и быстренько сунула в ящик. Пока леди Ребекка прохаживалась по мансарде, я сполоснула руки и заварила чай. Расстелила скатерть, достала чашки и блюдца, раскрыла коробочку с булочками. Это оказались пышные завитки, политые и пропитанные ванильной мастикой. Запах от них был просто умопомрачительный!

– Прошу.

Леди Ребекка приблизилась, аромат ее духов смешался с ароматом сдобы, снова напоминая об аламьене. Я вдруг отчетливо вспомнила белый цветок в раскрытых ладонях, и, когда она устроилась за столом, поинтересовалась:

– Скажите, там, где вы жили в Вэлее, есть аламьена?

Леди Ребекка замерла, хотя до этого поправляла и без того безупречную прическу. Улыбка, с которой она повернулась ко мне, почему-то показалась неестественной и бледной.

– Откуда ты знаешь про аламьену?

– Я ее вспомнила, – ответила, перекладывая булочку к себе на тарелку. – Когда во мне проснулась магия. Наверное, мама мне ее показывала.

– Ты не можешь ничего помнить, Шарлотта. Ты тогда была совсем кроха.

– Но я его видела… Белоснежный цветок с тонкими лепестками, который пахнет так, что голова начинает кружиться.

– Этого не может быть! – Резкий голос леди Ребекки заставил подпрыгнуть. Я чуть не выронила чайник (к счастью, не выронила, но ситечко качнулось, и на скатерти расплылась безобразная клякса). – Тебе и

трех лет не было, когда мы уехали из Вэлеи. Наверное, все дело в магии…

– В магии?

– Или в потрясениях, из-за которых у тебя проснулась магия, – пробормотала она. – Как ты, говоришь, она у тебя проснулась?

– Меня очень сильно напугали.

– Кто?

– А это имеет значение?

Леди Ребекка нахмурилась, но ничего не сказала. Только покачала головой, когда я захотела положить булочку для нее.

– Ты же знаешь, я не ем сладкого. Это все для тебя.

– Спасибо. – Я откусила от булочки, наслаждаясь любимым сливочно-коричным вкусом. Леди Ребекка крутила чашечку по блюдцу и пристально смотрела на меня, словно чего-то ждала. Поэтому я прожевала кусочек и добавила: – Вы так ничего и не сказали про аламьену, леди Ребекка. Могла мама мне ее приносить?

Мне бы хотелось верить, что это не просто игра сознания, что я действительно вспомнила мамины руки. Странное чувство, но именно сейчас, прокручивая эти воспоминания, я вдруг почувствовала нежность, исходящую от раскрытых ладоней. Нежность, удивительную мягкую силу, тепло, и… любовь.

Почему же она от меня отказалась?

– Не помню. – Леди Ребекка покачала головой. – Может быть. В те годы мне было не до цветов – ты же знаешь, что я была очень слаба здоровьем, ко мне постоянно приезжали целители, я сама посещала воды… Словом, восторгаться природой и местными красотами мне было некогда. Не говоря уже о том, чтобы помнить такие мелочи.

Я зевнула и откусила еще кусочек булочки. Непонятно почему вдруг захотелось спать, так дико, что я потянулась за чаем. Сделала несколько глотков, откинулась на спинку стула и зевнула еще раз.

– Простите, – пробормотала еле слышно. – У меня выдались не самые легкие дни.

Леди Ребекка не ответила, только приподняла брови. Руки ее, сложенные на платье, чуть подрагивали. Платье виконтессы тоже чуть подрагивало, а вместе с ним стул, комната и окно. Попыталась подняться, но голова закружилась, и я опустилась обратно. Сон теперь накатывал волнами дурноты, грозя затянуть в свои объятия столь стремительно, что мне стало не по себе. От этого, а еще от взгляда леди Ребекки: жесткого, холодного. Она снова смотрела на меня свысока. Смотрела так, как вчера вечером, в гостиной, когда обещала, что я больше никогда не перешагну

порог ее дома.

В эту минуту я отчетливо поняла, что нет никакого учителя.

Нет и не было никогда, просто…

– Что… что вы со мной сделали?! – Я все-таки поднялась.

Голова кружилась и казалась пустой, я ухватилась за спинку стула. Пальцы казались слабыми, но я только сильнее их сжала, чтобы не упасть.

– Добавила в твое угощение немного зелья. – Леди Ребекка поднялась тоже: видимо, чтобы снова смотреть на меня сверху вниз. – По-хорошему ты не понимаешь, поэтому будешь сидеть в Фартоне взаперти. Пока не научишься вести себя как подобает девице в твоем положении.

Ноги подогнулись, и я медленно осела вниз. Несмотря на пустоту из-за снотворного, пронзило короткой вспышкой горечи, а еще осознанием.

Метка.

Мне нельзя уезжать.

– Мне нельзя уезжать, леди Ребекка, – я дернула рукав, но пальцы сорвались. – У меня долговая метка…

– Что? – Она нахмурилась, но даже не попыталась приблизиться, хотя я потянулась к ней рукой.

– Пожалуйста. Поверьте. На мне…

Темнота полыхнула перед глазами, и я вцепилась в ножку стула, чувствуя, как глухо бьется сердце. Очередной приступ миновал, и я снова вскинула голову, дергая рукав наверх, показывая ей запястье, где спал потухший узор.

– Долговая метка. Завтра мне нужно отдать долг. Если вы меня увезете, она…

– Так и знала. – Леди Ребекка отвернулась и направилась к вешалке. Я слышала, как шуршит ее платье, как стучат каблучки: этот стук эхом звучал в ушах. Руки ослабли, и я рухнула вниз, лицом на пол. – Что ты будешь сочинять всякие небылицы, чтобы меня разжалобить и попросить отсрочки.

– Она меня убьет!

Я кричала, но вышел шепот. Достаточно громкий, чтобы его услышать, но виконтесса не обернулась. Она одевалась, видимо, чтобы привести тех, кто меня заберет. Из-под тахты вылезла мисс Дженни, растерянно ткнулась холодным носом в руку. Усы щекотали ладонь, я смотрела на кошачью мордочку, чувствуя, что из глаз текут слезы.

– Пожалуйста… – прошептала из последних сил.

Ответом мне был стук захлопнувшейся двери, после которого я соскользнула в сон.

Пауль Орман

Он стоял у окна, глядя на присыпанный снегом город. В Дэрнсе всегда было чисто: ухоженные дорожки, элегантный, словно сошедший с идеальной картины парк, особняки, соревнующиеся друг с другом за звание самого красивого. Глядя на эту идиллию, сложно представить, что где-то бывает иначе. Ладонь обжигал раскаленный локон, чем ближе к двенадцати, тем горячее становилась сплетенная магией прядка волос Шарлотты.

Разомкнув ладонь, он взглянул на полыхающий завиток. Злиться на себя бессмысленно, и все-таки Орман злился. За то, что сорвался вчера, позволил себе уничтожить хрупкое, только-только зарождающееся между ними доверие. За то, что снова напомнил ей о долговой метке, о том, что Шарлотта с ним из-за этой дряни. За то, что увидел в ее глазах страх.

Страх – совсем не то чувство, которое он хотел видеть в глазах этой девочки, но ее слова: «Вы – ничтожество», – выбили из сознания все уроки Джинхэя. Разом, как ураган сметает прибрежные лачуги, оставляя лишь месиво из волн, пены и соломы. Тьма, что долгие годы сидела в его душе на цепи, радостно оскалила пасть, впиваясь когтями в сердце. На миг он представил себе Шарлотту: путы на тонких щиколотках и запястьях, звук рассекающей воздух плети. Красные полосы на белоснежной коже, которые он повторял губами, когда она содрогалась и кричала под ним.

Картина была настолько яркой, что он вылетел из дома, не отвечая на вопросы Тхай-Лао. За рулем, где нужна была трезвая голова, вывел мобиль на обводную дорогу, чтобы в случае чего больше никто не пострадал. Там, в темноте, в лесу, где он сегодня ее целовал, осталось мало чего живого. Магия крошила деревья и вспарывала реку, разбрасывая воду пенными бурунами на застывшие в испуге молчаливые берега.

Ничтожество.

Так его называл отец. Симон Эльгер, герцог де ла Мер, обманом и шантажом заставивший мать жить в его замке, хотел сильного сына. Хотел видеть достойного преемника, а получил его. В детстве Эрик часто болел, и магия подчинялась ему неохотно. Словно не уверенная, что стоит связываться с этой хрупкой, немужественной оболочкой, которая по какому-то капризу судьбы досталась отпрыску самого могущественного мага современности. Глядя на себя в зеркало, он ненавидел слишком женственные и мягкие черты лица, доставшиеся ему от матери, нездоровье, мешающее магическим тренировкам, но больше всего он ненавидел отца.

Его взгляд сверху вниз: холодный, презрительный, резкий.

Нет, больше всего он ненавидел этот взгляд и мечтал о том, что

однажды все будет иначе.

Он снова и снова клялся себе, что никто и никогда больше не назовет его ничтожеством, но раз за разом проигрывал. И в год, когда магия начала ему уступать, подчиняясь изматывающим тело и разум практикам, в их жизни появился он. Анри Феро, граф де Ларне нашел возможность подступиться к его отцу, который всех держал на расстоянии вытянутой руки. Тогда Эрик еще не догадывался о том, что они братья, зато нашел точку приложения своей ненависти.

Анри. Идеал мужчины, словно вылепленный по всем эталонам и стандартам. Женщины сходили по графу де Ларне с ума. Высокий, крепкий, сильный и тренированный, воплощение того, каким хотел его видеть отец. Симон Эльгер проводил с графом все больше времени и доверился ему настолько, что отправил в Энгерию, жениться на Терезе Биго. Эта женщина обладала редчайшей и опасной силой – некромагией, кровь ее была настолько сильна, что отец просто не мог пройти мимо.

В свое время он даже предпринял попытку устроить ее брак с Эриком, но отец Терезы ему отказал.

Это все, что он знал о ней, направляясь в Энгерию, чтобы испортить Анри жизнь.

Это все, что он знал о ней, когда впервые увидел эту странную, сильную и умопомрачительно красивую женщину, хотя она себя таковой не считала. Тереза сторонилась общества и жила изгоем в замке своего брата из-за магии, что текла в ее жилах. Она не появлялась на балах, избегала мужчин и считалась старой девой – на момент их встрече Терезе уже исполнилось двадцать семь.

В день, когда Эрик увидел ее впервые, он решил, что они должны быть вместе.

Слишком они были похожи.

Слишком многое указывало на то, что из них получится отличная пара.

Он сам не понял, когда осознание этого переросло в одержимость. Видеть ее рядом с идеальным Анри было невыносимо, видеть ее взгляды, обращенные на него – тем более. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что он почувствовал, увидев в руках Шарлотты свежий букет, а ее саму – в красивом платье. В платье, которое она надевала по особым случаям.

Цветы, вылетевшие в окно, лишь приглушили вспышку ярости. До той минуты, когда она потребовала отвезти ее в Дэрнс, а после сказала, что торопится. Представлять рядом с ней Ирвина Лэйна почему-то было гораздо больнее, чем в случае Терезы и Анри. До этого он не знал, что такое бывает: когда больно даже дышать при мысли о том, что ее обнимает

этот самоуверенный напыщенный… защитничек Энгерии.

При виде Анри и Терезы он впадал в бешенство.

При мыслях о Шарлотте, губ которой касается Ирвин – сходил с ума.

Терезой он был одержим.

В случае с Шарлоттой все было иначе. Чувство к ней собиралось из темных нитей, клубящихся над ним, и заката над полями аламьены. Яркое, как ее волосы, глубокое, как полуденный зной, и такое же опустошающее, как обратная сторона жизни. Не чувство, не наваждение – желание дышать ею. Жить ею.

Только ею одной.

Поэтому сейчас он стоял, глядя то на лежащие перед ним часы, то за окно, где по-хорошему, вот-вот должен был появиться экипаж. Стоял и не мог отделаться от мысли о том, что будет, если она выйдет из дома на несколько минут позже. Или если у колеса треснет ось, если извозчик застрянет в центре, где вечно не проехать. Мысли об этом отзывались бессильной злобой внутри. Злобой на себя и свое: «Завтра приедешь сама».

Что, если не придет?

Однажды она уже отказалась к нему явиться. Правда, в тот день она еще не знала о том, как работает долговая метка, но за последнее время на нее слишком много всего свалилось. Слишком много разочарований.

Вчера Шарлотта снова приняла снотворное, он почувствовал это через заклинание, зацикленное на ее снах. Глубокий, тяжелый сон, в который она соскользнула, больше напоминал забвение и освобождение от реальности. Искушение заглянуть в него было настолько велико, что он с трудом удержался. Впрочем, вчера ему было не до этого. Шарлотта проснулась лишь несколько часов назад, но сам он за эту ночь не сомкнул глаз.

Стрелки сдвинулись снова.

Без четверти двенадцать.

Пора бы ей уже появиться.

Для себя он твердо решил, что сегодня избавит девочку от этой метки. Ее, а заодно и себя, и даже если она никогда больше не захочет перешагнуть порог этого дома… Нет, он все равно от нее не откажется. Ни за что.

Маленькая солнечная мисс Шарлотта Руа со страшным даром обязательно станет его. Даже если сейчас она думает, что будет иначе, даже если считает его врагом, он найдет способ все исправить и вернуть то, что потеряно.

Часы тикали. Негромко.

О чем она вообще думает?! Неужели одного урока ей было мало?

Избавить от метки на расстоянии невозможно, нужны оба участника долговой сделки. Желание отшлепать эту девчонку (за то, что так безрассудно рискует собой) с каждой минутой становилось все сильнее. Просто перекинуть через колено, задрать ее бесконечные юбки и как следует пройтись ладонями по аппетитным ягодицам. Так, чтобы и думать забыла обо всяких глупостях. Хотя сейчас обо всяких глупостях лучше не думать ему. Сама мысль о Шарлотте на его коленях, о Шарлотте, кусающей свои очаровательные пухлые губки и выгибающейся под острой лаской-наказанием, сворачивала мысли в совершенно иное русло.

Пожалуй, он был бы даже рад, если бы она снова ослушалась.

Но только не сегодня и только не таким образом.

Эрик распахнул окно и устроился на подоконнике, вглядываясь в поворот, из-за которого должен показаться экипаж. Холодный воздух обтекал его и вползал в комнату, наполняя мастерскую бодрящей свежестью. Локон на ладони и капелька крови, сохраненная магией. С помощью них в любой момент можно определить, где Шарлотта находится, и шагнуть к ней. Несколько раз он уже готов был претворить это заклинание в жизнь, останавливало только то, что выходить из портала на оживленной улице Лигенбурга – чревато.

Сейчас все, что связано с магией, чревато. Люди приручили ее, запрятали в артефакты, но все что выбивается за рамки их представлений о возможностях, пугает. Порталы, пространственные переходы – забытые знания, утраченные задолго до Темных времен, когда ныне запрещенные заклинания использовались направо и налево. Просто потому, что на такой переход требовалось безумное количество сил. Магия искажений давала много возможностей, но расплата за них тоже была немаленькой.

Отцу удавалось открыть портал между двумя странами, но даже Симону Эльгеру это стоило упадка магических сил. Ничто в этом мире не дается просто так.

Без десяти минут двенадцать.

Желание перекинуть девчонку через колено и как следует отшлепать сменилось тревогой. Шарлотта действительно могла застрять посреди Лигенбурга: из-за того, что не рассчитала время или до последнего не хотела к нему ехать, но потом все же одумалась. Представив ее, бледную, кусающую губы в осознании того, что в самом скором времени произойдет, резко поднялся.

Нет, она должна приехать.

Долговая метка указывает на угрозу невыполнения обязательства, у человека учащается пульс и повышается температура. Такое он бы

почувствовал, равно как и любую серьезную угрозу со стороны кого бы то ни было или даже самой себя. Значит, Шарлотта все-таки едет к нему, и она успеет.

Успеет ли?

Что-то не так. Что-то, чего он не мог понять и не чувствовал… по какой-то причине.

К демонам все!

Он найдет ее, где бы она ни была, и притащит сюда, пусть даже за волосы. А после…

Локон на ладони вспыхнул зеленым огнем, крохотная капелька крови в тонкой магической оболочке впиталась в пламя. Искрящаяся сфера с шипением растворилась, воздух вокруг сгустился и пошел изумрудной рябью: пространство отзывалось на древнее магическое заклинание поиска. Охватившее прядку пламя сорвалось ввысь, язычок заплясал в воздухе, нити магии потянулись к нему со всех сторон. Эрик смотрел, как сгорает связь с ее снами, и в миг, когда пламя стало особенно ярким, шагнул вперед.

Пространство волновалось, плетение силовых контуров всплеском силы прокатывалось по дому. Он уже давно перестал чувствовать магию, как что-то отдельное от себя, но сейчас почему-то ощутил ее горьковато-тяжелый привкус: раскрывающий, давящий, глубокий.

Шарлотты не было в городе.

Он почувствовал это, когда цеплялся за указатель изумрудного пламени: заклинание поиска уводило гораздо дальше, чем можно себе представить. Соединить две точки пространства, немедленно, раскрыть с двух сторон. Эрик шагнул в искрящийся зеленью разрыв, чувствуя, как от временного прилива силы кружится голова.

Не дорога, разбитая колея, по которой катился экипаж. Глухие поля, укутанные змеящейся поземкой. Испуганное ржание лошадей, которых зацепило отголоском магии, дикий взгляд кучера. Мужчина натянул поводья так резко, что животные забили копытами и захрипели, но сейчас Эрику было не до них.

В два шага преодолев отделяющее его от кареты расстояние, вскинул руку, когда кучер выхватил пистолет. Оружие вырвало из его пальцев, самого мужчину снесло на землю и протащило несколько футов.

Эрик рванул дверцу с такой силой, что она чудом не слетела с петель.

– Кто вы такой и что себе позволя… – Сидевшую в экипаже женщину он просто вытолкнул наружу, в одно мгновение оказываясь рядом с Шарлоттой.

Она полулежала на сиденье, не спала, но и не бодрствовала – в распахнутых глазах застыла обреченность и смирение. Даже грудь ее вздымалась еле-еле, словно все, что с ней происходит, замедлилось, приглушенное пеленой зелья. Этот пустой, потерянный взгляд разрушил остатки самообладания: он рывком сдернул Шарлотту с сиденья, подхватил на руки, прижимая к себе.

– Она меня увезла, – глядя сквозь него, прошептала она.

– Кто – она?! – процедил он.

– Леди… Ребекка.

– Все будет хорошо, – произнес он, глядя ей в глаза. – Теперь все будет хорошо, девочка моя. Ты больше ничего мне не должна.

Повернул перстень: легкий укол, и их кровь смешалась, распечатывая заклинание, подтверждая его слова. Вряд ли она почувствовала, что узор на запястье растаял. Эрик тоже не мог этого видеть, но точно знал, что ее жизни больше ничего не угрожает.

Действия зелья, которым ее травили, пройдет, и в глазах Шарлотты он снова увидит солнце. Живое, теплое солнце.

– Дышать… нечем…

– Сейчас.

Порыв ветра ударил ему в лицо, когда Эрик шагнул с подножки на промерзшую землю. Первое, что он увидел – перекошенное лицо женщины и дрожащий в ее руках пистолет, нацеленный на них. В миг, когда громыхнул выстрел, он успел отвернуться, закрывая Шарлотту собой.

14

– Значит, еще раз, мисс. – Худощавый полицейский с усами на пол-лица вздохнул и посмотрел на меня с тем же видом, с каким смотрят на табуретку, у которой отвалилась ножка. Вроде досадное недоразумение, но ничего страшного. – Вы говорите, что вас увезли против вашей воли.

– Да.

– Что ты такое говоришь, Шарлотта?! – Голос леди Ребекки дрожал, но я на нее не смотрела. Я на нее вообще не могла смотреть, только на Ормана, который сидел на соседнем стуле, откинувшись на спинку. В Лигенбург мы вернулись тем же путем, что и пришли. Точнее, которым он пришел за мной – через портал.

Спустя пять минут в полицейском участке в меня влили зелье, возвращающее ясность сознания в считанные секунды. Разумеется, чтобы я смогла говорить. Что касается Ормана, от услуг врача он отмахнулся, заявив, что это царапина и что он вполне справится собственными силами. Вот только я не могла избавиться от ощущения, что выглядит он чересчур

бледным. Я бы даже сказала, белым, и это не давало мне покоя.

– Так. – Полицейский потер переносицу и взглянул на секретаря, который сидел рядом с блокнотом и чуть ли не у меня на голове. То есть ну очень близко, настолько, что если бы я чуть подвинулась, мое платье коснулось бы носка начищенного штиблета.

Кабинет в участке, куда нас всех проводили, вообще был очень маленьким и тесным. Как в нем умещалось два стола, несколько стульев и даже втиснутый у дальней стены маленький облезлый диванчик – большой вопрос. Света здесь не хватало, потому что единственное оконце выходило во внутренний двор, со всех сторон запечатанный стенами. Что внутри, что снаружи участок был выкрашен казенной серой краской, наводящей уныние.

– Я решилась увезти свою воспитанницу исключительно потому, что она попала под тлетворное влияние этого… – Леди Ребекка указала на Ормана, который смотрел прямо в стену. То есть поверх головы полицейского, и при звуке ее голоса даже не пошевелился. Не будь я уверена, что передо мной человек, решила бы, что на стул усадили манекен. Лицо – его лицо, лишенное защиты маски, само напоминало маску. Сцепленные на коленях руки и жесткий взгляд в одну точку. Чувство было такое, что он в глубоком трансе, как йоги из Рихаттии.

– Джентльмена, – закончила виконтесса. – Моя девочка просто не понимает, что…

– Я вам не девочка, – отрезала я. – И тем более не ваша. Вы опоили меня и вывезли из города, невзирая на угрозу моей жизни.

– Да о какой угрозе идет речь? – Леди Ребекка нервно рассмеялась.

– Долговая метка.

Голос Ормана звучал глухо, тем не менее на нее он так и не взглянул.

А ведь не решись он открыть ко мне портал, я бы сейчас уже была мертва. Прежде чем полицейский успел задать следующий вопрос, дверь распахнулась. На пороге появился виконт Фейбер и еще один полицейский. Судя по тому, как первый спешно подскочил и вытянулся в струнку, второй был старше рангом. И шире в объеме, в него можно было поместить четырех меня, после чего еще осталось бы место для пятой половинки.

– Садитесь, констебль. – Махнув рукой, толстяк прошелся к окну и распахнул его.

Справедливости ради, сделал он это не зря: в кабинете и так было нечем дышать, а с появлением новоприбывших кислорода и вовсе стало мало.

– Всевидящий! Наконец-то! – Леди Ребекка вспорхнула со стула и

бросилась к мужу. – Оливер, надеюсь, ты со всем разберешься, потому что у меня больше нет сил это выносить! Я не спала всю ночь, и у меня снова эта ужасная мигрень…

– Две ночи подряд? – хмыкнула я.

– Что?

– Вы не спали две ночи подряд. – Никогда бы не подумала, что мой голос может звучать настолько ядовито. – Сначала после нашей ссоры, и теперь вот вторую. Как вы еще на ногах держитесь?

Леди Ребекка замерла, цепляясь за мужа. Кажется, впервые за все время Орман как-то отреагировал на происходящее: повернулся ко мне, и в глазах его мелькнула насмешка.

– Разумеется разберусь, дорогая, – виконт сдвинул брови. – За этим я здесь. Может мне кто-нибудь объяснить, почему была задержана моя жена?

– Так… по обвинению в похищении и попытке убийства.

– Я защищалась! – взвизгнула леди Ребекка.

– Какой вздор! – ноздри виконта раздулись. – Я забираю свою жену, и…

– Ваша жена, – не поворачивая головы, Орман умудрялся пригвоздить к полу одним лишь голосом, – увезла мисс Руа, зная о магической долговой метке. Метке, которая могла ее убить.

– Оливер!

– Что вы несете?! – вспылил виконт.

– Тише, господа! – До этого стоявший у окна толстяк повысил голос. – Не будем забывать, что мы находимся в полиции, а не на рынке. Обвинение в похищении и тем более в попытке убийства – серьезные обвинения. Между тем как кучер, сопровождавший леди Фейбер, заявил, что именно на него и на экипаж было совершено нападение. С применением магии, а после леди Фейбер вынуждена была защищаться.

Орман приподнял брови.

– Я спасал мисс Руа жизнь. Мне было не до нежностей с теми, кто насильно вывез ее из города.

– А ее жизни угрожала долговая метка, – толстяк подошел к нему.

– Именно так.

– Тем не менее, сейчас метки на мисс Руа нет.

– Потому что я ее снял в экипаже.

– Ну разумеется! – насмешливо заявил он. – И мы, разумеется, должны вам поверить.

– Метка действительно была на моем запястье, – холодно сказала я.

Толстяк наградил меня презрительным взглядом:

– На вашем месте, мисс, я бы молчал, пока вас не спросят. Мало того, что вы клевещете на женщину, которая вложила в вас столько времени, сил и средств, вы еще добровольно признаетесь в непристойном долге этому мужчине.

– Почему же непристойном. – Орман поднялся, оттолкнувшись пальцами от стола. – Речь шла о моем портрете, который мисс Руа обещала написать для меня в определенный срок.

– И вы хотите, чтобы я в это поверил? – Полицейский приподнял брови.

– Признаться, мне без разницы, во что вы верите. – Орман шагнул к нему вплотную, и мужчина попятился. – Но если я еще раз услышу от вас хоть один грязный намек в адрес мисс Руа, мы с вами поговорим иначе.

– Вы мне угрожаете?

– Нет, обещаю вызвать вас на дуэль. И в отличие от нее, – Орман кивнул на трогательно прижимающуюся к виконту леди Ребекку, – я отлично стреляю.

Лицо полицейского побагровело, тем не менее он предпочел отступить.

– Предлагаю подвести итоги, – сухо произнес мужчина. – Метки на запястье мисс Руа нет, а следовательно, ее жизни ничто не угрожало.

– То, что меня увезли насильно, теперь не считается? – Я вскочила, чувствуя, как все внутри переворачивается от гнева.

– Если не ошибаюсь, леди Фейбер является вашей опекуншей. – Голос полицейского дрожал от ярости. – В случае недостойного с вашей стороны поведения она имеет право принять меры по своему разумению, чтобы это пресечь.

В эту минуту я поняла, что все бессмысленно. Виконт Фейбер уже переговорил с этим человеком, и, судя по всему, не просто переговорил. Слова Ормана о том, что все люди имеют свою цену теперь представились мне немного иначе. Наверное, я сейчас была зла на весь мир (хотя злиться мне стоило исключительно на себя за свою доверчивость), но желание высказать леди Ребекке, виконту Фейберу, а так же этим так называем блюстителям правопорядка все, что я о них думаю, стало непреодолимым. Настолько, что я уже открыла рот, когда в тишине прозвучал резкий голос Ормана:

– Вы уверяете, что ничего не знали о долговой метке? – Он смотрел прямо на виконтессу.

Первые несколько мгновений после выстрела (хотя я и была в состоянии оцепенения-полусна), мне казалось, что он ее убьет: таким

страшным стал его взгляд. Но нет, сначала раскрылся портал, потом виконтессу и кучера втащило туда вихрями магии, а следом Орман шагнул в него со мной на руках. Чтобы выйти прямо у дверей полицейского участка в разгар дня.

Что ни говори, а мы произвели фурор.

Особенно леди Ребекка и кучер, которых изумрудные хлысты вышвырнули прямо в месиво из снега и навоза.

– Да. – Виконтесса смерила его уничижительным взглядом, но Орман и не думал уничижаться.

Несмотря на то, что он был ростом с изогнутого сколиозом виконта, смотрел он на них сверху вниз.

Знакомое чувство.

– И вы увезли мисс Руа, чтобы уберечь ее репутацию?

– Да. – Леди Ребекка вздернула подбородок.

– От меня.

– Да.

– В полной уверенности, что вашей дочери ничего не угрожает.

– Разумеется.

Орман приподнял брови и развел руками. После его слов в кабинете повисла звенящая тишина, в которой до меня доходило то, что мы все только что услышали.

– Я имела в виду, что Шарлотта мне как дочь! – взвизгнула леди Ребекка. – Я не собиралась ее убивать, я просто хотела ее увезти… подальше от искушений!

Лицо усатого полицейского вытянулось, а виконт словно подавился чем-то несвежим. Он посмотрел на жену так, словно видел ее впервые, мне же вдруг стало нечем дышать.

– Оливер! Да скажи же им, не стой столбом! Скажи им, что я не убийца…

– Достаточно! – резкий окрик виконта заставил ее замолчать.

Осознание того, что произошло, рухнуло на плечи и давило, давило, давило. И без того маленький кабинет вдруг съежился до размеров кукольного домика. Я рванулась к дверям мимо застывших, как в музее восковых фигур, людей. Понимала, что если задержусь здесь еще на несколько минут, просто закричу во весь голос.

– Мисс! Ваше пальто…

Голос за спиной слился с треском захлопнувшейся двери. Я не знала, куда бежать, просто не помнила, поэтому бежала, не разбирая дороги – туда, куда меня вел узенький коридор, испещренный щербинами дверей.

Наверное, я бы все-таки нашла выход, если бы не вздыбившаяся под ногами ковровая дорожка, давно не знавшая чистки. Я споткнулась о край и поняла, что падаю, а потом меня перехватили за талию и резко притянули к себе.

– Куда это ты собралась, Шарлотта?

Орман оказался слишком близко: губы к губам, лицо к лицу. Я не готова была видеть его так близко, я вообще не готова была его видеть.

– Зачем… – прошептала я, чувствуя, что мне не хватает воздуха. – Зачем вы это сделали?! Откуда вы узнали?

– Я не знал. – Он внимательно посмотрел мне в глаза. – Просто подумал, что вашей леди Фейбер нужны очень веские обстоятельства, чтобы в вас стрелять, и это было первое предположение.

Стрелять.

Леди Ребекка в меня стреляла…

– Она защищалась, – слабо выдохнула я.

Не знаю, зачем.

– Ну да. А я королева Энгерии, переодетая мальчиком.

В этот миг остатки самообладания меня оставили. Я заколотила кулаками по его груди, пытаясь вырваться, но Орман держал крепко.

– Пустите, пустите, пустите! – кричала я, задыхаясь. – Да отпустите же! Вы, каменный истукан!

Он перехватил мои руки и прижал запястья к груди, тогда я принялась дергаться, пытаясь освободиться от этой хватки. Лишь когда в коридоре раздались шаги и появился усатый полицейский, замерла.

– Пальто для мисс, – почему-то немного смущенно сказал мужчина.

– Благодарю, – скупо отозвался Орман. – Вы знаете, где меня найти.

Он накинул пальто на мои плечи, мягко направляя к выходу, а я… я вдруг поняла, что мне все равно, куда идти. Мой мир рухнул, рассыпался до основания, в пыль. Леди Ребекка – моя мать?! Осознать это было ничуть не легче, чем то, что она хотела от меня избавиться. Увезти в Фартон и запереть там, где никто обо мне ничего не узнает. Не услышит и не вспомнит. Почему? Потому что я сказала ей о пробудившейся магии? Потому я действительно была угрозой для ее репутации, вот только не так, как предполагала.

Я передвигала ноги, как во сне, словно действие зелья, которым она меня опоила, возобновилось. Как во сне приняла руку Ормана, когда он помогал мне подняться в экипаж. Как во сне привалилась к спинке сиденья и даже не возражала, когда Орман тяжело опустился рядом, а после привлек меня к себе. Мягко, позволяя отстраниться в любой момент, если я

того захочу, погладил по растрепанным волосам.

Нежность от этого мужчины казалась дикой, неправильной и опасной, но я потянулась за ней. Потянулась за его рукой, ласкающей мои волосы, потянулась, прижимаясь щекой к раскрытой ладони. Ладони без перчатки, живой, настоящей. Наверное, мне сейчас отчаянно хотелось почувствовать себя живой и настоящей. Знать, что я все еще дышу, что моя жизнь не оборвалась там, на пустынной дороге.

Не то от метки, не то… от выстрела.

«Знаешь, как он называется?» – Леди Ребекка протягивала мне колосок, на котором крохотные пестрые цветочки собирались в соцветия.

«Нет!» – Я замотала головой, глядя ей в глаза.

«Шоколадник. Потому что когда он зацветает, над холмами тянется запах, похожий на шоколад».

Я понюхала цветочки.

«Но сейчас он не пахнет ничем».

«Потому что он пахнет шоколадом только первые несколько часов, когда распускается. Все его силы уходят на этот аромат, а потом он превращается в самый обычный цветок. В следующем году мы обязательно поймаем этот момент».

Волосы ее растрепались, волосы, по цвету напоминающие шоколад. Она выглядела такой счастливой, и я с визгом бросилась в раскрытые объятия. Леди Ребекка подхватила меня и поднялась, чтобы обернуться к морю, над которым пламенело закатное солнце. Вот только следующего года не наступило: осенью приехал виконт, а весной уже состоялась свадьба.

Но я до сих пор отчетливо помнила улыбку и добрый свет в ее глазах.

Который погас и сменился сначала равнодушием, а после и снисходительным пренебрежением. Наверное, в те годы я была слишком мала, чтобы это осознать.

Как… как так получилось, что…

Мне на руку что-то капнуло. Точнее, оно капнуло на рукав пальто и расплылось кляксой. К этой кляксе присоединилась вторая, третья… А потом я глупо, по-детски заревела, нисколько не стесняясь сидящего рядом мужчины. Всхлипывая, захлебываясь и содрогаясь всем телом, как тучка, которую проткнули вилкой. Не смущали даже объятия, которые неожиданно стали крепче, и раскрытая ладонь Ормана.

– Дай мне руку, Шарлотта.

– Что? – всхлипнула я, непонимающе глядя на него.

– Дай мне руку, – повторил он.

– Не хочу!

– А чего ты хочешь?

– Домой!

– И что ты будешь там делать? Одна.

– Я не одна! У меня есть мисс Дженни, и…

И цветов больше нет. Даже засохших.

Осознание этого прорвалось новым потоком слез, от которых я сквозь всхлипы даже начала икать.

– Вы… вы… бросили… мои… ик… цветы-ы-ы-ы…

– У тебя будет столько цветов, сколько захочешь.

– Не-ет… мне те… нужны…

– Почему?

– Пото… му… что! Я их оживила! А вы… выбро… сили! Умирать! В снег!

– Что ты сделала, Шарлотта? – Орман внимательно посмотрел на меня.

– Ай, да отстаньте вы! Надоела мне эта ваша магия! Все надоело!

Я рванулась, шмыгая носом.

– Отпустите меня, слышите?! Отпустите!

– Только после того, как ты дашь мне руку.

– И что вы будете с ней делать? – сквозь слезы спросила я.

Вместо ответа он взял мою ладонь и коснулся губами пальцев. Одного за другим, не обжигая, а согревая. Дыханием. Короткими поцелуями, которые замкнулись в последнем, в центре ладони. После которого Орман просто мягко согнул мои пальцы, словно запечатывая его. Я же смотрела ему в глаза, не в силах оторваться.

Много чего я видела в этих глазах раньше, но сейчас сквозь туманы и тьму проступало золото солнца. Как в лесу, над запертой между деревьями и спрятанной за непроходимыми тропами поляной. В теплый, ослепительно-яркий весенний полдень.

Солнце вспыхнуло – и погасло. Сжимающие мои пальцы ладонь ослабла, и Орман начал медленно заваливаться на сиденье.

– Месье Орман! – вскрикнула я, но он не ответил.

Лицо его, которое только что заливала бледность, сейчас вообще напоминало восковую маску. Рука под моими пальцами стала просто ледяной.

– Месье Орман! – Я похлопала его по щеке, но тщетно. С тем же успехом его можно было перевернуть вниз головой и потрясти за ногу. Коснулась его плеча, отдернула руку: на темном жилете пятно было незаметно, но сейчас кровь насквозь пропитала ткань и растекалась по

белоснежному рукаву рубашки. В эту минуту мне стало по-настоящему страшно.

Я подскочила, дергая за веревочку колокольчика и одновременно колотя кулаком по стенке. Экипаж не остановился, напротив, ускорил ход. Снаружи доносились визги и ругательства. Да он что, с ума сошел, что ли?

Открыла окно и высунулась на улицу, чтобы крикнуть:

– Остановитесь!!! Мой спутник ранен, ему нужен целитель!!!

Ответа не последовало, только какой-то мужчина шарахнулся в сторону после яростного крика:

– Р-р-разойдись!

Экипаж мчался по улице с такой скоростью, что все расходились, а точнее сказать, разлетались. Пришлось вцепиться в раму, чтобы не удариться головой и не подпрыгивать на каждой выбоине.

– Вы с ума сошли?! – крикнула я. – Вы что, меня не слышите?!

– Не положено!

– Что – не положено?! – взвыла я, глядя на лежащего без сознания Ормана.

– Останавливаться! Сказано – гнать без остановок, чтобы ни случилось, и что бы вы мне там ни кричали.

Нет, ну это уже слишком!

Хотя очень похоже на Ормана.

С треском захлопнула окно и бросилась к нему, пытаясь его приподнять и усадить на сиденье. Когда мне это удалось, расстегнула и принялась дергать рукав его рубашки. Кто говорил, что это будет легко: плотная ткань не желала рваться. Прыгать с ним из кареты на такой скорости – безумие, да и где я буду искать целителя на улицах Лигенбурга?! Ведь наверняка знал, что такое может случиться, поэтому и приказал гнать без остановки. Невозможный, невероятный тип!

В отчаянии вцепилась в рукав зубами, и он с треском поддался. Дальше было проще, я дернула в разные стороны, и в руках у меня остался лоскут. Вывернула его внутренней стороной, сложила несколько раз. Быстро расстегнула жилет и рубашку, прижала тряпку к ране прямо под одеждой, и лоскут мгновенно пропитался кровью.

Царапина у него!

Р-р-р-р-р-р!!!!

– Месье Орман! – На сей раз пощечину я ему влепила от души.

Знаю, что нельзя так с ранеными, но мне самой было дико страшно.

К счастью, подействовало: он открыл глаза, но… лучше бы не открывал. В них клубилась черная ночь, в которой горело раскаленное

солнце. Черные глаза, абсолютно черные белки, а в них – золотая радужка. В довершение всего на пальцах поблескивали изумрудные искры. Если несколько минут назад он был холодный, как лед, то сейчас лоб под моей ладонью просто горел. При этом Орман умудрялся оставаться мелового цвета, только губы напоминали красные штрихи.

– Что с вами?! – выдохнула я. – Что мне делать? Скажите!

– Отойди… Шарлотта. – Он попытался отвести мою руку. – Я и так сдерживаюсь из последних сил.

– Отойти?! Да вы белого цвета!!!

– Это аристократическая бледность.

– Очень смешно! У вас глаза!

– Удивительно…

– Черно-золотые! Это вообще нормально?! Скажите кучеру, чтобы остановился! Вам нужен целитель!!!

– Нельзя…

Нельзя?! Что значит нельзя?!

– Тхай-Лао… знает, что делать…

– Он целитель?!

Поскольку Орман снова начал заваливаться в бок, я бросилась на сиденье между ним и дверцей. Теперь он почти лежал на мне, зато это не позволяло ему рухнуть лицом вниз. С трудом, осторожно поддерживая, снова усадила, помогая откинуться на спинку. Вывернулась из пальто и затолкала его между стеной кареты и затылком Ормана, чтобы было удобнее, чтобы даже случайно не ударился: при такой езде экипаж то и дело подбрасывало на выбоинах мостовой. Странно, что мы еще без колес не остались, но это меня сейчас волновало в последнюю очередь.

Всевидящий! Как еще ему помочь?!

– Пожалуйста! – прошептала я, сжимая горящие руки Ормана в своих. – Пожалуйста, пожалуйста…

От его жара мои ладони нагрелись вмиг. Тепло побежало по кончикам пальцев, а потом с них сорвалось полупрозрачное мерцание, которое мгновенно впиталось в пальцы Ормана. Это же тепло отдалось в предплечья, плеснуло в грудь, собираясь в узелок солнечного сплетения. Я задохнулась от текущей сквозь меня силы, и… вспомнила розы. Что бы это ни было, сейчас оно очень кстати: не медля ни секунды, прижалась к Орману, обнимая его и позволяя магии перетекать сквозь переплетенные пальцы в него. Прижалась щекой к щеке, положила свободную руку ему на шею, чувствуя пульсацию жилки под пальцами.

Поначалу едва уловимый ритм с каждой минутой становился все более

полным, ровным и сильным. Мерцание, которое окутывало нас, напоминало полупрозрачный кокон. Бесцветный, только легкое движение воздуха и едва различимые искры указывали на то, что из меня льется магия.

Тепло втекало в него мягкими, сильными волнами: они прокатывались через меня и согревали его. Одна за другой, мощные, спокойные, исцеляющие. По крайней мере, мне хотелось бы в это верить.

С каждой минутой тепла становилось все меньше, в какой-то момент меня даже затрясло от холода, и потемнело перед глазами, но я не остановилась. Пусть забирает все, оно ему сейчас нужнее.

Даже не уловила миг, когда Орман распахнул глаза.

Взгляд его – уже совершенно точно человеческий – заставил улыбнуться.

У меня получилось!

Я хотела сказать, что у меня получилось, даже потянулась рукой к его лбу, чтобы проверить жар, но в этот миг лицо его исказилось. Орман с силой оттолкнул меня в сторону: так, что я отлетела на соседнее сиденье поломанной куклой. Больно ударилась локтями и потеряла сознание.

Пауль Орман

Новое утро расплескалось по рыжим волосам солнечным золотом. Вчерашняя бледность уступила силе ее магии, возвращаясь красками жизни на светлую кожу и в ровное, глубокое дыхание. Сам он чувствовал себя свежим и полным сил – благодаря ей, а благодаря зельям царапина на плече почти затянулась. Разве что слегка кружилась голова от потери крови. Или от того, насколько близко к нему сейчас была Шарлотта.

Эрик лежал поверх покрывал, глядя на нее, укутанную теплее, чтобы быстрее восстановились силы. Смотрел на тени ресниц на щеках, и не представлял, как можно было так ошибиться в ней. Дважды. Сначала принять ее за развращенную вниманием мужчин играющую в добродетель особу, бравирующую своей невинностью. Потом – решить, что Шарлотте подвластна магия смерти.

Магия смерти подходила ей так же, как порочный наряд куртизанки.

Хотя если говорить честно, он бы не отказался взглянуть на нее в откровенном нижнем белье. Вот только чтобы это произошло, чтобы Шарлотта на такое согласилась, придется здорово постараться. Равно как и для того, чтобы понять, что же произошло в ее прошлом.

Вчера Эрик с трудом удержался от того, чтобы ударить ее так называемую мать. Ярость, затопившая сердце была такой темной, что он уже чувствовал собирающуюся в ладонях магию. Испепелить эту женщину

под изумрудными хлыстами, вгрызающимися в тело, превращающими последние минуты ее жизни в ад. Ее, а заодно и кучера (увозящего Шарлотту под действием зелья и предпочитающего не задавать лишних вопросов), стереть их с лица земли. Так было бы проще, так было бы значительно проще, а современные следователи не определили бы даже угасания магического следа. На пустынной дороге нашелся бы пустой экипаж и перепуганные лошади.

Остановила его она. Ни выдержка, взращиваемая годами. Ни уроки Джинхэя по усмирению ярости. Ни даже осознание того, что он снова превратится в чудовище, которым был много лет назад.

Шарлотта вряд ли вспомнит эту минуту, но когда он дернулся от выстрела и обернулся, силой магии отбрасывая леди Фейбер в снежную пелену, она распахнула глаза.

– Эрик, – позвала тихо.

Этого ему хватило, чтобы остановиться. Открыть портал к полицейскому участку и вышвырнуть туда тех, кому уже почти подписал смертный приговор. Давно он не был так близок к тому, чтобы сорваться. Выпустить на свободу чудовище по имени Эрик Эльгер, сына герцога де ла Мера, разочарование отца… и его собственное.

Ему стоило держаться подальше от этой чистой и светлой девочки, но его тянуло к ней с немыслимой силой. К ее чистоте, удивительно искренней в то время, как большинство выставляют напоказ мнимые добродетели. К ее улыбке, за которой скрывалось не кокетство или желание завлечь, а смущение или радость. К ее соблазнительным губам, которые хотелось целовать до умопомрачения, срывая с них тихие вздохи или жаркие стоны.

Но что он может ей предложить?

Жизнь с чудовищем, застрявшим между жизнью и смертью до конца своих дней?

В свое время он основательно изучал случившийся с ним феномен. Когда Тереза выдернула его из лап смерти, она нарушила основополагающие законы жизни. Сильные некромаги способны и не на такое, но тот, кого вытащили с той стороны, навсегда останется проводником между миром мертвых и миром живых. Таких проводников за всю историю человечества насчитывались единицы, и сказать, что им повезло, можно было с большим приближением. Большинство сразу же сходило с ума от того, что им открывалось. Проводник постоянно будет видеть то, что другим неведомо, постоянно чувствовать ледяное дыхание смерти у себя за спиной… если только его магия – не магия жизни. Как в случае Шарлотты.

Именно магия жизни удерживала ее подальше от грани и тьмы.

Когда она сказала про розы, первой мыслью стала вспышка: «Не может быть».

Но когда она прильнула к нему, переливая свет жизни – так называлась мягкая, удивительно светлая магия, которой обладали маги жизни, все сомнения отпали. Вот только не случись ему раньше прийти в себя, Шарлотта выпила бы себя досуха и отправилась за грань. Туда, откуда ее, как в свое время его, кто-то вытащил на последнем дыхании.

Именно поэтому она видела грань – в точности, как он.

Именно поэтому стала проводником тьмы.

Именно это он ошибочно принял за магию смерти, пытаясь разбудить ее дар. Управлять этим она никогда не сможет, только запирать, как делает он. Стоит ослабить контроль – и тьма может вырваться в мир, как почти произошло в экипаже. Она не понимала, почему ему нельзя к целителю, но целители здесь бессильны. Единственная, кто могла ему помочь – Шарлотта, только магия жизни способна перекрыть поток тьмы, готовый вырваться в мир через ослабленного проводника.

Но что с ней произошло, ему еще только предстояло выяснить.

Как и когда маленькая Шарлотта оказалась на грани жизни и смерти, и кто ее вернул. Теперь, после «признания» материнства искать будет значительно проще. Очевидно, в прошлом леди Фейбер осталась история, после которой ее отослали в Вэлею. Откуда она вернулась уже с «воспитанницей», благочестивая и «поправившая здоровье» настолько, чтобы жить в Энгерии. Осталось выяснить, кем был отец Шарлотты и разобраться в генеалогии «благочестивого» семейства из Фартона.

Но сделать это так, чтобы это больше не коснулось ее. Шарлотта и так натерпелась ото всех них.

«От тебя тоже», – насмешливо подсказал внутренний голос.

От него тоже. Но он сделает все, чтобы это исправить.

Не удержавшись, провел пальцами по ее губам, и в эту минуту Шарлотта открыла глаза.

15

Увидеть Ормана рядом с собой на постели было, по меньшей мере, неожиданно. Хотя не сказать, что непредсказуемо, потому что от него можно ожидать всего, чего угодно! От него – так точно! К счастью, он был одет (в рубашку и брюки, и на том спасибо), но это не отменяло того, что он ко мне прикасался. Откровенно и бессовестно, его пальцы на моих губах совершенно точно были лишними!

Я размахнулась и влепила ему пощечину. Так, чтобы почувствовать

кончиками пальцев, как меня учили. Легче не стало, только ладонь загорелась, но мне было наплевать. Я вскочила, заматываясь в покрывало, и отпрыгнула от кровати.

– Вы! – прошипела я. – Мало того, что вы вчера чуть не умерли у меня на глазах…

– Тебя бы это расстроило, Шарлотта?

Он приподнялся на локте, и, видимо, даже не собирался меня преследовать.

– Нет! Ни капельки! – Я показала ему расстояние между пальцами, которое даже в сотых долях дюйма измерить было нельзя. – Ни капелюшечки!

– Тогда зачем ты меня спасала?

– Потому что не привыкла проходить мимо, когда у меня на глазах умирает человек. Пусть даже такой проходимец, как вы!

– Я – кто?! – У Ормана потемнели глаза.

– Проходимец, – сказала я, правда, уже не так уверенно.

На всякий случай плотнее закуталась в покрывало и стала отступать в сторону двери. Особенно когда Орман поднялся и шагнул ко мне. На щеке алел след от моей ладони, но о пощечине я не сожалела, вот уж о ней – точно ни капелюшечки. Стоило об этом подумать, как у меня коварно закружилась голова. Комната перед глазами начала расплываться, стены пошли ввысь.

– О-ой-й, – тихонько сказала я, когда меня подхватили на руки.

– Когда-нибудь ты допрыгаешься, Шарлотта. И добегаешься. – Орман вернул меня на постель, взбил подушки и усадил прямо в покрывале, за которое я цеплялась, как за последний оплот. – Выпорю тебя так, что неделю сидеть не сможешь.

От такого заявления я на миг задохнулась.

– Вы не просто проходимец, – заявила, когда дар речи ко мне вернулся, – вы еще и извращенец.

– Ты это только что поняла? – он приподнял брови.

– Нет, это я поняла уже давно!

Вернула ему яростный взгляд, пытаясь понять, как далеко уйду в таком состоянии. В общем-то, у меня ничего не болело, кроме души (но душа не считается), а вот голова слегка кружилась. Слабость – какая бывает после долгой простуды с жаром, то накатывала, то отступала. По крайней мере, когда я только открыла глаза, я чувствовала, что могу горы свернуть. А сейчас разве что себе шею, если попытаюсь спуститься с лестницы.

– Уберите руку! – возмущенно сказала я, когда он поправил падающую

на лицо прядку. – Уберите, я сказала!

– Какая ты сегодня воинственная. – Орман даже не отодвинулся.

Взгляд зацепился за вырез на его рубашке, раскрытый треугольником на груди, и я поспешно отвернулась. Не хватало еще пялиться на его грудь. На полуобнаженную грудь мужчины, который сидит рядом со мной на постели. Когда я завернута в одно только покрывало, и, скорее всего, этот мужчина вчера меня раздевал.

Какой кошмар…

Подумала бы я раньше, но сейчас вдруг поняла, что никакого кошмара в этой ситуации не вижу. Что вообще не чувствую по этому поводу никакого смущения.

– Спасибо, что справилась о моем здоровье, – насмешливо заметил Орман.

– Судя по вашему виду, у вас все прекрасно.

Он и правда выглядел гораздо лучше, чем вчера. От бледности не осталось следа, а на плече, которое вчера заставило меня пережить несколько самых страшных минут в моей жизни, не было даже повязки. Судя по свободным движениям, рука у него не болела от слова совсем. Вот и хорошо.

– У меня болит щека. – Орман перехватил мою руку и коснулся кончиками пальцев горячей кожи.

Я попыталась руку отнять, но тщетно.

– А чего вы хотели? – поинтересовалась ядовито. – Вчера, когда я попыталась вам помочь, вы меня оттолкнули.

– Ты поэтому дерешься, Шарлотта? – В глазах его заплясали смешинки.

– Я не дерусь.

– Дерешься. – Он прижал мою ладонь плотнее. – И удар у тебя хорошо поставлен. Осталось научить тебя обращаться с оружием…

– Что?!

– Я пошутил.

Прежде чем до меня дошел смысл его последних слов, он улыбнулся. Если бы на меня сейчас рухнул балдахин, я бы и то меньше удивилась. Улыбка преобразила его лицо настолько, что на миг показалось: передо мной другой человек. Незнакомец, которого я видела под маской в первые дни, до столкновения в коридоре Музея искусств. Наверное, так я его и представляла – в те минуты, когда пыталась мысленно снять с него маску и примерить улыбку на эти губы. Не сразу поняла, скорее почувствовала, что моя рука свободна. Пальцы Ормана коснулись моих скул, заключая лицо в

арку ладоней.

– Я оттолкнул тебя потому, что во мне почти не осталось сил после открытия двух порталов. Я был магически истощен, Шарлотта, и с трудом сдерживался, чтобы не позволить магии вырваться в мир через меня.

– Могли бы быть и поласковее.

– Тогда не мог. Ты почти исчерпала ресурс своей магии, когда спасала меня. Настолько, что потеряла сознание. Ты могла погибнуть, глупая ты девчонка! – Голос его почему-то стал хриплым и низким, так не похожим на надтреснутый голос Ормана или певучий – мужчины из моих снов. – За одно это тебя стоило бы выпороть.

– Вы слишком часто говорите про порку. – Я смотрела в его глаза, не в силах отвести взгляд. – Меня это пугает.

– А меня пугает то, что я мог тебя потерять.

Пальцы погладили мои скулы – едва ощутимо, но куда ощутимее были слова, которые я только что услышала. Я моргала, пытаясь понять, что он имел в виду.

– Ты просила быть поласковее, – он почти касался моих губ своими. – Но этому придется меня учить. Тебе.

Прежде чем я успела опомниться от интимной откровенности этих слов, Орман подался ко мне еще ближе.

– Поцелуй меня, Шарлотта.

Хуже всего было то, что мне хотелось его поцеловать. Отбросить все сомнения и коснуться этих губ, которые так невероятно смягчила улыбка. Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, я подалась к нему и легко поцеловала… в щеку. Туда, где все еще пламенел след от моей ладони, вбирая губами жар его кожи и чувствуя, как пальцы на моих щеках напряглись.

– Ты играешь нечестно, Шарлотта, – хрипло сказал он, когда я мягко отстранилась.

– Кто бы говорил, Эрик.

Я откинулась на подушки.

– Мне лучше вернуться домой.

Он посмотрел на меня: жарко и сумрачно, от такого взгляда сознание окончательно помутилось. К счастью, я уже была достаточно далеко. Достаточно далеко от него, чтобы не наделать глупостей, мысли о которых посещали меня, когда я скользила губами по его щеке и хотела продлить это прикосновение пальцами. Скользнуть вдоль скулы к виску, дотронуться до серебряной пряди, согревая ее ладонью.

Опасные мысли.

На миг показалось, что он слышит их все, все до единой. Что сейчас единственная преграда покрывала отлетит в сторону, а я окажусь вжатой в простыни, что его руки сомкнутся на моих запястьях браслетами. Но нет – Эрик подался назад и поднялся, принимая мой выбор.

– Я подготовил договор, – неожиданно сказал он. – Магический договор на обучение.

Магический… что?!

– Когда только успели? – поинтересовалась я.

– Мне не спалось ближе к утру.

– Я не смогу остаться в вашем доме.

– И не нужно.

Я приподняла брови.

– Но вы же говорили, что моя магия опасна, и что вам нужно постоянно находиться рядом.

– Я нашел другое решение.

Хотела спросить, какое именно, но вспомнила о встрече с герцогиней и о том, что меня ждет новая работа.

– Мне предложили должность помощницы художника-декоратора, – сказала я. – Поэтому я смогу заниматься только вечерами и по выходным. Возможно, – поспешила добавить. – Если меня устроят условия договора и решение, которое вы нашли.

Эрик приподнял брови.

– А ты времени даром не теряешь, Шарлотта. Быстро учишься.

– Надеюсь, с магией будет так же, – заметила я и даже не отвела взгляд, когда своим он огладил мои обнаженные плечи. Если я собираюсь и дальше иметь с ним дело, к такому нужно просто привыкнуть. – Давайте сюда ваш договор.

Он открыл верхний ящик прикроватной тумбочки. Протянул папку, тесемки которой я развязала и углубилась в чтение. В договорах я была не сильна, особенно в магических, но этот был написан вроде как самыми обычными чернилами на самой обычной бумаге. Резкий почерк с сильным наклоном, очевидно, принадлежал Эрику.

Настоящий договор заключается между месье Паулем Орманом (наставником) и мисс Шарлоттой Руа (ученицей). Договор и является магическим соглашением, действующим все время обучения и содержит следующие условия:

1.1 Наставник обязуется предоставить ученице все необходимые материалы и доступ к любым книгам из своей библиотеки, необходимым для обучения.

1.2 Наставник обязуется обеспечить ученицу комфортными условиями для обучения, которые помогут ей освоить теорию и основные навыки практической магии в кратчайшие сроки.

1.3 Наставник обязуется раскрыть магию ученицы и помочь ей освоить практическую магию, основные заклинания по ее направлению и прочие навыки.

1.4 Наставник несет ответственность за все, что происходит с ученицей во время обучения, и обязуется оберегать ее ото всего, что может произойти во время раскрытия магического потенциала.

1.5. Помощь наставника в обучении является абсолютно бескорыстной и не накладывает на ученицу никаких обязательств, помимо приведенных ниже.

2.1 Ученица обязуется неукоснительно соблюдать требования безопасности и подчиняться наставнику во всем, что касается обучения.

2.2 Ученица обязуется ответственно относиться к своему магическому потенциалу и не заниматься его раскрытием без присутствия наставника до конца обучения.

2.3 Ученица обязуется сообщать наставнику обо всех вспышках магии или ее необычных проявлениях, происходящих с ней во внеучебное время.

2.4 Ученица обязуется следить за своим здоровьем и незамедлительно сообщать о любом недомогании наставнику.

2.5 Ученица принимает помощь наставника во всем, что указано в разделе 1, и безоговорочно соглашается на условия, оговоренные в пунктах настоящего соглашения.

3. 1 Наставник обязуется сохранить в тайне магический потенциал ученицы.

3.2 Ученица обязуется сохранить в тайне магический потенциал наставника.

Настоящее соглашение вступает в силу с момента подписания и действует до конца обучения.

Все время, что я читала, чувствовала на себе пристальный взгляд Ормана, а еще чувствовала себя как-то странно. Стоило мне закончить читать, как место, где я должна была поставить подпись, засияло изумрудными искрами.

Ой-ой.

Сразу вспомнилась долговая метка на запястье и стало как-то не по себе.

Я перечитала договор еще несколько раз, но не нашла в нем ничего подозрительного. Хотя нет, кое-что подозрительное в нем все-таки было:

то, что его составлял Орман. И вообще, зачем заключать магический договор, когда можно заключить обычный?

– Тебя что-то беспокоит, Шарлотта?

Орман стоял рядом, сложив руки на груди, и в этот момент я окончательно убедилась в том, что меня кое-что беспокоит.

– Да. Почему нельзя заключить обычный договор?

– Можно и обычный, – подозрительно спокойно согласился Орман. – Но магический нельзя уничтожить. До того, как обязательства по нему будут полностью исполнены и неукоснительно соблюдены.

– То есть как нельзя?! Совсем?! А если я брошу его в камин?

– Попробуешь, если подпишешь, – он хмыкнул.

– А если магией?

– Магия бессильна против подписанного двумя сторонами магического соглашения.

– Даже магия смерти?

– Даже магия смерти.

Ой-ой-ой-ой.

Я перечитала договор еще раз.

– Все ищешь подвох, Шарлотта.

Не то слово. Но найти пока не могу.

– Нужно включить пункт о времени обучения, – заметила я, наконец. – Чтобы вы не смогли выдернуть меня посреди рабочего дня, мотивируя это необходимостью срочной отработки практических навыков. И добавить, что я не стану оставаться у вас на ночь по той же причине.

Орман кивнул:

– Хорошо. Но тогда добавлю и то, что в случае чрезвычайных ситуаций (например, опасности прорыва магии), я имею право отозвать тебя с работы, невзирая на оговоренное в предложенном тобой условии.

– Справедливо. И еще. Нужно отдельно оговорить пункт, что я оставляю за собой право расторгнуть договор, если мне что-то не понравится.

– Вот это вряд ли, – он покачал головой.

– Почему это?

– Потому что договор – это ответственность двоих. Если ты настаиваешь на таком пункте, он будет звучать так: «В случае, если наставник и ученица исчерпают желание продолжать обучение, договор подлежит досрочному расторжению по взаимному согласию сторон».

– То есть мне потребуется ваше согласие?

– Совершенно верно. Но я не собираюсь держать тебя силой,

Шарлотта.

Прищурилась: как-то все подозрительно хорошо складывалось.

– Ладно. Что насчет решения?

Эрик раскрыл ладонь и протянул мне брошь-медальон, выполненную в форме увитого листьями цветка на потертом от времени кругляшке меди.

– Связующий артефакт. С помощью него я всегда смогу узнать, где ты находишься, будешь всегда носить его с собой. Если почувствуешь, что что-то не так, просто откроешь…

Он нажал на крайний листочек, и крышка медальона открылась. Внутри клубились искры, едва различимые, как оседающая в солнечных лучах пыль.

– И разорвешь контур. Вот так, – Эрик коснулся пальцем сердцевины медальона, искры вспыхнули и погасли. Впрочем, подчиняясь его магии, они тут же засияли вновь, наполняя пластину зеленоватым мерцанием. – И я приду, где бы ты ни была.

От того, как это было сказано, стало жарко. Орман смотрел на меня, не таясь: энгерийские джентльмены не смотрят так на леди и мисс, интерес в их взглядах всегда завуалирован вежливостью. Подобные взгляды – скользящие по губам, ласкающие и откровенные, заставляющие кровь быстрее бежать по венам, скорее уместны не в самых приличных домах. А я, наверное, не самая приличная мисс, потому что мне это нравилось. Нравилось видеть в его глазах не отражение чопорной благопристойности, а желание.

– Я не поблагодарила вас, – сказала тихо. – За то, что спасли мне жизнь.

– У меня были в этом свои корыстные цели. – Орман устроился на краю кровати рядом со мной.

– Какие же?

– Например, увидеть, как ты улыбаешься.

Он чуть подался вперед, коснулся пальцами моего лица.

– Но от благодарности я бы не отказался.

– С нее началось наше знакомство, – хмыкнула я и убрала его руку.

– Пусть ей оно и продолжится.

– В таком случае я благодарю вас, месье Орман.

– Всегда пожалуйста, мисс Руа.

От такого официального обращения не выдержала и улыбнулась.

Мы смотрели друг на друга, и я вдруг отчетливо поняла, что хочу, чтобы оно продолжилось. Действительно хочу узнать его настоящим. Увидеть его без маски.

Не Пауля Ормана, а Эрика.

– Мне бы хотелось начать обучение со следующей недели, – сказала я и потянулась к договору. – Но прежде нужно внести пункты, которые мы с вами оговаривали.

– Разумеется.

– Разумеется – что?

– Мы внесем все оговоренные пункты и начнем обучение со следующей недели.

Что это он сегодня со всем соглашается?

– Хм…

Взяла брошку и покрутила ее в руках. Тяжелая, старинная… Интересно, Орман любую вещь может превратить в артефакт? И я тоже смогу? Хотя вряд ли, магия смерти – не та сила, с помощью которой стоит создавать артефакты. Мысли о пугающей сути темной магии немного поумерили мой энтузиазм.

– Вы говорили, что я могу представлять опасность для окружающих. Что, если я просто не успею воспользоваться этим?..

– Успеешь. – Орман сунул руку в карман и достал перстень.

Массивный, тяжелый: золото заключало в себе удивительный, ни на что не похожий камень. Не присматриваясь, я бы сказала, что это сапфир, но стоило перстню лечь мне в ладонь, как камень начал стремительно светлеть, словно раскаляясь, на нем отчетливо проступили черные прожилки. Я вскрикнула, украшение выпало из моей ладони на покрывало.

– Что это?!

– Не бойся. – Он мягко взял мою руку и надел перстень мне на палец, после чего камень чуть посветлел вновь. – Это алаэрнит. Камень мага. Его используют, когда магия нестабильна, или в начале обучения. В детстве и юности я носил его, не снимая, чтобы знать, когда магия начинает набирать силу.

– То есть сейчас во мне магия набирает силу?

– Нет, сейчас она в тебе спокойна. Если начнутся волнения, алаэрнит будет светиться, если возникнет угроза – почернеет. Но последнего лучше не дожидаться.

– А почему он не реагирует на вас сейчас? Вы же очень сильный маг.

– Это моя особенность, Шарлотта. Поговорим о ней позже.

Позже так позже. Того, что случилось, и того, о чем мы с ним разговаривали, мне надолго хватит. Думать, думать и думать, удуматься можно.

– Я попрошу Тхай-Лао подать завтрак. Пока ты будешь есть,

переделаю договор.

– Прямо здесь? – уточнила я.

– Да.

Было в этом что-то неправильное: завтракать и смотреть, как Орман составляет новый договор. Он сидел вполоборота ко мне, от чашки с кофе к нему тянулся дымок. Чернила, которыми он писал, напоминали мерцающее ночное море. Магические.

Магия.

Странно было думать, что скоро она станет частью моей жизни.

Скоро моя жизнь изменится окончательно, хотя… пожалуй, уже изменилась.

Договор я перечитала за чаем (к счастью, в этом доме он тоже имелся). Надо отдать должное, такой насыщенный и ароматный, какого мне никогда раньше пить не доводилось. Неудивительно, в общем-то: Иньфай – родина чая, а у моего учителя в дворецких, поварах и всех остальных, кажется – иньфаец. После того, как Орман принес второй экземпляр (его я тоже перечитала на всякий случай), осталось последнее. Поставить подпись.

– Одолжите мне свои чудо-чернила? – поинтересовалась я и кивнула на магическую баночку и перо на подставке.

– Это делается немного иначе, Шарлотта.

Орман раскрыл футляр, внутри которого, в металлическом саркофаге, сверкнула игла.

– Ой, – сказала я, когда он в то же мгновение проколол себе палец.

Сорвавшаяся на лист капелька крови вспыхнула изумрудным сиянием и собралась в подпись. В самую настоящую подпись, внутри которой мерцали искры. То же самое произошло со вторым экземпляром, хотя к нему Орман даже не притронулся.

Прежде чем успела опомниться, по игле уже пробежало зеленое пламя, раскаляя и тут же остужая.

– Дай руку, Шарлотта.

– Нет! – взвизгнула я и начала отползать в подушку.

– Это не больно.

– Я вам не верю!

– Шарлотта, – он улыбнулся, – ты что, боишься одной маленькой иголочки?

– Ничего себе маленькой! – сказала я, глядя на то, что он сжимал в руке. – Да это же жало слона!

– У слонов не бывает жала.

– Вот если бы было, оно бы было такое, – заявила я и сунула руки

подмышки. – На такое я не подписывалась! Нет! И вообще, почему нельзя обойтись без договора?

– Потому что ты очень любишь гарантии. – Орман протянул мне руку. – Обещаю, больно не будет.

Под его взглядом закусила губу и медленно вложила пальцы в его ладонь.

Больно действительно не было: я почувствовала лишь прикосновение, легкое и незначительное, а в следующий миг на договоре уже вспыхнула моя подпись.

Ой-й-й…

– Ну вот и все. Давай договоримся, что во время обучения ты будешь называть меня Эрик.

– Чем вам месье Орман не угодил?

– Когда это произносишь ты, я чувствую себя слишком… месье.

Он отошел к столу, где остались письменные принадлежности, и вернулся ко мне с листочком бумаги. Я пробежала его глазами и нахмурилась, увидев незнакомый адрес.

– Что это? – недоумевая, взглянула на Эрика. – Там мы будем заниматься магией?

– Нет, Шарлотта, – он улыбнулся. – Там твой новый дом.

Эпилог

Зеркало отражало какую-то совсем незнакомую меня. Волосы были разделены пробором, чуть приподняты и собраны на затылке. Свободные пряди, стекающие на плечи и грудь, уложены крупными локонами. Смотреть на себя такую было странно, еще более странно было видеть себя в платье с витрины модного дома мадам Гренье. Малахитовый цвет придавал достаточно смелому фасону утонченности, а пышные полупрозрачные рукава – легкости.

Платье мне принесли вечером в субботу, я как раз вернулась после беседы с антрепренером и главным художником-оформителем театра ее светлости. Вчера они со мной встретиться не смогли из-за каких-то неотложных дел, поэтому мне принесли записку от ее светлости, что подъехать нужно будет в выходной. Сошлись мы на весьма достойных условиях работы: мне предстояло помогать в оформлении нового спектакля каждый день, кроме субботы и воскресенья (по крайней мере, в первые пару месяцев). Дальше, ближе ко дню премьеры, возможно, придется работать побольше, если мы не будем успевать. Меня заверили, что такое редко, но случается, я ответила, что меня это не пугает.

Что меня приятно поразило, так это отношение: немолодой уже

мужчина, занимающийся оформлением декораций, ни разу не взглянул на меня свысока. Так же, как и директор театра. Оказывается, они оба видели «Девушку» и сошлись во мнениях, что это очень интересное решение и необычный сюжет. После такого домой я летела, как на крыльях, а вернувшись, обнаружила у дверей посыльного с огромной коробкой. С такой огромной, какие я раньше видела разве что на картинках.

– Это для вас, мисс, – произнес он.

– От кого?

В общем-то, вопрос был риторический и вызвал улыбку, которую я не смогла удержать.

– Внутри есть письмо.

Мы прошли в мансарду, и паренек устроил коробку на тахте. Я протянула ему чаевые, но он покачал головой. Хотя и не спешил уходить.

– Мне велено дождаться, пока вы откроете коробку, – сказал посыльный. – И если решите выбросить подарок в окно, вас остановить.

После такого письмо можно было не читать, но я все равно потянула за роскошный бант и приподняла крышку. Внутри, на тончайшей оберточной бумаге, лежал конверт. Я не удержалась, отогнула шелестящий уголок и провела ладонью по нежнейшему атласу. Платье из салона мадам Гренье я узнала сразу, по цвету. Рукава из органзы были уложены отдельно, за картонной перегородкой. Точно так же, как и бархотка с камеей.

Улыбнувшись, раскрыла конверт, из которого выпал сложенный вдвое листок, и… контрамарка в Королевский театр.

«Лацианские страсти» – так назывался спектакль, который должен был состояться завтра вечером.

Приложенная к нему записка гласила: «Буду очень рад тебя видеть».

Несмотря на то, что подписи не было, почерк я узнала сразу. Еще бы – после того, как столько раз перечитала договор, но так и не заметила подвоха. Подвох оказался в «комфортных условиях», под которыми подразумевался дом, где мне предстояло жить, и обеспечение меня на время обучения.

Первые минуты, пытаясь осознать произошедшее, я хлопала глазами, а потом взвилась с постели.

Ну вот и какой он после этого Эрик?! Месье Орман как есть!

– Я не стану жить в вашем доме!

– Этот дом принадлежит не мне.

– А кому же? – поинтересовалась, подхватывая покрывало, которое от резких телодвижений решило меня покинуть.

– Тхай-Лао. Но он с радостью примет тебя в качестве гостьи.

Собиравшаяся было продолжить, опешила.

– Вашему… дворецкому?!

– Да, а что тебя удивляет?

– Все! Я не возьму от вас денег.

– Это стипендия, Шарлотта, – он сложил руки на груди. – За отличное обучение.

– Неужели?!

– Именно так.

– А если я буду учиться отвратительно?

– Ты? – Орман насмешливо посмотрел на меня, а я топнула ногой.

– Вы не имеете права!

– Ты подписала договор. Не спорь, во время обучения магии требуется много сил, а в твоей продуваемой всеми ветрами мансарде даже отдохнуть толком не получится. Я не допущу, чтобы ты простудилась или заработала истощение.

Надо отдать должное, толк в его словах был, но тогда я не готова была это принять. Домой приехала в самых растрепанных чувствах, мысленно ругая Ормана страшными (по моему мнению) словами. И только на следующее утро, немного остыв, отправила ему записку, что согласна на переезд (не на обеспечение!), что со мной (обязательно!) будет кошка, но мне нужно время на сборы до понедельника. Спустя несколько часов мне принесли ответ, что согласны на кошку и на вечер воскресенья. Подумав, решила, что это разумно: переезжать в рабочий день гораздо сложнее.

В итоге полдня собирала вещи, а потом собиралась в театр.

– Так что мне ответить? – спросил посыльный, когда я закрыла коробку.

– Ответьте, что я хотела выкинуть подарок в окно, но он застрял.

После его ухода я разглядывала платье, разложенное на постели. Впрочем, моей постели не хватало, чтобы разложить этот роскошный наряд как следует: атлас стекал вниз и стелился по полу малахитовыми волнами. Мне даже прикасаться к нему было страшно, но не прикасаться я не могла.

Невероятная, сказочная красота!

Ближе к ночи, когда платье уже было убрано в коробку и плотно закрыто (чтобы интересующаяся им мисс Дженни не оставила следы лап и когтей), в дверь снова постучали. Тот же посыльный вручил очередной конвертик.

«Завтра к тебе приедет помощница, чтобы помочь собраться».

«Я не сказала: «Да», – написала ответ, хотя уже тогда знала, что согласна.

Раньше мне и в голову не пришло бы появиться на людях в таком смелом наряде, но после случившегося… Кажется, что-то во мне все-таки изменилось в ту ночь, когда я выпила предложенный леди Ребеккой чай и осела на пол. А может быть, в тот момент, когда я узнала о том, кем она мне приходится на самом деле.

Думать об этом было невыносимо, настолько невыносимо, что я просто запечатала воспоминания внутри. До той минуты, когда смогу перебирать случившееся в памяти, не опасаясь разрушить все светлое, что между нами было.

Наверное, этот день когда-нибудь придет.

Наверное.

По крайней мере, мне очень хотелось в это верить.

Вернувшись в реальность, посмотрела на девушку, которая помогала мне с прической и отгладила платье.

– Спасибо, Сюин, – я улыбнулась ей.

– Не за что, мисс.

– Шарлотта, – поправила я.

– Шарлотта, – она улыбнулась в ответ.

Иньфаянка была невысокой и худенькой. Таких густых и длинных темных волос мне раньше не доводилось видеть. Темно-карие, миндалевидные глаза, светлая кожа, тонкие, но красивые губы… Она напоминала удивительно хрупкую статуэтку, ожившую по какому-то древнему волшебству.

Стоило мне подумать, что я хочу написать ее портрет, как Сюин глянула на часы.

– Скоро должен прийти экипаж, – произнесла она. – Я встречу.

Не дожидаясь ответа, подхватила накидку и выбежала за дверь. Мисс Дженни, крутившаяся под ногами, нырнула под пышные юбки, и тут только я поняла, что накидки у меня нет. Точнее, у меня нет накидки под такое платье, мое пальто рассчитано на наряды без кринолинов. Пока я соображала, что с этим делать (Не застегивать пальто? Ехать без него, накинув на плечи шаль – но как в таком виде выходить у тетра?), в дверь постучали.

– Сюин, не заперто! – крикнула я.

Обернулась на шаги и замерла: передо мной стоял Ирвин.